

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ АВТОРОВ

РУССКИЙ STIL 2012

STELLA
Германия

© Русский Stil-2012.

Литературный альманах современных русских авторов.

В книге использованы работы, представленные на творческие конкурсы
сезона-2012.

ISBN 978-3-944121-08-6

Редактор-составитель Л. Баумгартен.

© Дизайн: В. Цветков.

Авторский стиль произведений сохранен.
Сохранены также особенности пунктуации и орфографии авторов.

Verlag «STELLA»
Deutschland

Фестиваль-конкурс литературы и искусства

- Представление современной русской литературы международной литературной общественности;
- Поиск значимых литературных произведений на русском языке, выявление новых талантливых авторов в России и за рубежом, создание им условий для публикаций в средствах массовой информации и издательствах Европы;
- Популяризация литературного творчества через визуальные формы, в том числе фотографию;
- Выявление талантливых поэтов-песенников, авторов-исполнителей и популяризация их творчества;
- Установление контактов между поэтами и композиторами независимо от места их проживания.

Награждения

Лауреатами и дипломантами Фестиваля являются участники, прошедшие окончательный отбор в своей номинации и утвержденные в качестве победителей решением жюри.

В каждой номинации утверждается 3 призовых места.

1-ая степень — победители получают главный приз Фестиваля — Литературного Оскара в своей номинации (в случае приезда на церемонию награждения), медали, почетные грамоты и авторский экземпляр фестивального альманаха (могут быть высланы почтой).

2-ая и 3-я степени — победителям вручаются медали, почетные грамоты Фестиваля и авторские экземпляры фестивального альманаха (могут быть высланы почтой).

Дипломантам вручаются дипломы участников Фестиваля (могут быть высланы почтой).

На фестивале присуждаются специальные призы и присваиваются звания:

Приз «За талант и женственность в поэзии!» имени Марины Мануйловой (учрежден Альянсом русскоязычных женщин «ДОБРОДЕЯ») для участниц в номинации Поэзия.

Приз в номинации «Лидер партнерства».

Звание «Автор — стильное перо!» — в литературных номинациях и звание «Мастер!» — для фотографов.

Объявление победителей и вручение наград происходит на ежегодном Фестивале в Германии, который по традиции проводится в первой половине осени. Участникам Фестиваля высылаются приглашительные документы в Германию.

Поэзия

Наталья БЕЛЬЧЕНКО

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Ежеосенний запах от осенних
Ветвей — как в детство впавших в листопад...
Где, поредев, распутается тень их,
Там за клубками прыгнут сто котят.
Отец мой голубем лесным вернулся
В свои леса, в ладони к Леснику,
И как река, отставшая от русла,
Я к этому Лесничеству теку.
До постиженья тайны пара всхлипов
Осталась, но расплакаться — нельзя.
Как стать рекою, из дождя не выпав?
Начнись, неукротимая гроза!
Но устья нет на улице застывшей,
Среди неизреченного тепла...
Река реке не делается ближе,
А просто говорит, куда текла.

* * *

Упрятавшейся в лоно фонаря, —
Где твой фитиль охватываю я,
Тобой разносклоняемое пламя, —
Какого же имени желать,
Когда на свет слетелась благодать,
И сумрак расступается над нами?

Так, часть — до целого и пол — до полноты
Довоплощаешь, проникая, ты,
И бегство упраздняется по мере
Прибежища, налившегося в нем,
Пока не в схватке с нашим веществом
Отравленное вещество потери.

А нежность — даже посреди огней —
Влажна и обступает тем тесней
Ковчег фонарный, что иной неведом.
Он сам себе голубка и причал,
Его, как жизнь, никто не выбирал,
И никому не увязаться следом.

* * *

Целебная осень полей и холмов
Пришла. Обостряется зреньё,
Как лемех на пахоте; день — птицелов,
Упавший средь птиц на колени.

Затерпла земля, как орех в кулаке,
И жизнь — не крупнее ореха,
Пока на лопатках валялся в тоске,
Пока не латалась прореха.

Но там, где калина девицей кровит —
Девичества нет и в помине:
Рождается жертвенный гермафродит
На живородящей калине.

Он вглубь родового строенья войдет,
Где Мокошь и Мойра — подруги,
И снимет проклятье. И вытравит род
Свои роковые недуги.

И всё оправдается в слове живом,
Как в предках сгустилось когда-то,
Но будет у сердца колотиться жнивьём,
Чтоб помнило, что виновато.

Ольга КОЗЭЛЬ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Купала

Михаилу Рослякову

А говорят, что папоротник цветёт
Лишь раз в году — змеиным синим цветом.
...Его зовут... Не важно! Он — актёр.
Рассеян, горд. И синеглаз при этом.

Что делать? Взять фонарь и дробовик
И — в лес искать цветок. Судите сами:
На сцене он — то князь, то большевик,
Кого ж играть — с такими-то глазами?

Найти, в нагрудный запихнуть карман
Цветок, что смерть несёт или удачу.
Пусть тот, кого друзья зовут «Иван»,
Когда-нибудь узнает — и заплачет.

Купала-свет. Купала-тьма, погост.
Но полночь за окошком — городская.
Девчонка смотрит, как латают мост,
Как сварщик огоньком щекочет сваю.

Как раскаленный синий огонек
Стремглав влетает в спящие кварталы...
Купала, спи! Зачем нам невдомёк,
Как мы любимы на Земле, Купала?

Надпись на зеркале

Г.Д. Феоктистовой

Её звали Галя, Галчонок, а он — Крузенштерн
(Нет, не адмирал, а другой, но курсант из Морского).
Любить до скончания века, до порванных вен
Её — вдвое старше — ну, глупость, ну, честное слово!

Он носа не вешал: тут вам не корабль и не бал.
В театре уездном она танцевала Одетту.
Курсант не заметил и сам, как к ногам её пал
Без боя. Хоть прежде и был равнодушен к балету.

Курсанта стыдит, на поверку построив отряд,
Начальник: чтоб не было этих отлучек в помине!
А что тут ответишь? Четвертую зиму подряд
Он предан не морю, а рыжей своей балерине.

Что делать! Пей ром для забвенья! Кури анашу!
Не стану! Приду в танцевальный твой класс полутемный.
На зеркале я напишу, что тобою дышу, —
Не будет меня. И тебя. Но оно всё запомнит.

Запомнит — и впредь не допустит ни сплетен, ни врак,
Правдивее нас зеркала — никуда тут не деться.
А то, что меня ты не любишь — ведь это пустяк.
У зеркала память длинней в тыщу раз, чем у сердца!

Надежда ЕГОРОВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Ночь. Комната. Постельное белье
В тонах пастельных.
Я в нем, как в облаках, в небытие
Плыву бесцельно.

Я в кокон одеяла завернусь —
Так слаще спится.
Из бабочки я в гусеницу тщушь
Вновь превратиться.

И сбрасываю легкую пыльцу
Румян под утро:
Ребенку абсолютно не к лицу
Ни тушь, ни пудра.

И если «быть» предполагает «жить
В трех измереньях»,
То я предпочитаю дальше плыть
Не по течению.

А против, чтобы чистой в судный час
Предстать пред Богом.
Младенцем без греха и без прикрас
К Его чертогам

Идти легко и видеть впереди —
У входа прямо,
Спеша прижать к тоскующей груди,
Меня ждет мама.

* * *

Сегодня ты так ласково взглянул
И словно нить сквозь годы протянул.
И будто мне опять 17 лет,
И я не знаю вкуса сигарет,
Не ведаю предчувствия беды,
Сухую вылезаю из воды.

Меня хранит родительский очаг,
 Ему пустеть еще не пробил час.
 Еще не бьет копытом белый конь,
 Который понесет меня в огонь.
 Еще в шкафу, что на замок закрыт,
 Приданое не тронуто лежит.

* * *

Где-то там, в суете ресторанной,
 На горячем морском берегу
 Все осталось: и радость, и раны,
 И «Люблю!», и «Хочу!», и «Могу!»

В мягких креслах гостиничных комнат,
 На зеленом сукне казино
 Все осталось и, вряд ли нас вспомнят,
 Те, кто пил за знакомство вино.

Взгляды, жесты, улыбки, дыхание —
 Колебания воздуха, вздор!
 Мы с тобой не прошли испытанье
 На любовь, вот и весь разговор.

Эта очень приятная ноша
 Оказалась нам не по плечу.
 И не важно, что я тебя брошу.
 Не люблю. Не могу. Не хочу!

* * *

Чашка кофе в руках сиротская.
 Та же юбка и та же блузка.
 И пятнадцать минут на Бродского
 От Речного до Белорусской.

И когда метро меня выплюнет
 В центре города на Таганке,
 Мое тело, обмякнув, выплывет,
 Как бычок из консервной банки.

Заглотнет меня лифт-аквариум,
 Буду долго ползти на третий,
 Чтобы вечером семгой жареной
 Закусить на чужом банкете.

Елена ПЕСТЕРЕВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Они сейчас подействуют уже
и ты уснешь покоен и блажен
и ничего дурного не случится
среди закатов ласточек стрижей
и петушков на палочках и спицах

еще пока акация щедра
и осыпает землю семенами
цикорий синий между валунами
и выжженные солнцем добела
настурции кивают головами

как много дашь еще раз посмотреть
на то чего и нет уже в помине
там поднимались длинные ступени
гранитные невидные на треть
под бабочками желтыми сухими

то серые зеленые одни
то с бежевыми светлыми боками
там половинки ящериц мелькали
и замирали головою вниз
и крыльями как листьями шуршали

как часто было нечего сказать
но ты ложился закрывал глаза
и речь текла легко и безмятежно
каких-нибудь пятнадцать лет назад
на тех же лежаках матрасах тех же

где кипарисовый кончался строй
кончался день шелковицей густой
и стыло ежевичное варенье
пойдем домой теперь пойдем домой

успокоительное звукоповторенье
 как трудны переходы в высоту
 что там за точки темные внизу
 что там за мир квадратами расчерчен
 любой-любой доверившийся сну
 неуязвим недвижим и бессмертен.

* * *

К четырем часам настает жара,
 Застываешь, голову вверх задрав,
 Изогнув позвоночный стержень.
 Небо светится изнутри себя
 Наподобье мутного фонаря.
 Из асфальтовых черных трещин
 Поднимается плотный зловонный жар.
 Память делает первый нетвердый шаг
 Обонянью навстречу.
 Снова видишь, как от локтя к плечу,
 Не имея сил предложить ничью,
 Еле движется ложный шершень;
 Под разохшимся яблоневым дичком
 Вдоль оврага собака лежит ничком,
 И все жарче, и запах резче.
 Над костром на палке висит ведро,
 И его гудроновое нутро
 Закипает и трудно дышит.
 Подаешь рогаткой ведро наверх
 И, на вдохе лестницу одолев,
 Заливаешь гудроном крышу.
 А обратно — страшно, что по смоле,
 И на женский глубокий горячий след
 Наступаешь своим, поменьше.

А потом проходит полтыщи лет,
 Застываешь, солнечный чуя свет,
 Словно пойманный ловкой вершей,
 Объясняешь путано сам себе,
 Что ни дома, ни женщины больше нет,
 А всего лишь асфальт потекший.

Валентин АЛЕКСЕЕВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

А.Н.

А горе ходит по домам,
Скрипит дежурно половицами,
И без остатка («наше — вам»)
Поет причитки чернолицыце,
И крепом кроет зеркала,
Как свечи, ставит фотографии,
И в центре чистого стола —
Стакан. И хлеб. И эпитафия.

Мосты теперь разведены,
И ни души, ни перевозчика,
А ты боишься глубины,
И отойти назад — не проще. Как
Сосна с надломленным стволом,
Над берегом воде поклонисься,
Но сколько бы ни бить челом —
Ни зги, ни края и ни доньшка.

Беззвучно капает смола
И вязнет в тишине бессонницы,
И ночь мучительно мала,
И убегает прочь бессовестно.
И ни нырнуть, и ни шагнуть,
И не взлететь вослед за птицами...
И горе в дом находит путь,
Скрипя привычно половицами.

Зерно

Значит ли это, что времени строки скупы,
 И лихолетье замкнуло твои рубежи?
 Тают на сердце снежинки словесной крупы,
 Не убеждая от века, что все же ты жив!
 Так опостылело стылое бремя зимы,
 Вихри в бескрайних полях и небесная мгла,
 Что и не ведаешь, где без сумы и тюрьмы
 Есть ли земля, да и та не сгорела ль дотла?
 В кому впадая ли, в реки, а, может быть, в речь,
 Не узнаешь человеческих лиц, голосов.
 Сбросив юдоли безмолвие белое с плеч,
 Ищешь проклонуться словом сквозь снежный покров...

Осеннему Петербургу

А в городе пахнет осенью,
 И кованые ограды
 Чернеют на фоне статуй
 В классическом стиле ню.
 Багряной листвою росстани
 Усыпали вертограды,
 И в сумерки сходят даты
 Навстречу быломu дню...

Окутанный ароматами,
 Скользнет недоступной тенью
 По каменным парапетам
 Девический силуэт.
 А где-то за колоннадами,
 Отвесив поклон мгновенью,
 Не вспомнит вовек о спетом
 Задумавшийся поэт.

На ветром забытых улицах
 На листья ложится вечер,
 И чуть желтоватым флером
 Туманятся фонари.
 И город застыл, нахмурившись,
 У времени кромки вечной,
 Безмолвным его суфлером
 Ссутулившись до зари...

Евгений ИВАНИЦКИЙ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Попытка оглянуться

Колблется пламя, дрожит, угасая,
Свеча затухает... Займётся ль другая?
И что же запомнилось, что же осталось?
Был шарик воздушный, надежда и жалость,
Мишень паутины и тонкие струны
Над пентаграммами пыльных петуний,
Июнь первых ягод и дачного чая,
Июнь, что сломался, как ветка сухая...
Шатается память, ведь ей не по силам
Обратный отсчёт, возвращенье к могилам,
Тот запах лекарств и молчанье кукушек,
Кардиограмма еловых верхушек.
Слоняется память в толкучке больницы,
Она не забыла угрюмые лица.
Не тешься надеждой, не жалуйся другу:
Несчастье — кругами, несчастье — по кругу...
Так дайте мне время! Забуду о яме.
Трава эту глину скрепляет корнями,
Скрепляет — не может. Стою в чистом поле
С душою озябшей, а глина глаголет...
Но были не только несчастья, больница.
Я видел другие, счастливые лица,
Улыбку мальчишки на площади скучной,
Взлетающий в небо шарик воздушный.
Был в храме гудящем огонь нисходящий,
Огонь нисходящий над жизнью пропащей.
Дыхание Бога, дыханье любимой,
Движение жизни неизъяснимой...

Красивая пара

Не ветер — само милосердие
Качает усталые клёны.
Слетают последние листья.
Смиренье в душе просветлённой.
Не надо учиться прощанью.
Давайте учиться прощенью,
Преодолевая земное
Двойной мимолётною тенью...
Уходит красивая пара.
Голубка кидается в ноги, —
Так хочется крошек бессмертья,
И люди щедры, словно боги.
Какая красивая пара!
И в старости счастье возможно.
Но счастье держат под локоть
И крепко, и осторожно.
Пусть некуда торопиться
И надо беречь силы,
Есть время сказать: «Моя радость!»,
Услышать в ответ: «Милый!»
И можно болтать бесконечно
О внучке в немыслимой Польше.
Если любовь старше,
Нежности в ней больше...
Уходят счастливые люди,
Всё выше они, всё дальше, —
Над крышей негромкие речи,
Признанья, где нет фальши.
Летят над крестом золочёным
Церкви Бориса и Глеба.
Какая красивая пара!
И нам бы вот так — в небо.

Наталья НОВОХАТНЯЯ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Женское. Очень понятное

Грудой измятою — платья, костюмы и блузки.
Зеркало тихо потеет, устав улыбаться.
А суррогатное солнце обыденно тускло
Светит в примерочной. Скука дневных декораций.

Взгляд продавщицы — ресницы в полметра — надменен.
Камеры взгляд недоверчив (такая работа!).
Женщины бродят по пёстрым одёжным аллеям.
Ищут... Так ищут места приземленья пилоты.

С плечиков острых свисают крылами до пола
Томные блузки, терпя повлажневшие руки.
Дама, в испуге отпрянув от знойных футболок,
Без навигатора вышла на улицу БРЮКИ.

Вот и наметились те, кто, отбросив сомненья,
Точно решились платить за наживки для счастья...
Смех: продавщицу — в запарке понятных волнений —
Спутали вдруг с манекеном в таком же атласном.

В кафе

...Анемичная барышня пьёт ананасовый сок.
Отставляя бокал, проверяет наличие взглядов.
Ну, конечно, мужских! А иначе, какой в этом прок,
В сокопитии на людях? И отпечатки помады
Всё клеймили отчаянно красным вспотевший бокал.
Кольхались в призыве немом безупречные рюши.
Но пока безуспешно. Мужчина, что справа, жевал
Что-то очень мясное и к барышне был равнодушен.

Ананасовый сок убывал. И глоток за глотком
Умирала надежда на взгляды (читайте: на чувства.)
И задумалась барышня: может, проблема вся в том,
Что неправильно пьёт? Сокопитие — тоже искусство.
— Что желаете?
— Счёт, — прозвучал обречённо ответ.
Расплатилась. Ушла. А бокал со следами помады
Восхищённо блеснул одинокой красавице вслед.
Только станет ли легче от блеска стеклянного взгляда...

Мужчина влюбился

Мужчина влюбился. «Предметов» было четыре:
Блондинка, брюнетка, шатенка и просто Таня.
Он каждую несколько раз провожал до квартиры.
Всё было невинно. Хотя и не так, как в нирване.

Блондинка была прелестна, но как-то слишком.
Потом, повзрослев, будет требовать с неба звёзды.
Брюнетка любила прыжки с парашютной вышки.
Устанешь бороться, когда твой соперник — воздух.

Шатенка смущала насмешливой страстью к спорам.
Зачем так умна? Для жизни большой недостаток.
Мужчина устал от девичьих немых укоров
И нежных касаний, что дрожью до самых пяток.

В итоге мужчина женился на просто Тане.
Исполнив супружеский долг, отвернувшись к стенке,
В другую реальность уйдя в полусонном дурмане,
Легко изменял ей с блондинкой, брюнеткой, шатенкой.

Номинация «Лидер партнерства»

Награждается интернет-салон «Преголя-Арт» — виртуальный клуб для людей, проявляющих интерес к искусству и истории Калининградской области. Главная цель проекта — представление культурной жизни области, рассказ о людях искусства и их творчестве.

Молодые дарования

Аксана ХАЛВИЦКАЯ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Мы вырастим город на пепелище,
И затрепещут деревья в роще.
Сестренка слышишь, как листья дышат?
Как терпко пахнут, на влажность ропщут —

Живут, а после, бросаясь оземь,
Рисуют насыпь природных писем.
Сестренка видишь — настала осень,
Рассыпав желтый прозрачный бисер.

Его, вбирая в свои ладошки,
Ты в сотворенных листа прожилках
Читай о городе, что хороший.
Что б настоящее в нем прожить нам.

* * *

Кто сотворил тебя таким
Невежественным, многоликим,
Наполненным песком и снегом,
От берега южного до берега
Из полуночной мерзлоты.

Кто сотворил тебя из бреда
Во истину слепым и диким,
Воинственным, а после тихим,
Тревожно дышишь во сне ты.

Чье слово извратило небыль,
Наполнило абстрактным смыслом
В эстетике и силе мысли.
И чувственный белесый стебель,

И птицы трель, и танец листьев,
И зверь стремительный и быстрый,
И самый первый детский смех.

Открой Творца в своем признании,
 В твоём неспешном созерцании,
 Творенье лучшее из всех.
 И уничтожь за это знание.

* * *

Брат, какое оно — идеальное Государство, которого хочется?
 Какое оно — идеальное общество?

Брат, ты с таким постоянством сидел и пророчествовал
 В чашку зеленого чая, которым я потчевала.

Брат, ты осуждал меня за порочность,
 За узость взглядов, эмансипацию и испорченность.

Брат, за каких ты будешь, когда все закончится?
 Ты говорил за красных, ты говорил от имени новых красных,
 В своем блокноте писал послания власти, послания против власти.
 Я смотрела в глаза и шептала: «Опасно».
 А ты лишь просил купить пасту, газету, портвейн и пластырь.

Брат, я не знаю, что делать, я маленькая и глупая.
 Ищу код с «Комсомольцем» и лупой,
 Пишу письма и больше запутываю,
 Про мир, про любовь. К черту пути!
 Искусством разум укутываю.
 Может, против всех сразу?

Брат, скажи мне название:
 Нонконформизм, коммуна, развал,
 Анархия, либеро, база...
 Я записала с матом и грязью,
 Все несуразное: с материальным базисом,
 Противовесами и сдержками,
 Мировой религией, ФСБ, поп-культурой, слежкой
 и эвтаназией.

Брат, есть такой монастырь в Азии,
 Там все показывают.
 Я дописала письмо в графе «Разное»,
 Жду ответ семь тысяч лет назад.

Калерия СОКОЛОВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Что мне в улицах этих и в этих убогих дворах
В Дровяном переулке, в зеленых клочках — на Марата,
В непарадности арок глухих, в беспризорности птах,
В неподвижности стрелок разбившегося циферблата?!

Что мне в этих огромных колоннах и колоколах,
Что мне в тусклых крестах над Никольским собором, и что мне —
Что мне здесь, где три века бессильны Христос и Аллах
Пред проклятьем чухонским, как пред наводнением в Коломне?!

Мне б уехать отсюда скорее — на юг, в Коктебель,
Чтоб не слышать, как шаркает рядом незримый изгой,
Чтоб не видеть, как плачет на мостике мадемуазель,
И Чайковский — с Есениным бродят по Малой Морской.

Памяти учителя

Он первый объяснил мне суть гармоний,
Хоть и чудной его казалась школа.
Он нес ко мне свой смех неугомонный,
И кипу нот, и запах корвалола.

Он был учитель, а хотел быть другом,
Но я тогда не ведала отличий,
Я не любила этот профиль птичий,
Я не пыталась причаститься звукам.

А он прощал прогулы и проделки,
Играл на флейте и дарил мне флоксы,
И бредил всё порогами Вуоксы,
Прислушиваясь к пульсу волн на Стрелке.

Мы как-то выступали с ним на Невском:
Паясничали, с музыкой шутили,

И хохотали купола и шпили.
А нынче мне и посмеяться не с кем.

И он теперь богат одним оболком,
И в Лосево давно остыли угли,
И горько слушать «Похороны куклы»,
И больно, если пахнет корвалолом.

* * *

Забывла, как надписывать конверты.
Забывла, сколько лет тому назад
Строчила письма. С нетерпеньем Герды
Ждала ответа. Десять раз подряд
Недетским почерком изложенные мысли
Заучивала. А теперь в Сети
Пересеклись, зафрендились, зависли,
И не узнать, не тронуть, не найти
Т о г о тебя вот в этих — словно в гипсе —
Строках-калеках: суть неглубока,
И буквы ровны, и не дрогнет пиксель
Там, где запнувшись, дрогнула б рука.

* * *

Оклеветали. Прокляли. Убили.
Нет слез, нет слов, а только дрожь и сон
О том, как вынимаю из петли я
Тебя. И ты чему-то удивлен.
Убили и повесили. И плачет
Жена. А мне — прости — невмочь. Я с плеч
Не сброшу это, как она — в калачик
Свернувшись с горя. Мне, как ей, беречь
Дитя не надо. Я тебя по нимбу
Узнаю, я услышу твой призыв —
И не сломясь, не сдамся, не погибну,
Не отомстив.

Лейла АГАЕВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Небо было белым

Я не мог вставать с кровати —
я нем был.
Небо
было белым...
Мне бы
свалиться
как-нибудь в него
и слиться
с линиями солнечного сердца,
мне бы ласточками в воздухе распеться,
отворяя облачности дверцы,
вылиться лучами,
разлучая
тучи,
чтобы людям жмурилось получше,
чтобы умиралось на закате,
а потом являлось на восходе,
чтобы быстро высыхала скатерть,
и светился зайчик на комодке...

Подол платья и сплетение пальцев

...и тогда, я узнаю тебя сквозь отсутствие веры и чреватость выбора,
за много земель впереди мелькающего концом плаща,
ты будешь долго смеяться в мои уязвимые и бессмысленные «прощай»,
ты будешь меня прощать.
...и тогда, я спаду на колени твои, как платья подол — на пол,
и водой из корзины пальцев твоих сплетенных утолюсь,
замечательно то, что своими словами ты меня не сажаешь на кол,
и то, что я не боюсь.

А в подвале краски на полу

...и много еще будет безумств на каждого,
я буду упрямо твердить: «Жду его»,
ты будешь долго искать меня в гарпиях и химерах,

рисовать на холстах и фанерах,
и не заметишь, как я пройду рядом,
заведу тихим парадом
столпившихся под красным зонтом чувств...
...и много еще будет безумств...

Город из светофоров

Мы любили уходить от темы в море сквозь волны тины,
баламутством своим едины, отмывали водой проблемы,
обтирались песком и солью, покрывались загарной смолюю.
Не в нарывах и не в надрывах, постоянны в своих порывах,
говорили о том, что близко, игнорируя тяжесть списков,
напечатанных машинисткой.

Белой пеной волны-раскаты... Закрывались рукой закаты,
запрокидываясь назад.
Зарывались в пески-подушки, заколачивались заглушки,
защищавшие нас от...

Мы любили уходить от моря в город из светофоров,
по дороге о чем-то споря, заглушая рёв-вой моторов.
Остывали в кондиционерах, возвращались друг к другу в сферах-
оболочках из двух сорочек, сарафана и пары брюк,
окунались в вечерний трюк, неизбежно ведущий к ночи.
Мы любили, в толпе теряясь, оставаться собой с собой,
разделяться, не разделяясь, разбегаться по знаку «стой!»,
раскрываться случайным встречным, разговаривая о вечном,
о конечном, о поперечном, о человеческом и о себе.

Мы любили сливаться с полом, отражаясь на потолке.
Мы — слезой одного укола, мы — зрачками в одном белке,
мы единой соленой мыслью, мы единым укусом губ,
мы язвительным этим «в смысле?», мы ответным «ты страшно глуп»...

Мы лавины летальных страхов разделили напополам,
через крахи до новых взмахов мы карабкались по стволам,
мы опорой друг другу были, и кушеткой, и кораблем,
мы любили, и мы любили...
...вдвоем.

Владимир КОРКУНОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Твой ребёнок

1 /встреча/

касание обжигает
перекрёсток дороги и наш последний
тень потеет от взгляда
в твоём ребёнке буду и я

2 /разговор/

*Счастье — это большая глупость.
Целая жизнь для меня
Жизнь глупость?
От жизни стареют быстрее, чем от любви.
Неправда*

3 /монолог/

я-то умер в тебе, как умирает любая правда,
как дерево, склонённое в дождь, распрямляет плечи
я — не по-человечески, ты — не по-людски
вот и умер

4 /рождение/

твой ребёнок помнит меня
ты знала и он знает
знает —
без меня не родилось это сердце внутри
я видел в твоих слезах завтрашние сны
душе не нужно тело
я тебя не касался ни разу

* * *

«Так вот оно что, — сказала Кэдди...»

У.Ф.

Ты пахла деревьями.

Ты пахла чаем и плавленным сыром,
(положенным на тостовый хлеб).

Ты пахла моей ладошкой
(на которой однажды уснула).

Ты пахла первым ноябрьским снегом,
песчаной июльской тропой,
кошками, которых кормила в январе...

...

...

...

Я пахнул одинаково — тобой.

* * *

вигнер что будет
экспериментатор умрёт
не показав кота
ты ждал друзья ждали
вселенная
неживой кот пьёт молоко из блюдца
живой кот ест консервы из миски
между ними мёртвый мужчина
который не жив и не мёртв
суперпозиция

и всё-таки в ящике был не кот
а кошка

Виталий ПОМАЗАН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Я убил

И ты думаешь, что можешь ходить и заглядывать людям в лица?
Что можешь улыбаться им, не наткнувшись на правду в одном из лиц?
Что никто никогда не воскликнет: «Да я его видел! Милицию!
Он ребенка убил! Он — убийца! Убийца! Убийца!»

А ты ведь помнишь, как корчился этот радостный, светлый мальчик?
Как крошились и трескались его стиснутые от боли зубы?
Этот визг его — незаглушимый, как крики напавших команчей —
ты готов тогда был сделать все, чтоб он только пошел на убийство!

Ты по одному отрезал ему пальцы и показывал их родителям.
Ты не только осознавал — ты гордился, когда его тело калечил!
Говорил этим плачущим старикам — вы его на ужин не ждите —
я собираюсь сегодня вырезать у него печень.

И тебе нравилось ведь смотреть, как он потихонечкудох.
Ты тушил об него сигареты, резал запястья, накачивал наркотой
и, когда понял, что вот это — это уже был последний вдох,
просто отнес на помойку, используя как плащаницу картон.

И ты думал, что никто не узнает, что все будет только в выигрыше.
Осознание пришло неожиданно, когда додумался глянуть в его глаза...
просидев третью ночь над его фотографией выгоревшей
ужаснулся, что нету возможности его оживить назад.

Понял, чего сам себя ты с таким азартом лишил —
что только этим, тобою убитым ребенком, ты был непоколебимо любим.
ты стонал, ты орал до хрипоты и перши:
Прости меня, Господи, ибо я согрешил!
Прости меня, Господи, ибо я согрешил!
Прости меня, Господи, ибо я согрешил!
Я убил.

И лишь только одна есть причина, по которой тогда умереть не мог,
по которой не разможил себе голову ты из обреза дуплетом —
пониманье того, что искупишь убийство себя, семилетнего,
только растерзанный в клочья собой, сорокадвухлетним.

Корабль тонет!

Корабль тонет! Не помогут движения рук тысячи!
Ни к чему охрипшие крики тысячи горл!
Корабль тонет! Спасения не отыщется,
он один среди волн — затерян, жалок и гол.

Корабль тонет! Напоровшись на мину вражью,
где-то в ярости шторма растеряв парусов своих аль.
Был красавец-корвет, а теперь — как жалкая баржа
тонет корабль.

Корабль тонет! Слышно выстрелы лопнувших линей,
всхлипы досок и брусьев, рвущихся пополам.
Корабль тонет, раскалываясь, как на клине,
упокойной молитвой зудит судовой капеллан...

Капитан! Что ты ищешь среди волн глазами?
Слышишь?! Взорван мотор! Гул отчаянный лопасти стих!
Почему ты молчишь?! Почему не орешь приказаний?
Корабль тонет! Ты единственный мог бы его спасти!

Капитан безмолвствует — строг, безнадежен и стыл.
Капитану спасать и людей, и себя — не резон.
Корабль тонет? Пусть. Если та, для которой он плыл,
на единственной целой шлюпке скрывается за горизонт.

Максим ПРИХОДСКИЙ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Времена года

Если бы временем года я был, то каким?
В чьих одеяньях стоять за окном мне прикажешь?
Что, если, будучи прежним, я стану другим?
Что, если время обманет нас тем, что покажет?
Если захочешь, то я буду всем и везде,
Мир твой наполню какими захочешь цветами...
Верь мне, как веришь своей путеводной звезде,
Ведь нам даётся лишь то, во что верим мы сами...
Может быть, я обращусь в твоём мире зимой,
Снегом, сосульками и новогодней игрушкой...
И всякий раз возвратившись под вечер домой,
Ты будешь пить тёплый чай, взяв любимую кружку...
Я нарисую узор у тебя на окне,
Чтобы напомнить о сути тепла и уюта,
И, забываясь в спокойном и сладостном сне,
Ты будешь рада мне, сколь ни была б метель люта.
Кто знает, вдруг расцвету я неожиданно весной,
Стану ручьями, подснежником, новой листвою...
Ты потеряешь рассудок в единстве со мной,
Будешь парить в поднебесье, не зная покоя.
Первой грозой в душе твоей я отзовусь,
Лик твой омою дождём, что так долго ждала ты,
Радугой на горизонте тебе покажусь...
И этим вешним безумьем ты будешь богата.
А, может, бликами стану на тёплой воде,
Жизни пульсацией, сущностью жаркого лета,
Всем, чем жива ты, я буду с тобою везде
Солнцем палящим, которым ты будешь согрета.
Буду цвести колокольчиками на полях,
Голосом птиц петь о всепоглощающей страсти...
И, глядя в небо, ища меня в звёздных путях,

Ты будешь думать, что ты пребываешь во счастье.
Нет, я, наверное, осень, «ура!» или «увы»,
Ветер и дождь на прощание летнему солнцу...
Я закружу тебя в вальсе опавшей листвы,
И улыбнусь напоследок лучами в оконце.
Я буду поводом сесть и часок погрузить,
Глядя на вихри огня и на хмурое небо...
Но не забудь — само время не остановить.
Вскоре я стану всем тем, чем до этого не был...

Сюжет

Когда звёзды так близко, что можно до них дотянуться,
А течение реки норовит унести тебя вдаль,
По-родительски нежно в тебе растворяют печаль
Этот сумрачный лес и луны золочёное блюдце.
И в тумане над полем, поросшим высокой травой,
Ты увидишь, как тайные образы мир осенят,
Словно сцены из фэнтези-фильма, что не был отснят,
Но чей славный сюжет безвозмездно открыт пред тобою.
Вдалеке замаячат фигуры в шикарных доспехах,
Чуть поодаль от них чьи-то мантии зашелестят.
Одинокая путница бросит испуганный взгляд
В твою сторону. Мимо промчится усталое эхо.
И когда всё начнёт становиться до боли знакомым,
Заискрится, играя меж сосен, янтарный рассвет...
Пред тобою возникнет величественный силуэт
Южной крепости, ставшей тебе и приютом, и домом.
Ты живёшь здесь лишь дни, но тебе они кажутся жизнью,
И условности перестают отравлять этот мир.
Ты взгляделся в него и увидел, как сквозь палантир,
Что он есть — вопреки всем сопутствующим анахронизмам.
Но наступит тот час, когда эта прекрасная сказка
Постепенно, деталь за деталью начнёт исчезать...
Ты допишешь историю, бросив перо на кровать,
И со светлой тоской снимешь эту незримую маску.

Номинация «Внимание: КРЕАТИВ!»

Победители

Виталий БОНДАРЬ

Лауреат 1-ой степени конкурса «Русский Stil-2012».

Алиса ОРЛОВА-ВЯЗОВСКАЯ

Лауреат 2-ой степени конкурса «Русский Stil-2012».

Михаил ПОЛИЩУК

Лауреат 3-ей степени конкурса «Русский Stil-2012».

Проза

Сергей УГРЕНИНОВ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Игаш

На том берегу Большого Жаркаина, куда заходит солнце, и где много десятилетий назад дымили костры аула, бляели отары овец и паслись табуны лошадей, а теперь только вой волков по ночам, поселился немолодой рыбак по имени Игаш. Построил себе землянку, навязал сетей, смастерил лодку и принялся за с детства знакомое дело. Наловит карасей, выпустит их в большущий садок, сплетенный из тальника, и ждет, когда приедут покупатели из ближайших сел.

Часто Игаш сидит у землянки с самокруткой в зубах, сети чинит, да на озеро смотрит, а то на лодке по плесам плавает, наблюдает, как живут его пернатые соседи: лебеди и гуси, утки и чайки. И хорошо ему смотреть на птичьи семейки, на пухлые, мягкие комочки утят, лысушат и гусят, которые с писком снуют вокруг своих родителей, а иногда без страха направляются к рыбацкой лодке. Тогда пернатые мамы поднимают тревожный крик, чтобы их не ведающие зла, наивные дети вернулись обратно.

А вот Игаша никто не зовет обратно. Уехал он из села, поселился в пустынной степи на берегу озера, и никому дела нет до него. Хоть совсем сгинь Игаш в этом диком безлюдье, никто не вспомнит его, никто не прольет по нему слезу, ни мать, ни жена, ни дети, потому что нет у него никого, да и не было никогда. Да, да, не удивляйтесь, даже матери у Игаша никогда не было, по крайней мере, ни сам Игаш, ни все его знакомые ее не знали и ни разу не видели. И никто не ведал, откуда сам Игаш взялся.

Грустно было рыбаку Игашу жить в одиночку, но еще тоскливее с людьми, меж которыми он слыл чудачком и отчасти юродивым, и у коих не находила отклика его застенчивая, впечатлительная душа. Вот и перебрался Игаш на тихий берег Большого Жаркаина. С природой наедине ему и легче, и светлей.

Особенно любил рыбак-отшельник лунные вечера, когда полное, сияющее лицо луны разливало ласковый свет на задремавшие в сумерках камыши и воды. Игаш садился в лодку-плоскодонку и, потихоньку работая веслом, чтобы не нарушать это таинственное молчание мира на закате солнца, не тревожимое ни единым земным звуком, выплывал по лунной дорожке на самый большой плес озера, окрещенный местными рыбаками и охотниками за величину «морем». Тихо плыл Игаш по темной воде, не издавая ни звука. А затем, далеко от берега садился на сиденье-дощечку и, глядя на лунные блики, запевал одну из протяжных, печальных песен, ни концов, ни начал которых Игаш не помнил. На людях он стеснялся петь,

даже во время выпивки, а тут никто не слышал его, и жалобы сердца рыбак мог доверить своему надтреснутому, глухому голосу.

И вечер последнего дня месяца цветущих лилий Игаш покачивался в лодке на «море». Этот день каждого года был необъяснимо дорог его сердцу. «Наверное, я родился в последний вечер месяца цветущих лилий», — думал рыбак. Он затянул одну из своих любимых песен-отрывков:

*Среди ракут и камыша
Спала усталая душа,
Вокруг ее цвели цветы,
И были сны ее чисты.
Никто не знает этих снов
И нет для них на свете слов.
И душу ту не отыскать,
Не увидеть.*

Невыразимая печаль проникла в сердце Игаша, он всхлипнул и умолк.

И вдруг! О чудо! Кто-то нежным, ангельским голосом из сумеречной дали плеса продолжил песню:

*А одинокая душа
Лежит на стеблях камыша.
И кротко слушает она,
Как тихо плещется волна,
Как ветерок шуришит листвою
И крики чаек над водой,
И вечно хочется душе
Жить в камыше.*

Этот голос, ласковый, тихий, но хорошо различимый, был для рыбака громом среди ясного неба. Игаш невольно поднялся во весь рост, всматриваясь в черную синь опустившихся сумерек, он всегда верил и ушам, и глазам своим, а потому был потрясен произошедшим. Но ничего он больше не услышал и не увидел. Поспешно он добрался до берега, и всю ночь не мог уснуть, пытаясь как-то объяснить себе, что же произошло. Игаша знавшие его люди считали чуть-чуть помешанным, с чем конечно же не соглашался рыбак, и, следовательно, он ни на миг не сомневался в реальности услышанного голоса, а уж о том, что существуют галлюцинации, Игаш вообще не имел представления.

На следующий вечер рыбак с трепетом сердца выплыл на «море» и снова запел одну из песен. И опять вторил ему ангельский голос.

— Кто ты?! — крикнул в пустоту водной глади рыбак. Но никто не ответил ему. И ночь опустилась на Большой Жаркаин, не дождался Игаш сегодня больше чарующего пения.

Теперь все мысли Игаша были о таинственном голосе, о его невидимом владельце. С нетерпением он ждал каждого вечера и с верой в разгадку чуда выплывал на плесы. И вот однажды, когда еще воды не стали темны, и бело-снежные кувшинки, и желтые кубышки не погрузили свои цветы в розовость озаренного последним солнечным лучом плеса, недалеко от неподвижно сидящего в лодке Игаша что-то всплеснуло большое и серебристое, словно бедро женщины, покрытое искрящейся сеточкой, показалось на миг у камыша. А затем раздался уже знакомый голос. «Русалка!» — осенило Игаша. Ему почему-то стало радостно, он улыбнулся во всю ширину своего бурого от солнца и ветра, некрасивого лица. «Русалочка!» — повторил он про себя. «Теперь я не один на этом свете», — почему-то подумалось ему.

— Русалочка, милая, плыви ко мне! — вдруг громко сказал Игаш в сторону камышей. Но ничто в этот вечер больше не нарушило покой озера. Обладательница серебристого бедра и ангельского голоса не выплыла к рыбаку.

В последующие дни Игаш уже с утра до вечера проводил на озере, надеясь еще хоть краем глаза увидеть обитательницу озерных глубин, но тщетно, только свой удивительного тембра голос позволяла слышать водяная дева рыбаку, не больше. И переселился разум Игаша в страну грез. Самые разнообразные картины встречи с очаровательной хозяйкой озера изображались в его мечтах. Виделась ему нежноликая, с золотистым потоком волос до пояса, с изящными грудью и талией, девушка, безупречные бедра которой переходили в сверкающий чешуей, словно драгоценными камнями, рыбий хвост. И улыбку этой девушки, как и ее голос, нельзя было сравнить с тем, чем обладали простые смертные. И она дарила эту улыбку и этот голос ему, Игашу, человеку невзрачной наружности, не знавшему ласки и участия. И тогда Игаш счастливо улыбался видению, показывая порченные, черные зубы. Ему в жизни не пришлось быть любимым, женщины сторонились, а то и брезговали им, и сейчас перед Игашем замерцала надежда дать и получить от жизни то, чем природа наделила его не в меньшей степени, чем других людей, но что могло умереть в его никому не открывшемся сердце. Встречи с русалкой рисовались рыбаку сочными, яркими красками радости, и эти встречи кончались взаимной нескончаемой любовью, и жизнь Игаша наполнялась смыслом высокого Чувства и ощущением божественной Справедливости к каждому живому существу на этой грустной земле.

Шли недели. Приближался месяц падающих листьев, рыбак ежевечерне слушал пение своей возлюбленной, увидеть же больше ее не удавалось. С каждой зарей он все страстнее и настойчивее звал ее, просил встретиться, и, если это возможно, стать ему самым близким другом, чтобы никогда не расставаться.

И когда пожелтела степь, вода в озере стала студеной, а птицы собрались в стаи, чтобы кочевать на юг, рыбак Игаш совсем отчаялся встретить водяную девушку. И однажды в прохладный вечер под заискрившимся звездами небо-

сводом Игаш, потеряв надежду на встречу, как ребенок расплакался. Это были слезы по несбывающейся мечте и прошедшему мимо человеческому счастью.

Но голос русалки в темноте, очень близко, заставил его вздрогнуть:

— Не горюй, милый друг, жди меня завтра здесь, когда уснет луна и проснется сова.

— Вот оно, сбылось! — шепотом сказал себе взволнованный рыбак.

Следующим вечером он не утерпел и выплыл на «море» раньше назначенного времени. Брусничное зарево заходящего светила вместе с гомонным прилетевших с поля на озеро уток и гусей постепенно сменились мягким сиянием лунного диска и тишиной. С нетерпением и некоторой робостью ждал Игаш важнейшей в его жизни встречи. Встав на дно плоскодонки, слегка подгребая веслом, он внимательно всматривался в неподвижность озера.

И в тот момент, когда Игаш слегка призадумался и внимание его притупилось, лодка закачалась и кто-то за его спиной ухватился за корму лодки и попытался перелезть через борт. Игаш резко обернулся, и ужас охватил его. Держась за корму зелеными лягушачьими то ли лапами, то ли руками, через борт в лодку старалось перевалиться какое-то жуткое чудовище с белыми рыбьими глазами и губами на лице, напоминающем человеческое, с волосами цвета грязи и ила, с вплетенными в них бурыми водорослями, с колючим и скользким телом, словно кожа его была налимымей. Чудовище не моргая смотрело на Игаша, сипело и булькало, пытаясь перебросить в лодку свой рыбий хвост. Рыбак так испугался происходящего, что, не помня себя, с размаху ударил плоскостью весла чудовище по голове.

Весло рассекло полурыбе-получеловеку лоб, глаз, щеку и губы. И увидел Игаш на его лице страх, непонимание и изумление, словно раскрытое лицо горестно восклицало: «За что?! За что ты убиваешь меня?! Ведь это ты звал меня и хотел меня видеть! В чем я перед тобой виновато?!» И существо издало громкий, протяжный, тоскливый крик, зеленые пальцы его расцепились, и оно, судорожно дергаясь, погрузилось в пучину, оставляя над собой на зеркале озера красное расплывающееся пятно. И болью отозвался этот совсем не животный, а человеческий крик в сердце Игаша. Только теперь он в полной мере осознал, что это и была обладательница ангельского голоса. И нельзя было пересказать горе Игаша, так велико оно было.

На следующий вечер на Большом Жаркаине была тишина. И в последующие вечера тоже. Не пела больше русалка, и сгинул куда-то рыбак Игаш. Приехали как-то покупатели за рыбой, а рыбацкая землянка стоит давно сирая и пустая. И забыли сразу все Игаша, словно он никогда не принадлежал этой земле, а случайно попал на нее и проблуждав в не принявшем его мире, ушел туда, где его любят и ждут.

Алиса ОРЛОВА-ВЯЗОВСКАЯ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Танька

Резко звякнуло ведро. Танька вздрогнула и отступила назад.

— Вот, ду-у-у-ра! Всю ногу отдавила! — Сердитая Аня больно ткнула кулаком в худую Танькину спину.

— Да я же не нарочно! Вдруг, думаю, там она.

— Кто она-то?

— Эта, няня, Василина.

— И чо? Подумаешь, прошли бы тихонечко, она и не увидит.

— Страшно!

— Ну и сыкайся тогда в коридоре, бояка!

Аня решительно направилась к туалету, Танька обреченно попле-лась следом.

Вот повезло! В туалете действительно гремела ведром няня, но не страшная Василина, а обычная Света.

Ругать не стала, шикнула только, что мол, вам ведро поставили, и не-чего по ночам разгуливать. Ходят, только полы пачкают, не намоешься!

Почему Танька так боялась няни со странным именем Василина, даже сама Танька понять не могла. Ничего плохого ни сделала, ругала, как всех, ни больше, ни меньше. Даже тряпкой не замахивалась, как на мальчишек. А от чего-то, было страшно. Может потому, что няня была некрасивая и большая? И никогда не улыбалась.

Ростом няня Василина была выше всех. Даже выше сторожа. Плотная, с широким лицом, испещренным красной сеточкой сосудов. От этого лицо казалось красным, словно распаренным. Волосы серого цвета няня зачесывала назад и перехватывала черной резинкой. А руки! Да у Василины ладонь больше, чем Танькино лицо!

Хотя, Танька, такая худая и маленькая, что даже в своей группе получила прозвище «Малявка». По-честному, у Таньки было еще одно обидное прозвище — «Сопливленная». Ребята услышали его от взрослых и с удовольствием повторяли.

Танька была настолько незаметной, что воспитатели и няни, никогда не могли ее запомнить. И как-то, пересчитав детей, Лидия Павловна начала озираться и спрашивать, куда подевалась еще одна девочка, как ее? Ну, маленькая такая, вечно сопливленная.

А Танька совсем не виновата. Просто с самого рождения, сколько себя помнит, все время холодно. А когда ноги замерзнут, то и сопли тут как тут. Ноги у Таньки мерзнут почти всегда. Неудачные ноги достались! Носки рвутся на пальцах, и пятки протираются.

Хорошо, Аня научила. Надо надеть колготы, какие ни есть, а носки уж выбирать внимательно. Если на колготине дырка на пятке, то носок берешь, где только пальцы рваные. И наоборот. И завсегда получится целая одежда. Дырки-то закрыты.

Тетеха эта Танька! Всего боится, ничего не понимает, даже играть не умеет. И няню Василину боится дразнить. Вот мальчишки из старшей группы смешно придумали. Бегают по коридору и кричат: «Тетя Вася, тетя Вася». Обхохочешься. Главное, вовремя юркнуть под лестницу. Няня низким, хрипловатым голосом, ругается: «Вот сейчас, живо-два, грязной тряпкой-то хасьну».

Это «хасьну» Таньку тоже пугает. Ну, ничего, может, ее опять куда-нибудь переведут, а там не будет страшной «тети Васи».

С самого рождения переводят и переводят. Танька вечно пропадает из списков и всяких взрослых документов.

Это она еще не знает, как ее вообще нашли на белом свете! Зимой, дяденька какой-то на остановку пришел и, здрате, лежит на лавочке кулек с Танькой. Дяденька испугался и принес кулек в поселковый магазин. А там продавщицы милицию вызвали.

В Доме ребенка вспомнили, что Татьянин день, и с именем мудрить не стали. Да и зима в год Танькиного рождения была морозная. Вот и фамилия готова, Морозкина.

И стала Танька Морозкина переезжать с места на место. Для Дома ребенка подросла, детский дом признали аварийным. И покатилося. Документы на нее теряли два раза. Один раз забыли в списки внести. В другой — приписали Таньку в группу, которая и вовсе не по возрасту. Когда спохватились, оказалось, в ее группе уже мест нет. Даже лишнюю кровать не впишешь, некуда.

Сейчас Таньке Морозкиной шесть лет. Живет в интернате, куда снова попала по недосмотру. Уж больно незаметная. Мышонок какой-то, серый.

Она уже привыкла «не привыкать». Зачем? Может, опять что-то напутают и переведут в другое место. Жить можно. Только вот ноги мерзнут. Таньке кажется, что мерзнет она всегда, даже летом.

Все к Новому году готовятся. В физкультурном зале уже елку нарядили. Приезжали шефы, дяденьки и тетеньки с завода. Хоровод води-

ли, звали дедушку Мороза. Им нарядили завхоза, Семена Петровича. Потом шефы раздавали подарки в одинаковых кулечках. Хорошо хоть Таньку одна тетенька-шеф заметила. Дала подарок, погладила по голове. И со словами: «Ой, худышка-то, какая!», — сунула Таньке лишний мандаринчик и конфету «Золотой петушок».

Шефы прислали автобусы, и всех повезли в зимний лагерь. Нет, Таньку не забыли в списки внести. Просто, когда медсестра осматривала, решила Таньку не брать. Мол, нельзя, там детей немерено, а у Морозкиной сопли по колено! А эпидемия начнется? Кто виноватым будет? Медсестра. Скажут, не доглядела. И еще не взяли Витю Расплетаяева из средней группы, он руку сломал, когда с подоконника прыгал. Но Витю забрали дядя с тетей. А вот с Морозкиной что делать?

Танька решила, что одна останется. И даже хорошо! Возьмет потихоньку Олино одеяло, будет спать под двумя одеялами и греться. Оказалось, одной нельзя. Что же, из-за Таньки столовую открывать? И стены в туалете красить хотели, пока детей нет.

Танька уже приготовилась к переезду. И вдруг выяснилось, что ее на все каникулы согласилась забрать няня Василина.

Танька так испугалась, что даже не смогла отказаться. Вдруг она скажет: «Не хочу к Василине», а та рассердится и «живо-два, хасьнет»?

Одевалась медленно, надеялась, что няня передумает. Нет, стоит внизу, голова повязана серым пуховым платком, на руках малиновые варежки.

На улице темно, морозно, снег сердито скрипит под ногами. Танька, как всегда мерзнет. Особенно руки. Одну рукавицу потеряла, еще дня три тому назад.

Танька семенит за Василиной, стараясь приноровиться к большому шагу, дышит на скрюченные красные пальцы.

Василина останавливается.

— А варежки-то где? Ты чтой-то, по морозу голорукая идешь?

Говорить Танька боится и только кивает головой.

Василина снимает свои огромные малиновые варежки.

— На-ка, еще руки поморозишь, отвечай потом.

Нянины варежки, Таньке аж до локтя. А теплые-е-е! От такого тепла даже спать захотелось. Танька начала спотыкаться.

— Чисто куренок задохлый! Держись крепко, смотри рукавицы не оброни.

Василина подхватила невесомую Таньку на руки и зашагала быстрее.

Танька еще ни разу не была дома. Вот это красота! Странно, сама тетя Вася не красивая, а дом красивый! Над диваном коврик с медве-

дями. Надо будет тайком их потрогать, а то вдруг Василина заругает. Подушек-то, на всю девчачью палату хватит! А на лампе, под потолком, бахрома! Как в сказке, которую воспитатель читала. Ой, на тумбочке кукла! Большая! В колготах! В юбке с оборками, теплой кофте и шапочке!

Танька так и застыла перед нарядной куклой.

— Я, Татьяна, раньше швеей была, вот... кукляшка от бывших соседок осталась, так шью на нее, когда делать нечего. Ты бери куклу-то, играйся, у меня других игрушек нет.

Танька осторожно взяла нарядную красавицу. Как с ней играть-то? Только любоваться.

Потом на стол собирали. И куда столько еды? Но уж больно вкусно пахнет. Особенно странное, дрожащее, словно от страха, блюдо, холодец. Василина все подкладывает и подкладывает в Танькину тарелку. Пирожки огромные, так и не осилила до конца. А еще хотелось попробовать селедку с розовыми разводами, проступающего свекольного сока. Василина сказала — «под шубой». А малюсенькие грибочки, скользкие, соленные, убегающие с ложки.

Таньке казалось, что длится какой-то хороший сон, где тепло и вкусно пахнет. Где есть Василина, но не страшная, и на диване сидит красавица кукла.

А потом Танька полетела и погрузилась в теплую норку. В норке темно и мягко. Тепло ногам, и не течет из носа.

Проснулась Танька поздно. Хотела встать, не вышло. Рубашка на ней оказалась такая длиннющая, что конца-краю не видно.

Василина говорит, что видать придется Таньке целый день в кровати сидеть. Ее одежда — стираная, висит, сохнет. Маленьких вещей в доме нет. А Танька и не расстроилась, главное тепло, и кукла рядом. Только поесть и в туалет сбежать. Тогда надо надевать Василинины носки, Таньке аж до коленок.

Вечером пришла незнакомая бабуся, соседка. Спрашивала Таньку, как ее зовут, да сколько ей лет. Дала яблоко, погладила по голове. Потом пришла тетенька, бабусяна дочка, принесла одежду. Сказала, что ее Ариша давно выросла, а Таньке впору будет.

Танька себя даже не узнала в зеркале. Василина каждую вещь одергивала, приговаривая:

— Присобрать надо, вот тут подшить, на юбке резинку сделать, а то по дороге потеряешь, худая ты, Татьяна больно. Вон, даже колготы не держатся. И волосы не давай стричь. Девочка с косками должна

быть, чтобы бантик завязывать. Что это за девчонка без бантиков?

Смотрели фотографии в толстом альбоме. Василина поясняла:

— Это вот двоюродный брат мой, Юра, это — его жена Наташа. Вон, видишь, дети в школе? Ну-ка, найди, где я. Танька сразу нашла, вот эта девочка, самая высокая.

— Гляди-ка, узнала! — обрадовалась Василина. — А вот на стене, в рамочке, это муж мой, Петр Устинович и сынок Игоряша. Вот... Татьяна... померли они... машина их сбила...

Красная сеточка сосудов на щеках Василины стала фиолетовой, губы размякли и словно поехали в разные стороны.

Таньке стало страшно, даже дышать боялась. Василина опять внушала ей какой-то необъяснимый ужас.

Няня вышла из комнаты, послышался шум воды в раковине. Василина кашляла, сморкалась, всхлипывала, словно давилась чем-то.

Испуганная Танька забилась в угол дивана, сидела, не шевелясь, прижав к себе куклу.

Вернулась Василина почти прежняя, лицо вытерла насухо, пригладила волосы.

— Вот, ведь, Татьяна, как бывает в жизни-то. И не придумаешь. Поразному человек один-то остается. И вся жизнь наперекоску. Я вот даже пить начала с горя. Пью и пью. Жду, что полегчает. А только хуже стало. С работы выгнали. Да сама на черта похожа стала. Ты смотри, Татьяна, вот вырастешь — мало ль, как жизнь повернется, главное, не пей, поняла?

Танька не поняла, но на всякий случай кивнула.

Странная эта няня Василина, то вроде хорошая, а то страшная. А дяденьку мужа и сына Игоряшу жалко. Им, наверное, больно было, когда их машина переехала.

Через два дня Василине надо было на работу выходить.

— Со мной пойдешь или посидишь с бабусей?

— С бабусей посижу, только ты приходи скорей.

Танька даже не думала, что так будет скучать по Василине. Все время бегала в окошко смотреть, не идет ли.

Василина пришла довольная, еще свободных дней дали. Сказали можно дома сидеть, раз у нее Танька. Вот вернуться дети, тогда и на работу выйдет.

Тоскливо стало. Хоть бы не возвращались!

Танька, высунув от усердия язык, клеила открытку. Воспитательница сказала: «Скоро женский день, открыточки будем клеить. Надо женщин поздравлять». Очень сложная работа! Вырезать из бумаги

лепестки и листики, да наклеить аккуратно, что бы грязь не было. А уж надписать, совсем мука мученическая. Хотя буквы учили, тут ведь еще надо в открыточку уместить! И писать не абы что. Мол, дорогая, такая-то, поздравляю...

У Таньки свело пальцы, и у карандаша грифель сломался. Но зато вышло!

Велели завтра поздравлять. Ага, завтра! Танька лучше придумала. Отпросилась в туалет и сунула открытку в хозяйственный шкафчик.

Василина пришла рано, губы, как всегда, поджаты. Шуганула мальчишек из туалета: «А ну, водой мне тут баловаться! Ишь, грязь развели! Сейчас, живо-два, тряпкой-то хасьну!»

Халат надела, что-то колет в кармане.

«ДАРАГАЯ ТЕТЯ ВАСЕЛИНА ПАЗРРАВЛЯЮ ТИБЯ С 8 МАРТОМ
ЖИЛАЮ ЩАСТЯ И ЗДОРОВЯ
ТВАЯ ТАТЯНА МАРОСКИНА»

Василина прислонилась к стене. Первый раз за долгое время она заплакала не надрывно и тяжело. Вот глупая! Плакала и улыбалась одновременно.

* * *

Нарядные первоклашки стояли парами. Вот сейчас музыка заиграет, и войдут в школу. Букет мешает смотреть, так, поди, и потеряться не долго. Две тощие Танькины косички украшены огромными белыми бантами. Фартук в оборочках, даже на карманах сборки.

Ладошка Танькиной соседки, потная от волнения.

— Боишься? — шепотом спрашивает она.

— А ты?

— Я немножко боюсь. Вдруг там мальчишки за волосы будут дергать или отнимут чего.

Танька привстает на цыпочки, оборачивается назад.

— Пусть попробуют! У меня знаешь, какая мама? Она им живо-два хасьнет! И Танька уверенно двинулась за учительницей, по ступенькам школы.

Дмитрий ТРИПУТИН

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Первое свидание

Мне было уже около двадцати лет, когда я впервые решился пригласить девушку в кино. Получив при этом категорический отказ, я некоторое время пребывал в угнетённом состоянии духа. Она мне нравилась, и я думал, что возможно, это — любовь.

Потом, поразмыслив, я пришел к выводу, что отказ моей пассии был не таким уж категоричным. Просто она была занята в этот выходной день. Следовательно, надежда оставалась.

Старшие, умудренные опытом друзья, узнав об этом, сочувственно кивали головами.

— Тебе действительно так приспичило? — поинтересовался один из них.

Я понимал его раздражение. Из-за моих походов срывались некоторые наши планы. Мы делали записи на магнитофон, учились играть на гитаре и пытались учиться в институте. У нас в то время было много важных дел. Но, видя моё упорство, друзья решили: «Раз уж так получилось, двух мнений быть не может. Я должен вести девушку в кино».

Они отнеслись с пониманием к возникшей ситуации, чем вызвали у меня чувство глубокой признательности.

Когда мы уже прощались, старший, наиболее опытный друг выдал мне последнее напутствие:

— Если не попросишь на третий день, она с тобой гулять не будет, — сообщил он.

Сначала я даже не понял, о чём идет речь. А когда понял, смутился и очень удивился. В голове у меня тогда царил сумбурный хаос. Она состояла из совершенно идеализированных представлений о любви с некоторым предвкушением физической близости. Однако авторитет моего друга в этой области был очень высок, практически непререкаем. Пришлось принять эту информацию к сведению.

«Но почему именно на третий?» — думал я. В этом была какая-то мистика. Это обстоятельство отнюдь не придавало мне уверенности в себе, скорее наоборот.

Девушка работала продавцом в промтоварном магазине. На совершенно негнущихся ногах я отправился на встречу.

Тогда я, к сожалению, не знал широко известной сейчас фразы из одного зарубежного фильма: «Самое худшее, что может произойти, когда предлагаешь девушке провести с тобой время — это то, что она пошлёт тебя подальше». А это можно как-то пережить. Почему я не знал раньше столь простой и мудрой формулы?

Со страхом я перебирал в уме слова, которые собирался сказать. По крайней мере, дважды хотел вернуться домой и подождать более удобного случая. Однако я подумал, что если сейчас вернусь, уже не будет никаких удобных случаев. И девушек, может быть, никаких не будет. Так я добрался до магазина, где работала моя избранница.

К счастью, она казалась мне довольно привлекательной. Её тело отличалось ярко выраженными и упругими формами. Это обстоятельство неизменно стимулировало моё вдохновение и побуждало к более активным действиям.

Иногда мы подолгу беседовали о кинофильмах, о прочитанных книгах и прочих вещах. Она носила платье с очень скромным вырезом декольте. В узенькой щелке чуть-чуть виднелись груди, и темнело пространство между ними. Это приводило к сладким и томительным мыслям о возможном грехе. Чувствуя, что краснею, я поспешно отводил глаза.

Но вот случилось то, чего я больше всего опасался. В этот выходной девушка тоже была занята. Однако существовала очень небольшая вероятность, что она сможет освободиться. Мне следовало позвонить в воскресенье около часа дня. Мы могли встретиться, если у неё появится время.

«Этого, конечно не произойдёт», — чопорно заверила девушка.

Встречу назначила в два часа дня на центральной площади у памятника.

Неприятности начались в воскресенье, когда я, дождавшись часа дня, отправился звонить подружке. Едва я открыл дверь будки телефона-автомата и зашел внутрь, на меня посыпались какие-то ржавые уголки и металлические детали. Потом я долго набирал номер и наконец, сквозь треск и гудение, мне ответил далёкий искажённый голос подруги. Голос сообщил, что мы скоро встретимся, и я отправился на первое в своей жизни свидание.

Едва завидев меня в толпе, ещё за добрые пятьдесят метров, моя избранница помахала рукой с противоположной стороны улицы. Потом, широко жестикулируя и тыкая пальцами в разные стороны, она принялась показывать мне, как лучше перейти дорогу. Глядя, как она

вдали отчаянно размахивает руками, пугая прохожих, я впервые усомнился в своих чувствах.

Наконец, мы воссоединились и отправились в ближайший кинотеатр на премьеру нового фильма.

Когда в зале погас свет и начался фильм, я понял, что не смогу обнять свою подругу. Мешала спинка кресла. Глядя в полутьме на её строгий профиль и сверкающие глаза, в которых отражалось действие фильма, я не решался положить руку ей на колено. А, тем более, на бедро. Занятый своими мыслями, я почти не обращал внимания на то, что происходит на экране. Однако я заметил, что один из персонажей фильма, героически погибший несколько минут назад, теперь вновь разгуливает по экрану. Когда он встретился с другими героями фильма и вступил с ними в ожесточённый спор, в зале засвистели и затопали ногами. Зажегся свет. Оказалось, что киномеханик перепутал бобины. Фильм запустили снова, я посмотрел ещё раз на свою девушку и решил не торопить события. Ведь впереди у меня оставалось ещё два дня.

Потом я поехал провожать её домой на автобусе. Все дорогу до остановки она что-то возбужденно болтала о фильме. Слушать её было совсем неинтересно. Я подумал, что она просто глупа. В тесной духоте автобуса мы молчали.

Глядя на её длинный прыщавый нос, я вдруг с ужасающей отчетливостью понял, что совсем её не люблю. Более того, мне стало совершенно ясно, что я никогда не смогу её полюбить.

Мы попрощались у калитки её дома, и я в смятенных чувствах отправился домой. Мои идеализированные представления о любви не позволяли давать девушке необоснованные надежды. Я решил, что мне следует поступить честно и не встречаться больше с нелюбимым человеком. Больше мы не виделись. Возможно, девушку постигло разочарование, и мне было её жаль.

Но даже несколько месяцев спустя я иногда с удивлением думал: «Почему всё-таки это должно произойти именно на третий день, а не на второй или, скажем, на четвёртый?»

С тех пор в моей жизни произошло немало разных событий из тех, что обычно случаются у людей. Многие из них так или иначе были направлены на то, чтобы заменить мои идеальные представления о жизни на другие. На представления и соображения сугубо практического свойства. Но до сих пор этого почему-то так и не произошло.

Мария РОЗЕНБЛИТ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Наследство

Они случайно оказались рядом. Подошли одновременно к почерневшей от старости скамейке, приютившейся в конце сквера и скрытой от прохожих густыми кустами. Старик знал об этом уединённом уголке и шёл сюда передохнуть — в последнее время часто стало прихватывать сердце.

Пёс о скамейке ничего не знал. Его сюда привёл запах покрытой жирными пятнами бумаги. Она лежала под скамейкой, свёрнутая обещающе большим комом. Часто дыша, старик тяжело опустился на скамью, а пёс опасно присел поодаль, с вождением глядя на бумажный свёрток. Мужчина подвинул носком ботинка бумагу к собаке со словами: «Вряд ли что-нибудь там найдёшь!»

Пёс сначала лапой попытался развернуть свёрток, потом, увлечшись, помог себе зубами. Его усилия вознаградились кусочком чего-то, что было когда-то пирожком. Он проглотил добычу и стал вылизывать прилипшие к бумаге крошки, всё ещё настороженно поглядывая на человека. Окончив, видимо, единственную за этот день трапезу, собака улеглась рядом, положив голову на лапы. Мужчина порывлся в кармане, вытащил завернутые в бумагу два кусочка батона и положил перед собакой.

— Ешь, мяса предложить не могу — сам не помню, когда его ел.

Пёс деликатно, один за другим сжевал куски булки и умиротворённо прищурил глаза.

Старик отдышал, глядел на собаку, и ему вдруг захотелось поговорить, неважно о чём. Кроме пса, говорить было не с кем.

— Ты, псина, наверное, тоже знавал лучшие времена. Но жизнь, она такая... Глупости говорят, что человек своими руками творит свою жизнь. Неправда. Уж я-то хорошо знаю. И знаешь, Петька, что самое плохое в этой жизни? Одиночество. А отсюда и бесполезность твоего существования... погоди, пёс! А почему я тебя Петькой назвал? Он ведь погиб в какой-то горячей точке... Ну, тем более, значит, не обидится. В детстве мы с ним дружили. Иногда дрались, но только между собой, а если поодиночке на кого нападут — так мы друг за друга горой! Но мы с ним не только дрались. Говорили по душам, планы на

будущее строили... Хреновые строители из нас оказались... Вот ты, Петька, тоже один. Наверное, хозяева когда-то выгнали?

Пёс поводит разодранными ушами и, казалось, внимательно слушал. Мужчина продолжал:

— Ладно, не будем о грустном. Меня никто не выгонял, а вот оказался выброшенным из этой жизни. Я тебе, Петя, признаюсь: официально я не существую вовсе, нету меня. Погиб в пожаре вместе с остальными жильцами. — После паузы старик вновь заговорил: — Давно это было. Надо было сразу заявить о себе, что живой... Да что теперь говорить, время утеряно. На том месте теперь особняк вон какой стоит! Поговаривали, что и пожар был не случайный... Тогда, после пожара, что смогли собрать — схоронили в общей могиле. Я стоял в сторонке — грязный, заросший щетиной. Очнулся только, когда в руку мне положили деньги. По тем временам достаточно крупные — десять рублей. И услышал слова. Навсегда их запомнил: «Возьмите, дедушка, на помин души раба Божьего Андрея!» Андрей — это я. А от денег шёл такой родной запах, что я умер вторично и уже навсегда... Я своей доченьке Наде, она у нас с покойной женой единственная была, покупал всегда одни и те же духи. Они ландышами пахли. Не помню теперь их названия. Да и тогда я их узнавал по коробочке...

А может, и не она тогда была. Я в таком состоянии мог ошибиться. Жизнь — она, как змея подколодная. Ладно, Петька, на сегодня хватит бесед. Мне вечером надо успеть на ночлег, иначе могут захватить койку.

Пёс откровенно храпел, иногда поскуливая во сне. Услышав слово «Петька», поднялся и с готовностью подошёл к старику. Мужчина положил ладонь на покрытый шрамами лоб собаки и с сожалением произнёс:

— Я не могу тебя взять с собой, ты уж извини. Сам на птичьих правах. Мужики в ночлежке пытались приводить собак, но выгоняли и собак, и их самих. Там строгие порядки! Но потом мы что-нибудь придумаем, а пока, дружок, иди! Да, Петька, а сердце-то у меня сейчас в норме, как будто и не болело!

Мужчина направился к выходу из парка. Собака припустилась за ним. Несколько раз старик увещевал пса, но только после вынужденно грубого окрика собака свернула в кусты и спряталась из виду.

На следующий день старик подошёл к скамейке и, никого не увидев, разочарованно осмотрелся вокруг. Потом присел. Ему было грустно. Он с удивлением осознал в себе это ощущение, потому что в последнее

время подобные чувства, кроме физической боли, его не посещали. В отдалении за кустами послышалось тоненькое собачье повизгивание — подошло время собачьих прогулок. Вот послышался женский визгливый голос:

— Жоржетта, фу! Иди ко мне!

Потом послышалась какая-то возня и опять возмущённый голос:

— Откуда столько развелось этих бездомных псов? Скоро из-за них невозможно будет выгулять порядочную собаку! Жоржетта, уйди от этой обrazyны, блох наберёшься. Ух, уродина, пошёл вон отсюда!

Послышалось грозное рычание. У старика застучало в груди, он поднялся и как-то затравленно вскрикнул:

— Петька, ко мне!

Захрустели ветки, и, как будто из середины куста, выскочил взлохмаченный пёс Петька. На его носу краснела царапина, а кончик длинного уса украшал дрожащий розовый лоскуток. За кустами всё ещё возмущались:

— Жоржетта, пойдём отсюда! Этот урод изорвал твой любимый бантик.

Между тем пёс подошёл к старику и виновато уткнулся лбом в его колени.

— Да, Петька, амурные дела у тебя не на высоте. Ну ничего. Я знаю один пруд, туда редко кто ходит. Мы с тобой, пока тепло, пойдём помоемся. Приведём себя в порядок. А потом к зиме я договорюсь с заведующей, чтобы разрешила тебе быть во дворе. Там, кстати, и старая будка стоит, её только починить надо. Я почию, сколько тех делов-то! У меня хорошие отношения с Татьяной Владимировной, она непьющих уважает... Заживём мы с тобой, Петька!

Старик положил на землю перед собакой бумажку с кусочками хлеба.

— На, ешь! Я сегодня хлеб помакал в суп. Всё вкуснее будет.

Пёс быстро расправился с едой и уже привычно улёгся рядом с мужчиной. Тот поглаживал левую сторону груди и делился с Петькой дневными новостями:

— Сегодня медсестра сделала мне укол. Как она сказала — для поддержки сердца. А ещё велела целый день лежать. Хотя днём там не разрешают никому находиться. Не стал я лежать. Надо было тебе кушать принести. Знаешь, Петька, как хорошо, когда тебя ждут! Ты же меня ждал, правда?

Пёс с преданностью в глазах внимал старику, а сам между тем устраивался поудобнее, надеясь подремать. Но мужчина поднялся и, держась левой рукой за грудь, произнёс:

— Я сегодня, Петька, раньше пойду. Что-то сердце зачастило. Полежу немного, мне ведь разрешили. Может, Лиза ещё укол сделает. А завтра приду, ты меня жди.

Старик не пришёл ни завтра, ни через неделю. Заведующая социальной ночлежки сокрушалась:

— Если бы этого деда Андрея вовремя отправили в больницу, он бы ещё пожил!

— Татьяна Владимировна, я пыталась! Но у них всегда один ответ: «У ваших бомжей нет никаких документов, как мы их оформим», — со слезами в голосе оправдывалась молоденькая медсестра.

Женщины прошли в комнату, где лежало тело умершего. Заведующая приоткрыла простыню. На груди покойного лежал тряпичный узелок, перевязанный тесёмкой, обвитой вокруг шеи.

— Сейчас посмотрим, что в этом узелке. Милиция велит всё проверять. Вдруг узнаем что о родственниках.

С этими словами Татьяна Владимировна с трудом развязала тряпицу и вынула оттуда десятирублёвую купюру. Деньги были старого образца и давно изъяты из обращения. Немного поколебавшись, женщина завязала деньги опять в узелок и положила на грудь покойнику. Хмыкнув про себя, вслух промолвила:

— Наверное — его наследство.

— Татьяна Владимировна, у него ещё под подушкой лежал какой-то свёрток в пакете. Вот, я его на столик положила.

Заведующая озабоченно ответила:

— Посмотрим, что в пакете, тогда станет ясно, что с ним делать.

Лиза осторожно вынула из пакета бумажный свёрток. На нём крупными буквами было написано: «для Петьки». Девушка развернула бумагу — там лежали засохшие куски хлеба и булки. Непонимающе глядя друг на друга, женщины машинально, не сговариваясь, стали крошить хлеб, надеясь что-то обнаружить. Кроме крошек там ничего не было...

— Вынеси, Лиза, эти крошки птицам. Кто такой этот Петька? Из ночующих у нас нет ни одного с таким именем... Да прогони заодно этого пса. Вчера приезжали собачники, я думала его отловили, а он опять сидит, как ни в чём не бывало! Вот уж хитрющее животное! А вон и машина с морга приехала. Лиза! Открой обе створки двери — у них носилки широкие, в одну не проходят.

Николай ФОМЕНКО

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Переселенцы

«Зелень сегодня весёлая».

Ещё бы. Июнь. Идут дожди. Между деревьями туман, как в бане. Шахтёрские бараки, облипшие пристройками, сараями, гаражами, туалетами. Расчерченные разными заборами: высокими, крепкими, покосившимися, завалившимися. Серые мшелые крыши, под которыми норы для жилья из добытого в шахтах ракушатника. Сады, мусорники и клён, клён, клён, в зарослях которого всё, всё, что не нужно, мусор: старые вёдра, бутылки, битый шифер, да всё. И две колеи железной дороги с ржавыми рельсами, заблудившимися в кленовой поросли. Синяя гора старого террикона, как застывшая волна в серой пелене июньского дождя. Белые куски бетонного забора. Ещё что-то бетонное недостроенное или развалившееся с парой пустых огромных окон. А потом ещё и рыжий террикон в глубоких морщинах, съехавший на бок, как казачья шапка. Дальше раздвоившийся террикон. В промежность между верхушками полезла вверх зелень. Грецкий орех во дворе выбрался на простор. Придавил собой куцые вишни, лёг веткой на чёрную крышу какой-то пристройки. «Зелень сегодня весёлая». Конечно, что же ей не веселиться — дождь.

«Парко».

И комары среди белого дня. Едят, сволочи. Мелкий косой дождик застревает в листьях. А гроза уже за терриконами, не страшная. Гремит, как пустая вагонетка. Свет пробивается сквозь зелень. Шевелится перед глазами лист с тонкими тёмными прожилками, и капля дождя повисела на остром кончике и упала в траву, как шарик ртути.

У деда Петра редкие жёлтые зубы, как у лошади. Серые волосы на груди вылезли из клетчатой выгоревшей рубашки. Кожа на шее, словно дерматин, в крупных пупырышках. Крепкий ещё дед.

— Когда-то мы весело тут жили, дружно. Ничего — подлатаете крышу.

— У нас с работой проблемы.

— Я двадцать лет на Лидиеевке проработал, — дед махнул в сторону синего террикона. Её давно бы закрыли, но вода из выработок пойдёт в шахту Скочинского. Она — ниже. А ещё ниже — Абакумова.

Тут всё, как слоёный пирог. Двери найдём. У меня где-то были на чердаке. Надо поискать.

Стол из серых досок, накрытый истёршейся клеёнкой, на кривых столбиках из спиленных вишен. На тарелке с облезлым рисунком сало, зелёный лук и две рюмки. Разные. Одна сиреневая с золотистым ободком, а вторая — прозрачная, узкая и высокая.

— Косу я принесу. Скошу траву, и принесу.

— Ничего, — дед Петя отмахнулся.

— Раньше везде весело жили. Одинаково.

— Мы росли тут. Свинолуп младше был. Лет на пять. Я пришёл из армии, а он уже благовал со шпаной разной. Потом его избили и положили на рельсы. Валерка, у которого вы купили хату, это его сын. Но он хлопец не поганый, только запустил всё. Я тоже сначала уехал. И на севере был, и где только не был. А потом вернулся и пошёл на шахту. Проходчиком. Лавы узкие, сантиметров по шестьдесят, я там не мог. Проходчиком другое дело — коридор. И деньги хорошие, если план даёшь. Пятсот, шестьсот и до тысячи доходило в то время. Правда, когда в ракушатник упрёшься...

— Твёрдый?

— Твёрдый.

Угол барака. Неровные камни обмазаны глиной и побелены. На выступах в побелку въелась угольная пыль.

— Тогда же тут в магазинах всё было. К нам родственники из Рязани приезжали — у них глаза на лоб лезли. Я им колбасы, кофе, сгущённого молока.

К углу барака пристроена веранда, крытая чёрным рубероидом. С одного бока веранда отлипла от стены, и из щели торчали куски старого ватного одеяла. В самом верху щели, под крышей были натолканы какие-то соломинки, и туда всё время шныряли узкие серые птички с длинным коричневым хвостом.

— Ничего, молодёжь — она теперь по-своему. Пусть живут.

— Да.

— Какое-никакое, а своё. Приведут в порядок. — Дед Петя потянулся за бутылкой. Навалился грудью на стол. Заскрипели вишнёвые столбики.

— Хорошо. Орех роскошный.

— Забил всё. Ничему расти не даёт. Бабка ругается. Да вырос как быстро. Думаю, пусть порастёт, а он, видишь, какой вымахал. Ну, за

детей. Чтобы у них всё получалось. А наше дело уже маленькое. Конечно, помогать надо.

— Конечно.

— Двери мы найдём... и рамы.

— Спасибо.

Андрей Николаевич попрощался. Взял косу и пошёл в узкий проход между сараями. Вдоль полуразвалившихся стен рос чистотел. Мокрый от дождя. Тонкие летние штаны сразу прилипли к коже. Андрей Николаевич переступил через какую-то канаву, продрался сквозь кленовый молодняк и оказался среди высокой травы, окружившей угол барака. Побелку и глину давно размыло дождями. Обнажился рыжий слоистый ракушатник. Шершавый и на вид очень непрочный. «Упрёшься»? Андрей Николаевич даже ковырнул его ногтём. Да нет, всё нормально. Крепкий. Он стал обкашивать вокруг угла. Под косу попадались камни, бутылки, пеньки, куски сгнивших досок. Он быстро устал. Тёплым влажным воздухом было трудно дышать. От выпитой водки билось сердце. Андрей Николаевич вошёл через кособокую обвисшую дверь внутрь барака. Запахло сухой глиной. В первой комнате была развалившаяся печь и тряпичный коврик на стене. Во второй трёхрожковая люстра сорокалетней давности, фанерный шифоньер с какими-то бумагами наверху, два стула грязных прегрязных и фотография на стене в коричневой деревянной раме. Странная у них фамилия — Свинолуп. И странное отношение к вещам. Как можно продавать дом с фотографией на стене? На фото мальчишка лет двенадцати. Наверно, этот самый сын — Валерка. Узнать его нельзя, потому что фотография сильно увеличена и отретуширована. Получилось круглое лицо с гладкими волосами на голове. Плоское и какое-то кукольное. Андрей Николаевич сел на стул. По спине ползли мурашки, словно он попал в склеп. Всё вокруг было умершее. Прошлое. Даже побелка на стенах была прошлой побелкой и, чтобы жить в этих стенах её надо обязательно смыть и сделать новую, живую побелку. И шифоньер был похож на саркофаг. Андрей Николаевич подошёл к этому фанерному саркофагу и потянул дверцу, но шкаф перекошило, и дверцу зажало в углах. Потянул сильнее. На голову посыпались сверху бумаги. С пылью и паутиной. Жёлтые. Местами даже коричневые. Он нагнулся над ними. Сразу попала на глаза ещё одна фотография — выпускной класс. Тысяча девятьсот семьдесят третий год. Почти такая же была где-то дома. Неужели её кто-то равнодушный и чужой когда-то вот так возьмёт в руки? Может быть, эти Свинолупы просто идиоты? Ан-

дрей Николаевич несколько раз разговаривал с Валерой, был с ним у нотариуса. Нормальный пацан. Пачка писем, перевязанная лохматым шпагатом. Адрес войсковой части. Мать собирала Валеркины письма из армии, хранила, а ему теперь наплевать. И на свои письма, и на то, что мать их хранила. А ведь нормальный. Учится где-то. Зелёная книжечка — аттестат об окончании школы. Ивана Свинолуца. Того же семьдесят третьего года. Одни тройки. Алгебра, физика, биология, история и только по черчению стояла четвёрка. Вот его и расчертило на рельсах тепловозом. Ноги затекли. Андрей Николаевич взял стопку бумаг и сел с ними на стул. Опять фотография. Большая. Увеличенная. Муж и жена. Как обычно. Похожи друг на друга. Оба коротконосые. Люди одной эпохи всегда похожие. Причёски, одежда. Даже тени на лицах узнаваемы. Кажется, что у всех вещей и людей одного времени есть и свой общий запах, только мы его не чувствуем. А, может быть, кто-то чувствует. Андрей Николаевич втянул носом воздух. Пахло пылью. Горьковатой и едкой. Чесалось в носу. Всмотрелся в фотографию. Ничего. Ни характера, ни судьбы. Две песчинки, отпечатавшиеся в своё время на бумаге. Потом была стопка школьных тетрадей. Каракули. Выписка из решения суда. Административное правонарушение. Несколько журналов «Работница» за семьдесят четвёртый год. Кто-то встал в двери. Женщина в синем платье. Под пятьдесят. Но в светлом дверном проёме её не разглядеть. Не видно подробностей. Не видно, что делается под глазами. А под глазами вся история, весь возраст, все привычки.

— Обживаетесь?

— Да, так, знаете...

— Дом тёплый и сухой. Только давно в нём никто не жил. А раньше, знаете, как тут было хорошо. Соседи... соберёмся все вместе.

— Мы тоже когда-нибудь соберёмся.

— Я тут, через дорогу. Меня Валея зовут. А тебя?

— Андреем.

— Ничего, Андрюха, всё будет нормально. — Она оттолкнулась рукой от косяка и ушла.

Андрей Николаевич сложил всё на шифоньер, выглянул из барака, но никого вокруг не было, только блестящие капли дождя на ещё нескошенной траве, и солнце проковыряло полупрозрачные тучи несколькими лучами, по которым размазалась бледная радуга. Ох, и весёлая же зелень вокруг. Неужели Донбасс?!

Владимир КОРНИЛОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Солнце на плече у кедра

С ребятами из нашего класса мы давно собирались сделать лыжную вылазку в расположенный километрах в трёх от микрорайона таёжный массив, — да всё как-то откладывали день за днем: то приближался конец учебной четверти — хвосты подтянуть надо, то у кого-нибудь соревнования подоспели — тоже в грязь лицом ударить не хочется, то морозы жмут так, что носа не высунешь, чтобы выбраться куда-нибудь дальше школы, — да и то с частыми перебежками (для сугрева) в находящиеся по пути компьютерные салоны... Но каждый из нас понимал, что все это отговорки.

А тут как-то Валька Грошев — весельчак и заводила нашего класса — возьми и предложи: «Ребята! Давайте в эту субботу на лыжах сбегаме!.. Я вам в тайге такие места покажу! Ангару с высоты птичьего полёта увидите!»

Ну, мы, конечно, загорелись. До назначенного срока оставалось несколько дней, поэтому все были заняты приготовлениями: покупали лыжную мазь, подгоняли крепления, — а у кого не было своих лыж, — доставали у знакомых.

И вот наступила долгожданная суббота. День обещал быть погожим. Стояло тихое морозное утро, без колючего «хиуса»... Лучи солнца зарумянили горизонт. Снег поскрипывал под ногами. Деревья и кустарники были разукрашены инеем... Да и сам город словно принарядился. Дома нахлобучили на себя белые зимние шапки. Провода развесили повсюду свои пышные праздничные гирлянды.

...Сбор назначили в десять утра у лыжной базы. Как я и ожидал, Валька Грошев и Володька Тимофеев были уже на месте. Валька с серьезным видом и лукавыми, как у черта глазами, рассказывал какую-то очередную веселую историю, а Володька, схватившись за живот, корчился в смехе. И от этого его лохматая рыжая в инее шевелюра судорожно вздрагивала и искрилась на солнце.

Вскоре все ребята были на месте, и мы направились вслед за Валентином по знакомой ему лыжне. А она то петляла между деревьями, то

терялась в снежных туннелях, образованных из согнутых берез. И когда взлетела на высокую сопку, — нашему взору открылись необозримые просторы тайги... А внизу, огибая острова и скалистые мысы, несла свои студёные воды своенравная красавица Ангара...

Ничто не нарушало задумчивости тайги. Только изредка тишину рассекал треск озябших деревьев да стук одиноких дятлов. Сугробы, нахолодившись от холода, плотнее жались друг к другу. Мороз, словно старый приятель, больно пощипывал нас своими жесткими, колючими пальцами, щёлкал по носу, встряхивал ознобом за плечи так, что мы невольно вздрагивали от этих его неуместных шуток.

А солнце все выше и выше поднималось над задремавшей тайгой. На некоторое мгновение оно, как бы задержавшись в своем беге, застыло на плече огромного кедра. Его лучи едва-едва пронизывали густые ветви и, когда касались снега, то миллионы снежинок загорались радужными алмазными блёстками. И важные на вид сугробы в этот миг напоминали нам румяных снегирей.

Очарованные, мы не в силах были оторвать глаз от этой величественной картины... Вот она — наша сибирская зима с ее прелестями и загадками, с ее морозами и снегопадами!..

Особенно был поражен Сергей Колодка — уроженец солнечной Украины, который до приезда в этом году в Братск, — никогда раньше не бывал в зимней тайге. Он находился словно в забытьи. Глаза его были широко распахнуты, отражая в себе всю эту неповторимую красоту спящего зимнего леса, принаряженного кружевами инея.

Да и мы в эти минуты причастились душой к прекрасному... Домой возвращались уже в сумерках... Город зажигал свои первые огни.

Александр АМУСИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Орден для внука

Старик Евсеев сидел с внуком Владом, на берегу речки, улыбался и ворчал.

— Студент, вымахал под два черенка лопаты, институт заканчиваешь, а к нам три года носа не казал. И сегодня, к обеду появился, а к вечеру в бега! Сенца бы подкосили, дровец порубили, крылечко починили, в баньке попарились, за жизнь поговорили, к чему торопыжничать?

— Надо, дед! Надо! Проблем — выше крыши. За нас не дергайся, житуха в масть, правда, бывает и кидалово, но выкручиваемся, не зря с детства учили: хочешь жить, умей вертеться.

Старик сорвал одуванчик, тоскливо посмотрел на цветок, на небо, затем, усмехаясь, на полуразрушенное село, в котором жил, остано-вил свой взгляд на тугих, налитых, как алое яблоко, щеках внука.

— Вертеться, опять вертеться, ну, сколько можно, не на войне же! Что не говори, Владик, а раньше я знал, пошто живу, за что кручусь. Как бы власть не ругали, а смысл в жизни оставался. Родной смысл, по сердцу. Ты думаешь, я партийный, или в коммунизму верил? Нет, Владик. Я веровал в то, что живем правильно, по совести, и умираем так же. Мы нужны стране, и она нам. А как воевали! Как бились! Жизни своей не жалели за каждый овраг, за всякую кочку, потому как знали — страна наша не беспмятная. И мёртвому поклонится.

Старик взмахнул одуванчиком, как шашкой, выругался, поправил правую штанину брюк, из-под которой выглядывал протез.

— А сейчас чего творится. Прихватизировала эту землю кучка бандюганов со всем тем, что мы отвоевали на ней, отстроили, да возвели, и на нас не глядя, похохатывая, промеж себя и поделили, присвоили... И никого не спросили, ни живых, ни мертвых. Словно мы в стране своей чужие, рабы, бессловесные. Дожили. Я слышал, в городе даже место под могилку покупать надо. Это что же, получается, войей за нее, за землю за свою кровную, а коли убьют, так еще и яму в этой самой, родненькой, выкупи, чтобы в канаве воронью в утеху не валяться?

— Эх! Дед, дед! Не продвинутый ты. Орденов да медалей в атаках нащипал — не унести. Если взвесить, то в твоих железках килограммов окажется больше чем в тебе. А толку-то от них. Лежат, ржавеют. А ты все ворчишь да ругаешься, все войну вспоминаешь, а жить-то надо сегодня, а на что? На твою трехгрошовую пенсию? Продад бы грамм несколько из стоящих побрякушек и жил бы по-человечески. Избушку отстроил, отопление провел паровое, протез прикупил новенький. Твой-то совсем не гнется. Дед, оглянись, за двором третье тысячелетие, а ты с топором не расстаешься, как неандерталец. Вот и «смысел» тебе под старость, вот и награда, ценнее не придумаешь.

— Ты, чего несешь?! Сам-то соображаешь, что болтаешь. — Старик сердито отшвырнул одуванчик. — Совсем ополоумел в своем институте. Тебя чему там обучают — наукам или тому, как орденами торговать?

— Да причем твои цапки, дед. Пойми, сейчас житуха наизнанку. За все что имеешь, за все надо платить. Даже за корки, то есть за диплом, за науку. Сколько заплатишь, на столько и выучат.

— А ежель денег нет?

— Ищи, тряси предков...

— Кого сотрясать, могилки?

— Да причем тут могилы, ты прямо на них заиклился. Я про родителей говорю.

— Так какие же они предки, они живые. Да и сотрясать зачем?

— Чтоб денег дали на учебу, на шмотье, на все остальное.

— А что, нельзя по-людски попросить?

— Ну, дед. Ты точно из мезозоя. Кто ж тебе даст, кому ты нужен. Сейчас вся страна в попрошайках, как в оспе. Просят все, а получают единицы, только те, кто правильно трясти может, то есть добиваться любым путем. Дошел?

— Куда?

— Да, никуда, а до чего. Ну, дед. С тобою тяжело. Живешь в России, а по-русски, не выезжаешь.

— А куда я должен ехать?

— Никуда. Да, кстати о транспортных проблемах, отбывать скоро, а я тебе главного не сказал. Короче, дед, я по делу приехал. У тебя орден Ленина живой?

— Как живой? Железный.

— Я в смысле, не посеял, не потерял, и крестик этот ржавенький, который ты с фашистского офицера снял?

— А тебе-то зачем? Этот офицер, между прочим, меня убить собирался. Понимаешь, убить! А ежели б он одолел, ни твоей матушки, ни тебя, Вадик, не было бы! Не одного бы он меня погубил, понимаешь?! Я с ним в болоте за твою жизнь больше часа врукопашную... На морозе, под нами лед таял до тины от крови. Зубами меня фашист, что волчара на клочья рвал. Здоровущий, ох и здоровенный попался, потому и крест опосля снял я с него, чтобы помнить, долго помнить — с каким зверьем воевать пришлось. А ты — крестик, ржавенький...

— Ладно, дед, не дуйся. Клиент есть классный, хорошие бабки кидает. Вот я о тебе и подумал. Пенсия смешная, избенка рушится, да и мне поможешь в ликбез доходить.

— Куда? Ты же закончил школу...

— Ликбезами сейчас институты зовут, какая разница.

— А бабка тут с какого боку? Она что — отдала тебе ордена?

— Да бабка Настя ни-при-чём! — разозлился внук: — Бабки — это значит, деньги хорошие за твой раритет дают. И за крест не обидят, в моде они сегодня, хоть и фашистские.

— Так я же не продаю.

— Не ты, а я.

— А ты-то здесь... откуда? Орден-то мой!

— А я внук твой, внук, должен я о тебе заботиться?!

— Выходит, ты награды мои приехал торговать?

— Не все, не все дед, некоторые.

— А если не соглашусь? Не отдам?!

— Дед, мы с тобой не на войне, да и возрастные категории разные. Кстати, ты хорошо плаваешь? Речка-то ваша, вон какая глубокая... Не война сегодня дед, и времена иные. Твою героическую погибель во имя железного дедушки не поймут, впрочем, и не узнают, спишут на старость да инвалидность.

Внук поднял с земли камушек и швырнул в реку. Затем достал сигареты, закурил. Дед, изумленно глядя, то на вытянувшегося под два метра внука, то на обмелевшую речку, негодуя сопел, но помалкивал.

— Ладно, дед, не кривись, я пошутил. Ничего ты не понял, хоть и родней числишься. Я доброе дело хочу сделать, сориентировать тебя. Эти медалюшки годами лежат мертвым капиталом, никакого дохода не приносят. Сегодня в России другие награды, а такими уже и не одаривают. Твои ордена — это раритет, и хорошо, что есть идиоты, которые готовы за этот хлам платить большие деньги. Радуйся! Я тебе классного клиента подогнал по-родственному, не дешево какую-

то. Думай! А пока пошли купаться, а то я вспотел твоё счастье тебе втолковывать.

Дед, кряхтя, опираясь на жесткие кусты полыни, с трудом поднялся, отряхнулся.

— Ты окунись. Действительно, что-то палит нынче, разлилось солнышко. Позагорай, обсохни. А я домой побреду, посмотрю, что тебе из хлама отложить получше.

— А ты-то откуда им настоящую стоимость знаешь? Давай вместе оценим. Я уж не первый год на этом рынке кантуюсь, кто меня обует — трех дней не проживет.

— Окунись, остудись, никуда от тебя твоя обувка не денется.

Пока внук купался, Матвей Данилович приковылял домой. Он взял лопату и в саду выкопал неглубокую яму. Затем принес из дома китель с наградами и деревянную шкатулку. Мундир тщательно обернул в несколько слоев целлофана и уложил в старенький чемоданчик. Подозвав жену Анастасию, и, придерживаясь за ее руку, встал на колени, аккуратно спрятал чемоданчик в яме, и стал горстями засыпать. Руки тряслись, плечи подрагивали — дед плакал.

— Ну вот, мать, считай, что сегодня меня убили. Долго в меня осколки с войны метили. Долго. Нашли, догнали.

— Чего мелешь, старый, чего...

Матвей Данилович надрывно вздохнул, ухватился за руку жены, поднялся, вытер мокрые щеки землянистыми руками, перекрестился.

— Чтобы не случилось, Настенька, достанешь китель, как только я помру окончательно, по-человечески. В нем меня и похоронишь. А внуку скажем, что медали да ордена украли, тем более врать нам, нисколько не придется.

— Это, как это нисколько? Сами, своими руками закопали... — удивленно спросила испуганная жена.

— Украли, Настенька, уворовали, так же, как и страну нашу, за которую мы бились, и ордена эти получали. Молодость нашу... Украли, всё украли! И внуков наших... И это правда! Свои же и стащили!

Баба Настя хотела возразить, но, увидев бескровное отрешенное лицо мужа, всхлипнула и безмолвно покорно прижалась к его плечу. Потом дед достал из шкатулки черный фашистский крест, плюнул на него, усмехнулся, вытер об штанину сзади и протянул жене.

— Отдадим внуку, когда придет, он его заслужил, сегодня...

Олег ЧИСТОБАЕВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Оценка лжи

У профилирующих историков я читаю годовой курс «Истории мифов». В который раз, в который год первое полугодие студенты имеют по моему предмету зачет, а во втором полугодии чтения лекций — серьезный экзамен. Именно по поводу последнего и пойдет разговор. Я хоть и довольно консервативен (пусть эта консервативность и уживается с прогрессивностью, надеюсь, старается уживаться), но на «Истории мифов» в сдаче экзаменов использую творческую работу, а никак не сухой экзамен.

На третьем, а иногда — четвертом занятии мы проходим ложные исторические теории. Я рассказываю ученикам про «те, кто владеют настоящим, владеют прошлым; кто владеет прошлым — владеет будущим». Рассказываю о мифах в истории, про то, что много лжи в, казалось бы, примитивнейших, простых исторических событиях, много инсинуаций на каждой странице истории человечества... Про руссов рассказываю, цивилизация которых старше греческой, про «Священное Писание», которое создано самое позднее в седьмом веке нашей эры. Но так же напоминаю своим ученикам об опасности подобных ложных исторических фактов и исторических выводов, припоминаю Умберто Эко и его «Маятник Фуко», эту дивную, полную опасностей историческую мистификацию главных героев романа. Так вот, я излагаю студентам простую мысль: поверьте истории—следствию только тогда, когда проверите историю—причину. Иначе — вас обманывают... Тогда же я предупреждаю ребят, что зачета и экзамена по своему предмету в классическом их представлении у них не будет, что каждый — из этих тринадцати студентов — напишет небольшое сочинение на абсолютно любую историческую персону, в день зачета принесет свое произведение в 40.000 символов (можно больше, только тогда должно быть очень интересное повествование) мне на стол. Наличие такого собственного антиисторического, содержащего в себе вымысел вперемежку с правдой фолианта-реферата автоматически будет означать «зачет». Но вот с экзаменом будет посложнее. Я предупредил, что досконально изучу все эти псевдоисторические произведения, а на экзамене будет разговор-беседа на тему найденных мною — или не обнаруженных — «подводных камней»... Разговор не столько

по поводу рассказанного мною на лекциях, сколько по поводу написанного ими в работах...

До зачета все было как всегда: обыкновенная группа студентов, с перевесом в несколько человек больше девушек, чем молодых людей. Никто особенным не выделялся. Мне нравились все, потому что среди них не было пустых глаз непонимания, а был только живой интерес бегающего взгляда любопытства от сказанных мною слов. Я иногда напоминал о задании на зачет с экзаменом, но совершенно ненавязчиво: это был третий курс уже уверенных в ученическом направлении людей. И на зачете, когда все 13 человек сдали материалы, все получили свою заслуженную роспись в зачетку. Я же принес материалы домой и не без интереса стал читать, развлекая себя чтением студенческих работ в канун рождественских праздников.

За годы преподавания у меня уже скопилась внушительная коллекция подобных «исторических лип». Начиналась коллекция с «кода да Винчи». Нет, Дэн Браун не был моим учеником: его фолиант был подарен одним моим знакомым... Но именно он, роман «Код да Винчи», и дал мне идею проводить в вышеописанной форме экзамены.

Семеро из тринадцати студентов потока пародировали Брауну — их опустим, это даже не интересно было читать, не говоря уже о пересказывать, и свои посредственные оценки на экзамене они получили. Одна работа девушки была посвящена Борхесу и его платонической любви к матери (слово «платоническая любовь» по отношению к матери писателя использовала сама студентка, я лишь цитирую) — это была довольно хорошо сколоченная фальсификация без досконального знания краеугольных произведений великого аргентинца; при этом повествование велось от лица сестры слепого творца. Другой студент рассказывал о сложной жизни Поля Гогена и его сына Кловиса (1886 год). В следующей инсинуации автор обращался к мальтийскому ордену — наследие Эко укоренилось в крови автора этого псевдоисторического опуса. Работа на тему любви Фриды Кало к Троцкому... Не буду далее перечислять, перейду к самому интересному и цельному произведению моего студента... скажу только имя — Олег, фамилию не назову, так как сам бы не хотел, чтобы без моего разрешения использовали мое имя... Этот юноша особым — до попадания в «яблочко» своим опусом — у меня не выделялся, осмелюсь сказать, что я даже не сразу соотнес фамилию на титульнике работы с этим студентом за ученической партией. Но то, что он написал, меня искренне «задело». Автор «слепил» художественное произведение авангардного толка и за основу взял жизнь живописца Анри Тулу-Лотрека, жизнь карлика-хромоножки, распутного гения плакатов, истинного экспрессиониста, плохо кончившего в свои 37 лет. Стоит отметить, что я не дилетант в

искусстве, что цикл исторических биографий Перрюшо о художниках-импрессионистах в силу профессиональных привязанностей читал, но то, как этот студент, молодой человек с горделивым профилем и с тихим спокойным голосом смог вплести ложь, которая вовсе и не ложь для невооруженного взгляда, обескураживает. Олег разбил 37 лет жизни графа Анри Тулуз-Лотрека в своем, не побоюсь этого сказать, произведении, на 13 частей — городов-годов жизни, так и назвав главы, например: «Тосс, 1892 год», «Женева, 1930 год». Я за ночь залпом прочитал все 43.052 символа из представленного на экзамен произведения, названного «Аристократ». Моя постель стыла без меня (даже не раскрывалась), пока я поглощал оригинальный, запутанный клубок повествования. Действие — каноническое повествование из 13 глав, так я это назову, потому как потом Олег любезно дал мне почитать еще три главы, не вошедшие в окончательный вариант, вариант, представленный в день зачета. Сюжет — перемешанная сложная жизнь художника. Среди описания зимовок Тулуз-Лотрека в борделе Олег мог перейти к годам юного графа или к падению Анри с лошади в восьмилетнем возрасте, а после этого описать силу ругани с официантом злобного, очень желчного автора плакатов для «Мулен Руж». Скажу еще, что я очень старался не выделять и не говорить студентам на занятиях во втором семестре курса о своем восторге, я старался «до-терпеть» до зимней сдачи экзамена...

Сейчас хотел бы привести короткий отрывок из нашей беседы с автором «Аристократа», который этот студент, этот способный ученик третьего курса О. Б. назвал сдачей экзамена, но я бы именовал дружеским общением.

Олег вошел в аудиторию, где проходила сдача экзамена. Вошел последним. Я жестом предложил присесть — он к жесту прислушался.

— Есть идейно-последние сдающие экзамены. Вы из них?

— Особо нет... Точнее, так: сегодня я не специально последний.

— А мне как-то интереснее как раз к концу принимать экзамены. Аппетит приходит во время еды... Так, я отвлекся. Я прочитал вашу представленную работу о Тулуз-Лотреке. Скажу сразу, что вам лучше всех удалась эта работа среди вашего потока.

— Вам понравилось?

— Да. При учете, что я равнодушен к экспрессионистам, чтение вашего произведения доставило мне удовольствие. Не смотря на нелинейность времени, у вас получилось довольно цельное, гармоничное и очень плавное повествование. Если вы будете не против, то я покажу его нескольким друзьям в издательствах и на факультете журналистики. Хорошо?

— Если вы так считаете, тогда, разумеется, поделитесь...

— Это первое, литературное... Если бы не экзамен, а сугубо художественно-литературные дебаты, тот тут и остановились и развились на этой теме диспута... Сплошные похвалы, восторги, вздохи... Я не ставил цели на экзамен написать роман: я хотел, чтобы вы вплели в правду историческую ложь. И мне уже есть что покритиковать. Я увлекался живописью в молодости, и ваше произведение, точнее, уже работа, чтение ее заставило освежить факты из некоторых литературных источников. Я перечитал Перрюшо, обнаружил биографию от Мориса Жуаяна на французском языке и некоторых других авторов сугубо с целью найти у вас ложь, сколь сложно бы это не было... Для начала, как я понимаю, вы внесли множество своих суждений, я бы даже сказал, множество своей жизни и своего мира в произведение. Некоторые моменты из описанного могли бы быть в истории жизни Лотрека, а некоторые и не могли быть... Такое я вообще не оцениваю: по первому своему образованию я математик и мне знакомы законы диалектики, а именно, что ложь оной не является до тех пор, пока не доказано противного. А теперь о заведомой лжи и о неточностях: ваш персонаж в очередном душевном кризисе расставания с любимой пьет абсент с laudanum-ом. Так вот: во времена Лотрека абсент во Франции так не пили. Так пили в Англии спустя несколько десятилетий от жизни Тулуз-Лотрека...

— У меня Лотрек пьет как лондонский сыщик из фильма «Из ада». Пьет точно безумец, разыскивающий днем Джека Потрошителя, а по ночам «балует» стаканом, водою, серебряной ложкой и полынной настойкой в полной горячей ванне.

— Хорошо, принимается.

— Это не ложь: это преувеличение, приукрашивание... В истории так употреблялся абсент в Англии, вы это верно подметили. Почему его не мог употребить таким способом художник-карлик из Франции?

— Да, то, что не доказано... Тогда следующее: один из ваших персонажей, друг Анри Тулуз-Лотрека по имени Морис Жуаян был связан со многими художниками в силу своей профессии — он был торговцем картинами. Начинал свою карьеру в галерее у Гупиля. Потом по вашему роману Жуаян выкупает ее, а у Перрюшо и живого Жуаяна, который написал книгу — тоже написал книгу о Лотреке, — Морис ушел, уволился...

— Я специально не читал ни Перрюшо, ни книги Жуаяна. Последнего не читал потому, что у меня повествование ведется от лица Жуаяна, и я хотел, не читав биографии авторства Мориса, написать сызнова его книгу...

— Интересное стремление... Стоит отметить, у вас это почти получилось, а «почти» только потому, что вы не знали лично Тулуз-Лотрека.

— Спасибо.

— Но далее.... В главе, датированной вами 1899 годом, вышеобозначенный Жуаян вспоминает, точнее, ловит себя на том, что в его голове играет «Балеро» Равеля... «Балеро» было написано в 1928 году. Жуаян не мог слышать произведение на почти 30 лет раньше его написания...

— Жуаян (исторический, не персонаж) написал свою биографию в 1926-1928 году... А мой Жуаян псевдо-написал «Аристократа», того, да-да, что вы держите в руках, незадолго до своей смерти в 1930 году. Потому, он слышал «Балеро». Точнее, Равель играл в его голове ее.

— То есть вы преувеличили?

— У меня другой Жуаян. У меня Жуаян, слышавший «Балеро» в момент, когда думал о друге и когда писал о том, что думает о друге. Я не стремился довести до идеальной похожести одного Жуаяна на другого.

— Понятно... Больше лжи я не обнаружил. С заданием вы справились. «Отлично». Вот ваша зачетная книжка.

— Спасибо. Я не хотел до получения оценки говорить своего мнения, но теперь скажу... Я никак не отношусь к тому произведению, которое вы так только что хвалили. Мне было плохо — моя любимая была далеко — и мне писалось. Я писал о гении, который просрал, да, простите за этот отвратительный, но так подходящий термин, он просрал свой талант. Анри Тулуз-Лотрек, этот гениальный поэт кисти в действительности не писал, нет: он всю свою жизнь только и занимался тем, что гробил свою жизнь... Fallen of art, как сказали бы студенты-лингвисты. Мне просто писалось, и я плохо отношусь к тому, что написал... Когда что-то хочешь очень сильно и делаешь все возможное, обязательно это не получается. А когда тебе все равно, да и цели нет, то может... возникнуть такой интерес со стороны профессора культурологи, людей из издательств... Единственная причина, почему в ваших руках оказался «Аристократ», так это ваш экзамен в нестандартной форме. Единственная. Мне приятно, что вам понравилось, вот, возьмите, еще несколько зарисовок для «Аристократа», но мне Анри Тулуз-Лотрек, этот постоянный житель борделей принес только «отлично» по «Теории мифов». Автор против «Аристократа»... Спасибо вам за оценку и за то, что вам было интересно читать. Надеюсь, вы у нас будете еще вести предметы, и я еще не раз побываю на вашей лекции.

Вера ПЛАТОНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Няня

Не помню её лица, и голоса не помню. Время обезличивает, стирает ненужные краски, выделяя основное. Основное — доброта, одна из составляющих любви. И, если существует многогранное определение слова «доброта», то встреча с ней одна из тех граней — подарков судьбы.

У Нее было красивое и мужественное имя Александра. Но Александрой она именовалась по паспорту. А для знакомых была просто Шуручкой. Бабой Шурой называла я ее вслух, а про себя Другом и Спасателем. Спасала меня баба Шура ни много, ни мало от детского сада. Который я не любила посещать по причине режимного распорядка дня. Из-за нелюбви часто болела. Больничные листы не поощрялись строгим маминым начальством. И маме ничего не оставалось, как нанять няню.

Так в моей жизни появилась баба Шура. Маленькая, скромная, набожная женщина семидесяти лет. И я стала проводить целые дни в ее однокомнатной квартирке.

В ясную погоду солнышко целый день светило в нянино окно. Запуская зайчиков, оно заигрывало с мутным зеркалом над комодом. Выделяло снежинками кружащиеся столбики пыли. И расставляло необходимые акценты между тенью и светом. От чего комната приобретала сказочный вид.

На первый взгляд, в бабе Шурином жилище не было ничего необычного. Убогая отечественная мебель. Полированный шкаф, на котором с легкостью оставались отпечатки пальцев. Раскладывающийся жесткий диван, хранящий в своих недрах остатки рулонов обоев невыразительного желтого цвета в мелких розочках. Те же блеклые розочки на стенах. И более яркие — на кружевных самодельных салфетках, украшающих комод. Фарфоровые статуэтки на комод: прекрасная балерина, навеки замершая в фуэте на одной ноге, медведь с баяном, белый лебедь с позолотой на крыльях и чудо-снегурочка в кокошнике, напоминающая о лучшем зимнем празднике. Со шкафа на посетителей комнаты радостно взирала наряженная стеклянными шарами пластмассовая ёлка. Она стояла там круглогодично, создавая едва уловимое ощу-

щение волшебства. А под ёлкой, как водится, Дед Мороз с бутафорским мешком подарков за спиной.

Настоящие же подарки — засахаренные подушечки карамелек прятались в глубине ящика комода под бумажным ворохом бабы Шуриных несбывшихся надежд и воспоминаний. Чёрно-белые фотографии и рисованные довоенные открытки с розовощекими улыбающимися барышнями пахли нафталином. Треугольники писем, исписанные неровным почерком с причудливыми чернильными закорючками, тревожили воображение. В ящиках комода можно было обнаружить и другие бесценные сокровища няниного мира: блестящие пуговицы и лоскуты ткани, серебряные ложки, рассыпанный бисер и засушенные бутоны роз.

Собственно, цветы и были главным украшением няниной комнаты. Живые цветы были повсюду. На подоконниках и табуретках, на полу и стенах. Крупные алые, пахнущие сладкими духами, глоксинии. Робкие белоснежные невесты — бегонии. Свисающие изумрудными водорослевыми гирляндами из кашпо, традесканции и аспарагус. Няня любила цветы. И они отвечали ей взаимностью. А мне нравилось проводить время у бабы Шуры больше, чем у себя дома, где мой детский мир бесцеремонно вытеснялся хламом взрослых вещей.

Помимо меня баба Шура нянчила своего мужа-инвалида — дядю Федю. Супруг медленно и мучительно умирал на железной кровати с провалившимся под тяжестью его тела сетчатым дном. Кровать была установлена рядом с кухонным столом. Еда, пожалуй, единственное, что продолжало интересовать инвалида.

Муж няни прожил бурную жизнь, о чем свидетельствовали многочисленные наколки, покрывавшее его старческие руки. Особенно впечатляла картинка церкви с куполами и надпись: «Век воли не видать».

* * *

Из тюрьмы на волю, Федя вышел спустя 10 лет после вынесения приговора. Вышел в полной уверенности искупления греха за совершенное убийство и с твердым намерением создать семью с честной, порядочной девушкой, с которой познакомился по переписке. Ту девушку звали Шурочкой. И она была необычной советской девушкой, не смотря на невзрачную — ничего особенного — внешность. Необыкновенность Шурочкина заключалась в умении не судить и прощать, ибо так велел Господь, в которого она верила. Шурочка знала, что у каждого человека есть свой крест. И его нужно нести с достоин-

ством, не ропща на судьбу. А, смиряясь с трудностями, подставляя левую щеку, если бьют по правой. Или наоборот.

Шурочка родилась в начале 20 века. Мы, его более поздние дети, любили говорить: «20 век — дураков нет!» Такая вот рифма и одновременно философия моего поколения, которому предстояло шагнуть в век 21. И набить первые шишки.

Нехитрая же Шурочкина философия была усвоена еще с дореволюционных времен от неграмотной, но мудрой матери. Мама научила ее соблюдать посты, молиться и каждое воскресенье посещать Храм. В церкви Шурочке становилось удивительно хорошо и спокойно. Стоя на коленях на холодном каменном полу, она могла часами вымаливать прощение своих несуществующих грехов, просить помощи для близких людей.

Отца своего Шурочка не помнила, он погиб на войне. А маму она потеряла в возрасте 12 лет. Рано осиротев, решила к 17 годам непременно уйти в монастырь. До того же срока пошла в услужение к барыне. Занималась работой по хозяйству. Убирала во дворе и в доме. Однажды зимой, когда полоскала белье в проруби, непрочный лед треснул, и Шурочка упала в холодную воду. Проходивший мимо мужик, услышав зов о помощи, вытащил дрожащую, испуганную девочку из проруби, и отнес ее на руках к барыне в дом. С божьей помощью Шурочка уцелела. Но, как выяснилось в дальнейшем, осталась бесплодной. Хотя всю жизнь мечтала о собственных детях.

Не суждено было сбыться и еще одной Шурочкиной мечте. После революции в стране начали происходить невероятные события. Барыню отправили в ссылку в Сибирь. Божьи храмы грабили и оскверняли, устраивая в них клубы и склады. Из 18 церквей небольшого провинциального города С-ска только в одном храме проводились службы. Об уходе в монастырь не могло быть и речи. Имя Бога нельзя было произносить вслух. Но как вычеркнуть из сердца любовь к нему? Шурочка не могла изменить своей вере, каждые выходные она по-прежнему посещала церковь. И неистово молилась. В будни работала на заводе. По вечерам училась в школе трудовой молодежи. В общем, обычная советская девушка. И все же не такая, как изображена на плакате: с мощными ровными столбиками сильных ног, с крепкими руками и короткой стрижкой. Нет, Шурочка всю жизнь не отличалась ни ростом, ни весом, ни командным голосом. Волосы заплетала в тугие косы. Покрывала голову платком. Юбки носила до полу.

Возврата к прошлому не было. Прошлое можно запретить, сжечь, расстрелять, но нельзя его вычеркнуть из памяти. Шурочка вспоминала

маму, от могилы которой не осталось и следа. Старое монастырское кладбище в центре города, на котором были похоронены Шурочкины родственники, сровняли с землей. На его месте построили дом для новой советской власти. Дом на костях.

Шурочка вспоминала дружную многодетную семью барыни, торговавшую на базаре мороженым и медом, слаще которых, она не пробовала. Вспоминала и праздничные ярмарочные дни. На них обычно приезжали цыгане. В пестрых нарядах, напоминающих яркое оперение Жар-птиц, цыганки танцевали и пели. А за одну монетку могли погадать по руке.

Узнавать судьбу было грешно, но Шурочка однажды не сдержалась. И услышала от цыганки, что предстоит ей много радости и много горя. Радость и горе постоянно будут сменять друг друга, колеблясь, как на весах. И счастье Шурочки будет зависеть только от неё самой, от её отношения к жизненным событиям. А еще бог даст Шурочке дочку. В последнее предсказание верилось с трудом, но от него бешено заколотилось сердце.

К 25 годам Шурочке очень хотелось выйти замуж за достойного человека. Но, где их было искать, достойных? В своих женских чарах Шурочка была не уверена. Танцы в клубе, где обычно знакомилась рабочая молодежь, не посещала. Вела скромный и замкнутый образ жизни. Своими мыслями на счёт замужества она поделилась с соседкой по дому. Соседка, как бы случайно, подкинула ей адресок сына, отбывающего срок в тюрьме. Завязалась переписка.

Свадьбу Александра и Фёдор не праздновали, не было лишних денег. Зарегистрировали гражданский брак. И тайно повенчались в церкви. На венчании настояла Шурочка. Стали жить, как многие советские семьи. Бедно, но «счастливо». Родить Шурочка так и не смогла. Но предсказание цыганки всё же исполнила. В начале Второй Мировой войны взяла из детского дома девочку, в которой души не чаяла. А когда вернулся с фронта израненный больной муж и начал беспробудно пить, Шурочка терпела, прощала.

Годы пролетели быстро. Дочка вышла замуж, родился внук. Внук окончил школу и ушел в армию. Старый деревянный дом, в котором жила Шурочкина семья, снесли. А его бывшие жильцы разъехались по городским квартирам. Так баба Шура оказалась нашей соседкой.

* * *

Дядя Федя умер, когда мне было 5 лет. Я уезжала на лето в деревню к родственникам. А когда вернулась, обнаружила, что места на бабе

Шуриной кухне прибавилось. Куда-то девалась железная кровать и её тяжелый больно́й.

Няня обрадовалась моему возвращению. Она прижала меня к груди и беззвучно заплакала.

Вечером я услышала, как родители шепотом обсуждают скандал, случившийся в её семье.

— Не родная она ей кровь, так не поступают с матерью, которая её вырастила! — возмущалась мама.

— Вот она благодарность за доброту, в Дом престарелых захотела бабу Шуру отправить, квартира, видите ли, сыночку её понадобилась, — вторил ей папа.

Няня написала завещание на внука, но отказалась уезжать из квартиры. Внук и дочка обиделись и перестали ее навещать. Вычеркнули из своей жизни. Баба Шура к ним ездила. Оставляла конвертики с деньгами в почтовом ящике. А они захлопывали дверь у неё перед носом. Не желали с ней общаться. Она продолжала каждое воскресенье ходить в церковь, вымаливать у Бога прощения.

Из церкви приносила просфоры — пресные постные лепешки с отпечатанными на поверхности крестиками. Просфорами она угощала меня. Необычный вкус «боженькиной» пицци манил больше конфет. Я съедала, непременно загадывая желание. Желание у меня было одно. Я хотела котенка, потому что братик у меня уже был. А маленького пушистого друга не было.

Мы пили с бабой Шурой чай на кухне. И разговаривали.

— Бога нет, — с детской непосредственностью и в силу атеистического воспитания, уверяла её я.

— Есть, и ты когда-нибудь это поймешь.

— Нет, иначе у меня бы был котенок. А у меня его нет, — приводила я свой главный аргумент.

Баба Шура ласково трепала меня по голове и улыбалась.

— А когда ты умрешь, ты попадешь в Рай? — не отставала я.

— Не знаю, — отвечала баба Шура.

— Ты обязательно попадешь в Рай, — убеждала её я, — моментально забыв, что пару минут назад отрицала существование Бога. — И в Раю будет много цветов, как у тебя в комнате. Нет! В 100 раз больше. И будут петь птицы с диковинным оперением.

— Откуда ты знаешь? — лукаво интересовалась няня.

— Но ты сама мне рассказывала, — с не меньшим простодушием

отвечала я. — Ой, у тебя зацвел новый аленький цветок, как в сказке! Помнишь, про красавицу и чудовище?

— Не помню, расскажи.

И я с удовольствием пересказывала няне историю любви.

А вечером, когда за мной приходила мама, баба Шура дарила мне тот самый цветок. Любуясь его красотой, я на время забывала о котёнке.

Пушистого друга мне разрешили завести гораздо позже, когда наша семья наконец-то купила кооперативную квартиру и переехала жить в другой микрорайон города. За повседневными хлопотами мы позабыли о бабе Шуре. Но она помнила и скучала о нас. И однажды осенью приехала к нам в гости. Добиралась общественным транспортом, с пересадками.

За то время, что мы не виделись, баба Шура сильно постарела. Сгорбилась. Лицо ее потемнело. Трясущимися скрюченными пальцами из кармана, затёртого чёрного пальто, она достала горсть сухих просфор.

— Баба Шура, не надо, — поспешно отвела её руку я. — У нас конфеты есть.

— Зачем ты ехала в такую даль, ты же еле ходишь? — поругала ее мама.

Няня появилась не во время, некстати. Кажется, мы ждали гостей. Или были заняты какими-то делами. Заняты собой. Вспоминаю неловкость той ситуации, и мне становится стыдно. Стыдно за себя. За то, что отвела руку. За то, что не сказала нужных слов.

С тех пор баба Шура к нам не приезжала.

Спустя пару лет после того случая я пришла навестить няню. Переступила порог знакомой комнаты и не узнала своих воспоминаний. А баба Шура не узнала меня. Она почти ослепла. Но по-прежнему старалась быть гостеприимной. Полезла в комод за конфетами, где среди вороха фотографий, вдруг мелькнул мой детский снимок.

— Баба Шура, это ж я!

— Нет, ошибаешься, дочка, на карточке совсем другая девочка. И она принялась рассказывать про меня и мою семью. И говорила с такой нежностью и любовью, как о родных. — Заходи ещё, мне одиноко, — призналась няня на пороге квартиры, прощаясь со мной.

Я накрыла её маленькие морщинистые, добрые руки своими ладонями. Больше нам не суждено было свидеться. Через полгода в её квартире жили незнакомые люди. А с подоконника исчезли цветы.

Виктор ЩЕТНИКОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Мама, я люблю ангела!

Задумчивый мальчик... со светлыми волосами, покрытым веснушками носом и глазами — кусочками неба, столь ясно-голубыми были они. Он сидел на качелях и болтал в воздухе левой ногой. Взгляд его был направлен в землю под качелями — желто-серую субстанцию, при малейшем касании выбрасывавшую в воздух клубы пыли.

Наверное, потом надоело. Он поджал левую ногу, начал болтать правой и повернулся в сторону припаркованных машин. На капоте одной из них деловито сидел голубь. Вы замечали, эти птицы стали такими ленивыми и наглыми? Они нас уже не боятся, как перестали бояться жирные подъездные крысы, бездомные собаки со впалыми животами и разномастные бомжи, стаями сидящие у входов в метро.

Мальчик болтал ногой и молчал. Он почти не разговаривал два года, с тех пор, как одна из псин во дворе напала на него, не обращая внимания на взрослых рядом. Теперь основным его занятием было сидеть, уставившись в какую-то одну точку. А потом — в другую. Психологи, по которым его таскала мать, так ничего и не добились. Он упорно продолжал молчать.

— Андрюшка, смотри, какую вкуснятину я купила, будешь? — невысокая женщина, на которую невозможно было не обратить взгляд, опустилась перед ним на корточки. В руках у нее была коробка с печеньем, залитым шоколадом.

Мальчик нехотя перевел взгляд с голубя на печенье и так же медленно вернулся обратно. Женщина вздохнула, поднялась и отошла к скамейке, на которой лежала ее сумка и раскрытая книжка. Так ее сын реагировал почти на все. Его практически ничего не интересовало.

Он сидел на качелях и болтал ногой. Так он мог просидеть весь день, а потом подняться и пойти домой, молча съесть свой ужин и усесться за стол, на котором лежала кипа бумажных листов и стояла заветная баночка с карандашами. У него были пеналы, отделения в столе, но карандаши каждый раз с упорством и тщательно перекладывались в маленькую баночку, в которой раньше был майонез. Так они и торчали частоколом, периодически меняясь местами, когда мальчик брал один из них порисовать.

Он рисовал очень красиво. Маленький мальчик с помощью графита создавал бесхитростные пейзажи, которые никогда и не видел, лица людей, которые, может быть, никогда и не появлялись на свете, животных. Только собак на его рисунках никогда не было. И рисунки были черно-белые.

Сидел и болтал ногой. И ничего бы не изменилось, если бы перед глазами не мелькнуло яркое пятно платья, и звонкий голос не произнес:

— А можно я покатаюсь на качелях?

Она смотрела на него яркими, безгранично пронзительными глазами. В них перемешались оттенки молочного шоколада и золота. Она стояла перед ним, и так нестерпимо хотелось упасть на колени перед этим белокурым неземным созданием. Он медленно слез с качелей и сделал шаг в сторону.

— Меня Настя зовут, а тебя? — девочка залезла на качели, но продолжала сидеть без движения. — Ну чего ты молчишь? Не умеешь разговаривать?

Попятившись, он повернулся и побежал к скамейке, схватил мать за руку и потянул за собой к подъезду. И лишь когда они дошли до ступенек, повернулся и спросил:

— Мама, это был маленький ангелочек?

— Андрюш, ну ты чего, это всего лишь девочка. Ты из-за этого постеснялся с ней знакомиться? Может, вернемся?

Мальчик отчаянно покачал головой и бросился вверх по ступенькам. Зайдя домой, он сел в своей комнате и не выходил оттуда до вечера, карандаши в его руках постоянно менялись, он рисовал и рисовал, отказавшись от ужина и сладкого. Он даже так и уснул за столом, зажав в руке ластик. Когда мама зашла его укладывать, он тихо посапывал, а на столе рядом с его головой лежал листок. А на нем, распахнув крылья, каталась на качелях девочка в платьице, с босыми ногами.

Пришел сентябрь. Это был его первый день в школе. Начиналась новая жизнь, наверное, она будет интереснее, чем та, что была ранее. Мама все говорила о новых друзьях, о большой ответственности, об огромных знаниях, которые он получит в школе. Ему было все равно, это был просто очередной день. И он стал бы незаметным, если бы не одно но...

Когда он вошел в класс, большинство мест были уже заняты учениками. А на второй парте сидела она — его маленький ангел. Она взглянула на него и улыбнулась:

— А я тебя помню. Ты — мальчик, который молчит. Садись со мной? — и сняла с соседнего стула свой рюкзак.

Это был сон. Иначе быть не могло. Ангелы же не могут приходить наяву?! Он робко опустился за парту. Ближайшие одиннадцать лет они будут сидеть вместе, не обращая внимания на насмешки одноклассников и намертво прилепившееся к их парочке прозвище «женых и невеста».

С того сентября количество рисунков с ангелом увеличилось с одного до толстой папки. Хотя, он и не перестал рисовать другие картины. А собак так и не начал, и всегда обходил стороной любую из них на улице.

В пятом классе он впервые подрался, вступившись за нее. Один из основных забияк в классе решил дернуть ее за собранные в хвостик волосы. После этой драки задирать их больше не рисковали. На обидчика он набросился со всей яростью, на которую только был способен. Хотя, и был гораздо меньше. Тот с друзьями еле смог затолкать его в угол и не выпускал, пока в класс не вошла учительница. После драки он неделю ходил с разбитым носом и синяками. Но с того дня она его назвала лучшим другом.

А после школьных занятий, по вечерам, он ходил в художественную школу. И это было самым неприятным. Он не хотел рисовать то, что заставляют. Ему интересно было творить без оглядки на преподавателя. А тут приходилось, скрипя зубами, выводить очертания заданного, а затем прорисовывать малейшие детали. Правда, своему правилу он не изменил — собак на его рисунках так и не было.

В одиннадцатом классе он проколол левое ухо. Тогда это не было модой, как сейчас. Тем более в его городе. Он не знал, против чего был направлен этот бунт, но препирался с учителями, которые всеми правдами и неправдами пытались заставить его отказаться от колечка тусклого металла в ухе. Он, может, и снял бы серьгу, но его ангелу понравилось. Через неделю ухо не выдержало и воспалилось, она на переменах смазывала его каким-то раствором, который принесла из дома, и заставила его пообещать, что после школы он так же каждый час будет дезинфицировать прокол. Надо ли говорить, что он бросал все, но сдерживал это обещание?

Пришло время выбирать, где учиться дальше. Она поступила на юридический факультет, а ему была прямая дорога в художественную академию. Увы, их пути разделились, он не мог уже так много времени проводить с ней. Тем не менее, они созванивались, иногда подолгу гуляли по вечернему городу. Он любил ее? Несомненно, но никогда не признавался в своих чувствах.

А к концу четвертого курса его жизнь рухнула. Все началось с того, что они стали реже встречаться. На его звонки она отвечала, что очень занята, времени совсем нет. Когда сможет, она обязательно позвонит, и, конечно же, они сходят погулять. А потом один из общих друзей сообщил, что в следующем месяце она выходит замуж, и по завершению этого курса планирует перевестись в основное отделение вуза и переехать в другой город. В ответ он только невнятно пробормотал: «Но я ведь ее люблю».

В тот вечер он впервые напился. Утощал кого-то на ночных улицах алкоголем, с кем-то дрался. Постоянно звонила мать, он отвечал, что скоро будет, пусть ложится спать, в конце концов отключил телефон и приложился к бутылке. Домой он вернулся с первыми лучами солнца. Сутки он провалялся, мучаясь от головной боли. От малейшего запаха еды его воротило.

Следующим утром он вышел из дома с объемным пакетом. Дверь открыла ее старенькая бабушка. Насти, его ангела, не было, они с родителями уехали в свадебный салон, но скоро должны были вернуться. От предложенного чая и возможности дождаться он отказался, отдал пакет, в котором лежали папки с Настинными портретами — бесчисленные ангелы разных возрастов с ее лицом, попросил обязательно передать.

Теперь он перестанет рисовать не только собак.

В день ее свадьбы он сидел в своей комнате, ломая один за другим свои карандаши. По щекам у него текли слезы. Не возмущайтесь, мужчинам тоже можно плакать, когда никто не видит. Когда в комнату вошла мама, на ее начавшиеся причитания он ответил только одно:

— Мама, я просто люблю ангела, — и вытер лицо рукавом рубашки.

Ее жизнь не сложилась. Через год у них родился сын. Вроде бы вот оно, семейное счастье. А потом муж стал понемногу выпивать. Через пару лет это «понемногу» превратилось в постоянные пьянки, он подолгу не являлся домой, а если и являлся, то внешний вид и его поведение были каким-то проклятьем.

Когда Андрею исполнилось шесть, она не выдержала. Развелась с мужем, собрала вещи, и они вдвоем вернулись в родной город. Она устроилась на работу, сразу же, как приехала. А сын сидел с ее старенькой бабушкой.

В тот день работа завершилась в двенадцать. В офисе красили окна, от едкого запаха краски дышать было невозможно. В итоге всех отпустили домой. Забжевав по дороге в магазин, она долго стояла и выбирала, что бы купить в гостинец сыну. Улыбнулась, вспомнив, как бабушка прино-

сила ей такие гостинцы «от лисички», говорила, что встретила ту по дороге с работы, и добрая зверушка передала ей это угощение.

Чмокнув открывшую дверь бабушку в щеку, она крикнула в сторону комнат:

— Андрюш, иди сюда, у меня для тебя кое-что есть!

— Да не дома он. Я его в школу искусств отвела, ему рисовать уж больно хочется. В три за ним идти, забирать.

Прошло столько лет, а это здание так и не изменилось, разве что краску на стенах периодически обновляли. Да отделали плиткой разбитые ступеньки. Кабинет рисования был в самом конце коридора на втором этаже. В здании было шумно, расходились из кабинетов к родителям дети. Из-за одной двери доносился неуверенный голосок скрипки.

Она открыла дверь, заглянула, прислонилась к косяку... и заплакала. Спинай к ней за столом сидели они — ее сынишка и высокий мужчина с взъерошенными волосами. В левом ухе у него тускло поблескивало железное колечко серьги. А перед ними на столе лежал большой лист бумаги. На нем, нарисованный возле мяча, сидел смешной лопухий щенок.

Андрей продолжал жить после ее отъезда, как во сне. Молчаливо выполнял ставшие привычными действия, не задумываясь больше об их необходимости. Закончил художественный, поступил педагогом в школу искусств. Попробовал два раза встречаться с девушками, но довольно быстро осознал, что они — не его, не похожи на Настю и абсолютно не несут в себе счастья, о котором он мечтал.

С началом нового учебного года в его классе появились новые ученики. В первый же день родители одного из них задержались и не пришли в нужное время забрать ребенка. Такое случилось, да и куда Андрей не торопился. Мальчик усердно трудился над рисунком, высунув язык. Когда учитель подошел, он поднял голову и взглянул вверх. Столько печали было в этих столь знакомых глазах цвета молочного шоколада и золота.

— У меня не получается нарисовать его похоже, — сказал он и указал на щенка, сидящего рядом с мячиком.

Андрей поставил рядом стул, улыбнулся и взял в руки карандаш.

— Давай, немного помогу, — и стал наносить штрихи.

Негромко скрипнула входная дверь. Он повернулся, и в небесно-голубых печальных глазах вспыхнули искорки радости. В дверном проеме стояла она — его любимый ангел.

Наталья ТВЕРДОХЛЕБ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Встреча в поезде

Купе еще было пустым. Я поставила вещи под сиденье и устроилась возле окна. Как хорошо, что есть поезда и невольно оказываешься вырванным из привычного ритма.

Хочешь не хочешь — отдыхай. Торопишься? На здоровье. Поезд придет точно по расписанию. Или опоздает. Раньше никак не получится. Только бы с попутчиками повезло. Обычно мне везет.

В дверь въехал огромный темно-синий чемодан, заполнивший все и без того маленькое пространство купе. Я поняла, что никуда он, кроме крохотного проема между сиденьями, не поместится, и отдых за надежной баррикадой мне обеспечен. Ничего, я закаленная. Когда-то даже с цирковой труппой в одном вагоне ехала. Об этом нужно писать отдельно. Как я раньше не догадалась? Мысли начали выстраиваться, завибрировал сидящий во мне вирус графомании. Хотела достать из сумки ручку, но не успела.

— Добрый вечер.

За чемоданом, наклонившись, вошел в купе высокий мужчина. Поставил вертикально свой багаж-громадину, чтобы освободить немножко места. Зашла пара — женщина и мужчина. Молодые. Возраст их я определить не могла. Они молча кивнули мне и заговорили о чем-то между собой на незнакомом языке. Прислушавшись, я поняла, что это испанский. Вот и хорошо. Наконец-то, можно будет помолчать, подумать о своем, не вести обязательных дорожных разговоров, не слушать, как это часто бывает, совершенно ненужных мне исповедей случайных людей.

«Сергей, — назвал свое имя мой попутчик, — а это Мария и Давид. Они из Испании, русского не знают. А Вас как зовут?» Я ответила в надежде, что на этом обмен любезностями закончится и я, наконец-то, смогу хоть как-то, протискиваясь мимо чемодана, постелить себе и прилечь. Наверное, Давид поймал мой взгляд. Что-то сказал Сергею на испанском.

— Это? Не волнуйтесь. Сейчас все будет в порядке. Мы его наверх поднимем.

Мария останавливает своих спутников, взявшихся вдвоем за крупногабаритный багаж.

Что-то достает из внешнего отделения, какие-то пакеты. Теперь можно действовать.

Мужчины с усилием поднимают чемодан. Темно-синяя баррикада, запершая меня на узкой полке, перемещается под потолок. Сразу как-то веселее стало. Мария мне улыбнулась. Какая же я злючка. Приятные, доброжелательные люди. А я сразу страдать настроилась, неудобства терпеть, жалеть себя любимую.

Тронулся поезд. Колеса начали отбивать знакомый мотив. Я жестом пригласила Марию сесть рядом с собой, чтобы ее спутникам было удобнее. Она покачала головой и что-то сказала Сергею.

— Не хочет вас стеснять. Мы еще немного посидим и будем ложиться. Дорога дальняя. Нам завтра от конечной станции добираться несколько часов.

Сергей называет небольшой город, действительно, находящийся в стороне от железнодорожного пути. Состав набрал скорость, в купе, наконец-то, ярко загорелся свет.

Я смогла разглядеть попугчиков. От лица Марии невозможно взгляд отвести. Красивая? Не знаю. Но хочется смотреть и смотреть на нее. Волосы откинута назад. Длинные, черные, струятся по спине, достают почти до пояса. Глаза, неожиданно, зеленовато-голубые, аквамариновые, не темные, как у многих испанок. Лицо очень смуглое. Обычно мне такой тон кожи не нравится, с ним женские лица теряют нежность. Но Марии он очень подходил, подчеркивал цвет ее грустных глаз-самоцветов. Тоненькая, плечи узкие, ладони — тоже. Давид, напротив, широкоплечий, высокий, с грубоватыми чертами лица и приветливым взглядом. Сергей выглядел старше испанцев лет на десять, а то и больше. Шутил, все время пытался Марию рассмешить. Кое-что для меня переводил, наверное, чтобы приличия соблюсти. Мария отвечала на его шутки, но даже не улыбалась. Только глаза меняли цвет, как драгоценный камень, подаривший им свои краски. Я уже забыла о своем настроении, любопытство не давало покоя. Что связывает этих троих? К кому едут они в маленький городок, находящийся почти на границе Украины и России? Уже готова была задать вопрос Сергею, сама начать разговор, которого еще так недавно хотела избежать. Но я не успела. Все само собой получилось.

— Волнуется, не могу развеселить, — обратился ко мне Сергей и кивнул в сторону Марии.

— Почему? Что-то случилось?

— Нет, все в порядке. Просто, событие очень важное в их жизни. Едем малыша забирать из детского дома. Усыновляют. Круги ада про-

шли, пока все документы оформили. Я им помогал. Теперь сопровождаю. Я в Центре усыновления работаю.

Мне многое стало понятно, и почему они в этот городок едут. О детском доме я слышала.

— Но ведь они такие молодые. У них еще могут быть дети.

— Не могут. Марии — тридцать пять. У нее уже пять родов было. И все время детки неживые. Что-то не так в организме. Врачи запретили больше рожать. Ничем помочь не могут. Мария сама детский доктор. Всю жизнь чужих малышей лечит. А своих нет...

Мне стало как-то не по себе от этих откровенных слов.

— Пожалуйста, спросите ребят, они не против того, что вы мне все это рассказываете.

Сергей что-то быстро сказал Марии. Она улыбнулась, достала из сумочки несколько фотографий, разложила на столике, чтобы хорошо было видно. Я рассматривала снимки, хвалила малыша, просила перевести мои слова. Похоже, все, что я говорила, радовало испанцев. Они переглядывались, улыбались, а потом взялись за руки, как дети. Мальчику на фотографии было года три. Светло-русый «ежик», нос кнопочкой. Вот только глаза, как у будущей мамы, сине-зеленые, в пол-лица.

— Они, вообще, какие-то невезучие, — продолжал рассказ Сергей, — полмира объездили. И все время что-то не получалось. В прошлом году в Индии были, тоже мальчика усыновить хотели. Сколько труда, сколько переговоры вели, документы оформляли, а когда прилетели в Дели, оказалось, что все напрасно. Ребенка забрала какая-то религиозная организация. И никто, никакие усилия, никакие связи помочь не могли. Даже дипломаты вмешались. Все бесполезно.

— Надеюсь, сейчас закончится хорошо. И полетит украинский малыш в древний испанский город Сарагосу.

Сергей ничего не ответил, но взгляд его мне не понравился. Много я узнала в тот вечер. Незнакомый мир для меня открылся. Кому только Сергей ни помогал в усыновлении. Рассказал о девочке-цыганке, которую пожилые поляки удочерили. А потом даже вернуть хотели. Она им танцы с бубном по ночам устраивала. Не высыпались, с ног валились от усталости. Но ничего, привыкли. Сами теперь поют и танцуют, а малышка звездой эстрады, наверное, станет — такие у нее успехи.

Была глубокая ночь, когда мы легли. Мужчины уснули быстро, а у Марии горел ночник. Я прикрыла глаза. Заснуть уже вряд ли удастся. Очень хотелось, чтобы Мария поспала, отдохнула хоть немного, но она не выключала свет. Мне видно было, как раскрывает она пакеты, которые достала из чемодана, как кладет на колени детские вещи:

свитерок, шапочку, шарфик. Мария гладила мягкую шерсть, складывала, раскладывала и вновь рассматривала одежду, приготовленную для ребенка. Она потянулась за вторым пакетом и вытащила оттуда игрушечного жирафа, очень смешного, с длинной, как и положено, шеей, только какой-то необычной, нежирафьей расцветки. Ноги его можно было согнуть, голову наклонить, как угодно. Мне жираф очень понравился, и я тут же начала сочинять о нем сказку. Стук колес убаюкивал. Я открыла глаза, когда рассвело. Мария крепко спала, обняв игрушку.

Из поезда мы вышли вместе. Попрощались, пожелали... Все, как положено. Я проводила своих попутчиков к стоянке такси.

— Пожалуйста, — попросила Сергея, — переведите Марии, что я обязательно напишу сказку о белом жирафе, и пришлю ее малышу. Сергей молчал.

— Что-то не так? Я не то сказала?

Он ответил не сразу, каким-то другим, изменившимся голосом.

— Ребенок болен. Лейкемия, форма тяжелая, надежды мало.

У меня перед глазами возникла картинка: белый жираф плакал большими белыми слезами.

— Они знают?

— Да. Сказали, что не отступятся, что им нужен только этот мальчик. Они его выбрали, они уже его любят, будут лечить.

— Но, может быть, есть хоть какой-то шанс? Сколько же им горя можно переносить?

— Вы верите в чудеса? Я — нет. Они месяц должны здесь жить, навещать ребенка, чтобы он привык. Такие правила. Дай Бог, чтобы они улетели втроем. Мальчик в больнице. Прощайте. Возьмите визитку. Звоните, если хотите.

Я посмотрела на Марию и Давида. Они махали мне на прощание и снова, как дети, держались за руки. Не знаю, что со мной случилось. Но в этот момент я превратилась в Марию, я вошла в ее кожу, по моим сосудам потекла ее кровь. Я вся стала ее болью. У меня вдруг почти исчезло зрение, пропали цвета, все вокруг стало серо-черным. И я, несентиментальная, неверующая, начала молиться. «Господи, — просила я, — ты же всемогущий и милосердный. Только ты можешь совершить чудо. Сделай что-нибудь для этих людей, сохрани для них сына, дай им шанс вылечить мальчика». Почувствовала боль в ладони. Разжала кулак. Кусочек пластика, визитка Сергея, порезал мне руку. Я смотрела на визитку, четко видела номер. Он и сейчас в моей памяти, не стерся. Я не звонила.

Светлана ГРОМОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Когда сбываются мечты...

Было без четверти двенадцать. Макс стоял у витрины роскошного магазина, не в силах оторвать взгляда от этой радостной феерии разноцветного безумия новогодних огней. Падал снежок, искрясь в ярком свете фонарей, реклам, огней наряженных повсюду елок и елочек. Народ стремительно исчезал с улиц, торопясь, кто в гости, кто домой, в тепло и уют, пахнувший хвоей и неизменными мандаринами. Магазин был круглосуточный, и Макс не боялся, что он закроется. Что, что же выбрать в подарок? Он мучительно прикидывал и так, и этак, решительно ничего не получалось, подарок должен быть невероятным, особенным, совершенно особенным, но идея, приходящая в голову, через минуту казалась ему нелепой. И вдруг...

...Вдруг ему стало так тоскливо, что как-то сразу стали меркнуть и яркие витрины, и неоновая реклама, и украшенная новогодними огнями елка на площади перед магазином, и разноцветная карусель фонариков. Все потускнело и будто перестало существовать для него, потому что одна мысль, всего лишь одна мысль пришла ему в голову, но такая, что сразу праздник перестал быть праздником, а Новогодняя ночь Новогодней, превратившись в еще одну безнадежную и непроглядную, как все ночи за последний год, такой страшный в его и ее жизни. В его голове всплыли картинки прошлого Нового года, из той, теперь уже почти забытой, жизни, когда все было так хорошо и беззаботно. Марианна, в красивом платье, неизменный вкуснейший пирог, радостные счастливые лица... Все разделилось на прекрасное до, и страшное после. Красота, молодость, любовь и жизнь — до и болезнь, и смерть — после... И уже ничего нельзя изменить. Макс уже знал, что наступающий год — последний год в ее жизни, и именно это сейчас и пришло ему в голову. Он помнил ее другой. Она была у него красавица, высокая, статная, с копной густых темных волос, роскошными волнами спадающими на круглые плечи. Глаза... Таких глаз больше нет ни у кого, они такие теплые, и такие глубокие, эти два синих озера, в которых Макс тонул ежедневно и ежечасно. Просто даже описать ее красоту Макс не смог бы, потому что у него не хватило бы слов, он просто смотрел на нее и жил каждой черточкой ее лица и тела. Ему стало не по

себе оттого, что мысли о ней стали в прошедшем времени. Впрочем, у него было ощущение, что и сам он уже в прошедшем времени.

— Знаю! — он, наконец, оторвался от заворожившей его витрины. — Куплю ананас! Большой, с хвостиком, как она говорила... Она всегда любила ананасы!

Стало совсем уж тошно, вот тебе и необыкновенный подарок...Простой ананас...

...Макс шел быстрым шагом, стараясь успеть к бою курантов домой. Если она не спит, так хоть поздравит ее с наступившим годом, вложит в худую, почти прозрачную ладошку плитку шоколада, прильнет к исхудавшей щеке и шепнет в ухо: «С Новым годом, любимая...», — и протянет «хвостатый» ананас.

Он вздохнул. Его мечта о необыкновенности Новогодней ночи и подарка растаяла. Какие тут необыкновенности! Он уже знал, что, если боль отступит, то несколько минут у них будет, что скажет он ей в эти минуты? У него стали невольно в голове складываться строчки, он пожалел, что нет с собой карандаша или ручки, чтобы записать, все равно, пока дойдет, стихи рассыплются в голове, и он не сможет их собрать, чтобы прочесть ей.

...Визг тормозов заставил его вздрогнуть и обернуться. Белая тонированная «десятка» сбила мужчину. Он упал, по снегу покатались оранжевые апельсины. Но в Новогоднюю ночь повезло мужику, видимо водитель все же только зацепил его.

— Козел! Куда ты прешь под колеса?! — заорал упитанный, розово-щекий малый, открывая дверцу. — Живой?

Мужик барахтался в сугробе, силясь подняться.

— Урод... — дверца захлопнулась, и белая машина укатила.

Макс тоже было двинулся дальше. Но потом, еще раз обернувшись на упавшего, направился к нему. Будто что-то толкнуло его... Мужичок был средних лет, какой-то серенький, невзраченький очкарик, в довольно потрепанной одежонке. «Лох» — так бы его назвали в нынешнее время.

— Вам помочь? — Макс протянул ему руку и помог подняться. — Сильно ударились? Может, нужно в травмпункт?

— Нет-нет, благодарю вас, молодой человек, очень любезно было с вашей стороны уделить немного внимания моей скромной персоне...

Макс подал ему слетевшую шапку, помог отряхнуться и собрать раскатившиеся апельсины. Мужчина все говорил слова благодарности, да так интересно, такими словами, какими только в книгах пишут: «будьте

добры», «столь любезны», «весьма признателен», «премного вам обязан»... Макс усмехнулся.

— Пойдемте быстрее... Вам далеко? Без пяти двенадцать уже, опоздаем на Новый год...

— Ну что вы, молодой человек, на Новый год опоздать невозможно, так же как нельзя опоздать на жизнь. Ведь независимо от того, где мы находимся сейчас с вами, Новый год все равно наступит, и будет падать уже прошлогодний снег...

— Ну, да — и придется нам пить шампанское прямо здесь, на улице...

Мужик улыбнулся. Макс с удивлением отметил про себя, как поразительно изменилось его лицо. Будто озарилось этой улыбкой. Глаза заблестели каким-то лучистым светом, и что-то удивительно теплое растеклось в груди у Макса, впитывая эти непонятные флюиды. Появилось чувство, что он знал этого человека всю свою жизнь, и этот человек необыкновенно дорог ему.

— Послушайте, а давайте зайдём к нам, — Макс захотелось, чтобы в Новогоднюю ночь к ним зашел гость, ведь с тех пор, как Марианна слегла, порог их дома переступали, ну разве что, врачи со «Скорой», а в последние месяцы, как Макс научился сам колоть обезболивающие, так и вовсе визитеры стали редкостью.

— Вы действительно меня приглашаете, юноша? — мужчина сквозь стекла очков пристально посмотрел на Макса своими ясными серыми глазами.

— Конечно, раз судьба нас столкнула, это ж не спроста, кстати, вы не сильно ошиблись?

— Да нет, немного крылья помялись, да испугался чуть-чуть, больше от неожиданности... — он улыбнулся.

— Ну идемте, а то действительно к бою курантов опоздаем... А как вас зовут?

— Андрей Иванович... А как вас звать-величать?

— Я — Макс... Максим...

Они ускорили шаг.

Вошли в квартиру они как раз на последнем ударе курантов. На улице «забабахал» салют, веселились новые «хозяева жизни», впрочем, в этот момент веселились, пожалуй, и «слуги», разливая — кто по фужерам шампанское, кто — по стопарикам водку, кто-то, может, и «паленую», кто — по грязным стаканам самогон. Страна встречала Новый год. Макс вдруг похолодел. Он совсем не сказал своему новому зна-

кому о состоянии Марианны, и это могло его просто шокировать, и тогда станет неловко всем — и ему, и гостю, и главное — Марианне.

— Андрей Иванович... Я не сказал, извините, Марианна... она...она больна... у нее рак... — взволнованно зашептал Макс в ухо гостю.

— Не беспокойся, все в порядке, — Андрей Иванович легонько сжал руку Макс, — успокойтесь, друг мой... — и присел на предложенный стул.

Марианна глаз не открыла, видимо, спала. Макс склонился над ней.

— Любимая, просыпайся. Новый год пришел и хочет тебя видеть! Солнышко, проснись...

Но она не пошевелилась. Он не уловил ее дыхания, и Макс почувствовал, как холодеет что-то в сердце. Предательски задрожали руки.

— Господи, только не это!!! — Он схватил ее за руку, рука была теплой.

Облегченно вздохнув, Макс опустил, будто обессилев, рядом на постель.

— Уф-ф... Я испугался... — он не договорил, а лишь опустил голову.

Андрей Иванович молчал, оглядывая небольшую комнату, в которой оказался волею случая. Он поежился, будто от холода. Все внешне было весьма пристойно, комната была очень и очень скромная, но чистенькая, уютная, все на своих местах. Правда то, что на тумбочке лежало множество коробок с лекарствами, шприцы, какие-то пузырьки и рядом стояла инвалидная коляска, прикрытая пледом, всё это производило гнетущее впечатление. И еще запах... Даже сквозь новогодний запах мандаринов ощущался запах лежачего больного, и его не мог заглушить даже работающий очиститель воздуха.

Рядом с постелью небогато, но красиво был накрыт небольшой столик. В углу — наряжена маленькая елочка в ведре.

— Она живая, не срубленная, — поймав взгляд гостя, сказал Макс. — Садитесь ближе к столу... Угощайтесь... Я думаю, она очнется в скором времени... Давайте пока выпьем за знакомство... — Макс распечатал бутылку шампанского, но открыл ее тихо, только пошел дымок.

Они выпили по бокалу.

— Вы спешили домой, к семье... Ничего, что немного задержитесь?

— Ничего... А скажите, Максим, давно это с Марианной? Что говорят врачи?

— Полтора года... — Макс помолчал, — химия не помогает, говорят, поздно уже... Сначала было еще ничего, она могла сидеть, хоть в кресле, но двигаться, я гулял с ней, а теперь... теперь, да вы сами видите...

Он видел... Видел изможденное лицо неприятного землистого цвета, видел сбившуюся косынку, которой прикрывали облысевшую от химиотерапии голову, бескровные губы, искусанные видимо при приступах боли, видел худую шею, такую, про которую говорят «цып-лячья», он многое видел этот невыразительный, «серенький» человек.

Она неожиданно открыла глаза.

— Макс ты где? — голос ее был слабым и бесконечно усталым.

— Я здесь, здесь, Солнышко. — Макс склонился над ней. — С Новым годом, любимая! Как ты?

Она слабо улыбнулась.

— Хорошо...

— А у нас гости...

— Гости? — она даже сделала попытку приподнять голову. — Кто? Кто к нам пришел?

Макс замешкался, не зная, как представить гостя.

Андрей Иванович подошел к ней, протянул руку.

— Здравствуйте, Марианна! Вот я и зашел к вам...

Марианна взяла его руку двумя пальчиками, тоненькими, почти прозрачными, и пожала, насколько хватило ее слабых силенок.

— Я ждала вас, Ангел. Я знала, что вы придете...

Макс удивленно вскинул брови.

— Что? Я не понял...

— Это ангел... Понимаешь, Макс, я знаю... Я видела... Они среди нас... И вот ангел пришел!

Глаза Марианны, только минуту назад полные тоскливой боли, заблестели. Она жестом попросила Макса приподнять ей голову. Макс приподнял ей изголовье с помощью специального механизма, которым он оборудовал для нее постель.

Макс умоляюще посмотрел на Андрея Ивановича и больше всего боялся, что тот не поймет его взгляда, но он все понял.

— Да, конечно, вы правы, дорогая, я — ангел... И в эту Новогоднюю ночь я пришел сюда, чтобы исполнить любое ваше желание...

Марианна закрыла глаза, ее пальцы теребили край одеяла, а губы что-то шептали.

Макс не знал, что сказать. Картина была тягостной, но в то же время, он давно не видел Марианну такой оживленной. Наконец, она вновь посмотрела на них.

— Дорогой добрый Ангел, я загадала... Это не сон? Скажите, это действительно происходит в реальности?.. Макс, милый, я люблю тебя! — голос ее обычно тихий, будто шелестящий, зазвенел, как серебряный колокольчик. — Я загадала, чтобы ты был счастлив... Любимый, прости меня... — она вновь закрыла глаза, видимо силы оставили ее.

Макс сглотнул подступивший к горлу комок.

— Да, любимая, да... отдохни... — он расправил ей одеяло. — Я тоже тебя люблю...

Андрей Иванович легонько сжал его плечо.

— Простите, Максим, мне пора...

— Ах, да... — Макс подошел к столику, налил еще по бокалу. — С Новым годом, спасибо, что вы зашли...

— Ну что вы... Ее желание обязательно исполнится...

Макс взглянул ему прямо в глаза, но ничего не сказал. Выпил шампанское, гость также осушил свой бокал.

Уже у двери Макс сказал:

— Я не смогу быть счастлив без нее...

— Вы молоды, юноша... У вас еще все будет...

Макс прервал его:

— Прощайте... Будьте счастливы и будьте здоровы, и больше не попадайте под машины, это однажды может плохо кончиться...

— Действительно, — Андрей Иванович улыбнулся, протянул Макс руку. — Прощайте, Максим... Все будет хорошо, ее желание обязательно исполнится...

Макс поморщился, но ничего на это не сказал, просто закрыл за гостем дверь. Он не знал, да и не мог знать, что по лестнице в замызганном подъезде вниз стал спускаться ангел. Настоящий. Новый год наступил, и ему пришла пора возвращаться. Они не встретятся больше никогда, и Макс не сможет ему рассказать, что Марианна поправилась, не сразу, конечно, но она встала, она вернулась к жизни, она с ним, и он... он... счастлив! Он не сможет всего этого рассказать, да и зачем, ведь ангел и так это знает.

Ирина МЕРНЕНКО

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Жертва страсти

У Бэллы Захаровны дряблая кожа, беззубый рот и выцветшие, слегка навывкате глаза. На ее безбровом лице странно, неуместно выглядит редкая улыбка — как предложение поплясать на похоронах. Да нечего особо ей улыбаться — сын повесился, мужа она выгнала. «Соски» — цедит она сквозь зубы, проходя мимо стайки школьниц из соседней гимназии: тонконогих, смешных, невинных, пережидających в подъезде скучный урок. «Сволочи» — аттестует она новых соседей. Прохожие жмутся к обочине, когда выходит на прогулку старуха с большим, украшенным струпьями длинноногим псом. Никаких-то подарков ей жизнь не оставила. И люди ей все сплошь попадались некультурные, пьющие, жадные — а какие еще могут жить в коммунальной квартире, где уже тридцать лет стережет она «порядок» — упорядоченный коммунальный мрак — оборванные обои, осыпаящуюся штукатурку, коллекции коробок в углах, лианы старых, никуда не ведущих проводов.

Сурово пресекает она все попытки разобрать старый хлам. Нечего из себя хозяев строить — здесь, в квартире коммунальной, это не положено. Здесь требуется аскетизм казармы, пересылочного пункта, заселенного беженцами, которым родина за давностью скитальства не является даже во сне. Здесь надо красить стены в кухне темно-синей краской, а в ванной — темно-зеленой. И никаких люстр, плафонов. Жалостно свисающие закопченные лампочки красноречивее всего расскажут о внутреннем сиротстве своих хозяев. И чинить туалет тоже не положено — пусть это делает государство. И пусть оно, кстати, сделает ремонт в ее комнате — там его уже лет сорок не было. Что, не сделает? Так Бэлла Захаровна будет жить с коричневым потолком и рваными обоями. Назло. Как миссионер среди язычников, она метит своими вещами все коммунальное пространство. Она охотно обживает мебель, брошенную прежними жильцами, бежавшими от ее соседства. Громоздок и неудобен «ждановский» шкаф с разбитым зеркалом, весь забитый пустыми банками — участниками будущих осенних заготовок. Он живет в квартире с доблокадных времен, мешая входить и выходить поколениям жильцов. Серванты в ее комнате

давно лишились стекол. Стыдливо прикрывает занавесочка не выставку хрустальных резных лодочек и конфетниц, не фарфоровых слоников-погодков, а пустую коробку от торта «Мозаика» и несколько граненых стаканов. Занавесочки, коврики, тряпочки закрывают от соседского сглаза тайны ее сусеков. Горе тому, кто покусится на пространство, помеченное гарпией. Широко, вольно открывается тогда беззубый рот, и грозно целятся на врага два желтых клыка, и несется из него громкая нецензурная брань.

Почему так, Бэлла Захаровна?

Отец ее был замполитом, из крестьян, но начитанный. Старшую дочку назвал Венерой, младшую (Лермонтова любил) — Бэллой, маленько приукрасив удвоенной «л». Хорошо училась девочка, техникум торговый закончила с красным дипломом, потом институт в Москве, поехала в Ленинград. Своего жилья не было, снимала угол комнаты за 15 рублей у хозяйки на Куйбышева, и высмотрел ее на пляже Петропавловки молодой инженер. Так, ничего особенного, но с комнатой. Ушел потом от нее, на квартиру позарился — да и скатертью дорожка. Сшила себе из павловопосадских платков юбку, как красиво облегла она тонкую талию — прохожие засматривались, когда катила впереди колясочку с маленьким сыном. Была тогда Бэлла Захаровна веселая, любила «представлять из себя». На работе уважали, карьера была хорошая — главный товаровед.

Ухаживал за нею один веселый легкий человек, Иваном звали, даже спрашивал у сына, можно ли на маме жениться. Ходил всегда представительный, с дипломатом, а там — то бутылочка вина, то коньячок. Приемник подарил хороший. И пропал куда-то. Потом вызывали в милицию, просили дать показания — Иван оказался вором, приемник — ворованным. Но Иван к тому времени уже был забыт — уже судьба приготовила Бэлле Захаровне губительную, роковую встречу.

Нарисовался к тому времени Бэлле Захаровне, в сорок лет почти, образ молодца — широкоплечего, статного, русоволосого. И пропала сильная самостоятельная женщина, главный товаровед хозторга. И через горнило страсти пошла другая — рабочая мясокомбината, продавщица овощного ларька, пьянчужка на 15 суток. И сына отдала в жертву этой страсти невозможной. И все терпела Бэлла Захаровна от своего суженого, годящегося ей почти в сыновья. Только бы пришел. А что не одна она у него — так хорош больно.

И через четверть века добилась-таки своего Бэлла Захаровна — женился на ней суженый, да только ни радости, ни удовлетворения ей

это не принесло. Пораньше бы. А сейчас нет у Бэллы Захаровны с ним духовной близости, да и только...

А с кем была? Была близость, была радость, но и его уж нет на свете. Нету задушевного Бэллы Захаровны друга Лени — философа, театралы. Не мог Леня по бедности закончить университет, так и ушел с 4 курса. Сколько знал стихов, как красиво смотрелась папироса в худых, длинных пальцах — он был похож на Смоктуновского, этот дворник с 5-той Советской. Переписывал для Бэллы Захаровны стихи графа Толстого, про волков ей нравилось особенно:

*Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.*

Ждал ее прихода в своей полуподвальной каморке. Жаль, что вы опоздали, Бэлла Захаровна, когда сползая на пол, хватая воздух ртом, он просил пить, пить — обжегся Леня то ли «зеленкой», то ли «Красной шапочкой». А соседка — пьяница бабка Нинон поленилась дойти до автомата и вызвать «Скорую», а Леня ей, между прочим, всегда вызывал. Жаль Леню, все его любили — соседи, бабульки-билетерши, профессор из лечебницы психиатрической, где он лежал, часами, говорят, с ним беседовал. Культурный был человек, интеллигентный, хотя из очень простой бедной семьи. Из Карелии.

Не с кем больше Бэлле Захаровне пройти по Преображенской, по Пантелеймоновской, по Моховой да к Симеоновской. Не с кем погулять по Камероновой галерее, у большого каприса. Нету людей во круг, одни хапуги, сволочи новорусские.

Но грезится, грезится Бэлле Захаровне золотой век — дооктябрьский Петербург. В теплом предвечернем свете является прошлое. Красивые дома порядочно содержали рачительные хозяева, благодушные дворники поминутно стряхивали пыль с ковровых дорожек, которыми были устланы все лестницы. Все имели отдельное жилье. Даже бедный студент мог снять скромную двухкомнатную квартиру. На мраморных прилавках магазинов влажно поблескивали под светом хрустальных люстр балыки, нежно рдели сонмы ароматных колбас. Услужливы, предупредительны накрахмаленные приказчики. Стены отделаны золотом. Везде уважение к человеку, не то, что сейчас.

Понять, откуда почерпнула Бэлла Захаровна такие представления о прошлом, невозможно. Виноваты ли плоды деменции — мемуары эмигранта, вывезенного в малолетнем возрасте через Ригу, Константинополь, или то была ее богатая фантазия? Прапамять отменяется — что, кроме мазанок, степей, угольной ночной темноты может помнить дочка малороссийского крестьянина? Чем дальше в прошлое, тем резче для Бэллы Захаровны реальность меняет полюс, от выщербленных и обоссанных лестниц с выбитыми стеклами, от маскирующихся под магазины прокуренных подвалов, торгующих обветренной ливерной колбасой, к вкусным сосискам 60-х, к настоящим конфетам и выше — к справедливому дореволюционному миропорядку.

— Бэлла Захаровна, вы меня извините, но почему вы думаете, что в девятнадцатом веке жили бы лучше, чем сейчас?

Она резко отворачивается и бросает грубым прокуренным голосом, быстро выходя из кухни:

— Книги читать надо, тогда бы и поняла.

Полноте, Бэлла Захаровна, я искала, честно, вас нет у Достоевского, у Гарина-Михайловского, у Крестовского... Я нашла вас только у Елены Гуро, но вряд ли это то, о чем мечталось. «На краю города жила мать, у которой умер сын. И она тосковала, и все вещи для нее почти умерли. Волосы у нее были некрасивы, как бывают у одиноких женщин, и на окне у нее стоял некрасивый, растрепанный полувысохший цветок. Приходившие люди смеялись над нею и над уродливым ее жалким растением... И еще у нее была кошка — тоже полупаршивая и уродливая, и грязная, и она мучилась ею, но тоже не отказывалась от нее до конца». Кошку Бэлла Захаровна выманила с черной лестницы — разложила по коридору оттаявшие кусочки чека, открыла дверь и попалась хроменькая, кособокая кошечка, забилась в коробку, так и живет. «У кота от лени и тепла разошлись ушки, разъехались бархатные усики». А цветок она по графику поливала настоем пепла от сигарет «Петр1», но он все равно чах.

Так, получается, в милом сердце дореволюционном Петербурге вы жили так же, как и сейчас. Может быть, потому что вы — уже персонаж, и город, испытывая вас коммунальной жизнью, одиночеством, «Агдамом», крепленным «Ркацители», принял и дал вам место в своей книге, и недалек тот день, когда высохшая пергаментная плоть, превращенная в пепел, смешается с его скудной землицей вместе с большевистским и проклятым названием «Жертв 9-го Января». Обухово, конечно, не Волково, не Смоленское, но все же и не Парголово. Так что и для посмертного тщеславия есть основания перед многими, кто —

на Южном, на Северном, и это загробное единение с Городом станет кульминацией вашей бесприютной жизни, вы станете, наконец, петербурженкой. Город примет вас в себя, и микроны вашего пепла разнесутся знакомым пронзительным ветром и долетят, как роза ляжет, через Рождественскую к Литейной...

Почему вы злая, Бэлла Захаровна? Советскую власть все ругаете. Не можете простить, зачем набережную кровавым именем Робеспьера назвала. А почему? Разве не она дала вам жилье — только страх парткома заставил вашего любовника жениться на вас, беременной. Разве не она сквозь пальцы смотрела, как вы воровали на ее комбинате мясо, продавали по три рубля килограмм соседке по двору, а на вырученные деньги покупали «Розовое крепкое» и «72-й», и конфеты фабрики Крупской? Как обсчитывали покупателей в овощном ларьке на Суворовском? А вы воруете у нее электричество — пленочку в счетчик вставили, чтоб не мотал почем зря, антисоветское радио «Свобода» все время слушаете, хотя, и приемник у вас старый, ничего не слышно почти. Разве советская власть виновата, что жизнь так нехороша вышла, русоволосый красавец полинял, растерял зубы, а от пухлогубого вихрастого Костика осталась только маленькая фотография на засаленной записной книжке?

А знаете, Бэлла Захаровна, вы мне, пожалуй, нравитесь. Нравится ваше упрямство, ваша одержимость. У вас совсем нет знакомых, вам месяцами никто не звонит. Но вы не сдаетесь, все также громко ваш хриплый голос, все так же лихо ворочаете вы соседские столы, нечаянно задевшие вашу территорию, — ожесточенная, несгибаемая, безумная, вы отважно смотрите в лицо негодяйке-жизни в своем болотного цвета фетре, с отвисшей нижней губой.

Бедная Бэлла Захаровна! Почивайте с миром на волнах вашего любимого радио «Свобода», на его правдивых хрипящих волнах, уносящих вашу душу к истине, которая, получается, суть не гармония и красота, а калечная грязная собака с соседних Прудков.

Я знаю, что случится жарким августовским вечером. «Скорая» увезет вас из пыльной, накаленной за день комнаты. Из Мариинской вы уже не вернетесь. На следующий день после вашей смерти соседи выкинут и ваш ждановский шкаф, и коллекцию банок, не дождавшихся консерваций, и комодик. И шкафчик ваш перевесят. И график дежурства отменят. И уже через неделю почти ничего не напомним о вашем тридцатилетнем господстве в квартире. *Sit transit Gloria... Communalis?*

Ксения ЗАИЮЛЬЕВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Последний путь к свету

«Без воздуха человек может прожить несколько минут, без воды — несколько дней, без еды — около месяца, а без любви — всю жизнь. И никто вам не сможет ответить на вопрос, что же из этого хуже всего. Но одно я вам скажу точно — это то, что лучше всего, — любовь и дружба. Они наполняют жизнь человека смыслом, они побеждают одиночество, грусть и печаль. Достаточно просто обнять своего друга — и любой страх отступит. В этом волшебная сила любви, в этом магия дружбы! Помните об этом! Ну-ка, Зося, давай-ка, покажем, как нужно обниматься!» — закончил свою речь Генрик Гольшмидт и обнял маленькую Зосю. Со всех сторон, перепрыгивая через столы и стулья, к ним подлетели остальные дети, и через пару минут все они, обнявшись, образовали плотную смеющуюся «кучу-малу» вокруг любимого пана Директора, чувствуя себя большой и счастливой семьей.

Тяжелая дверь закрылась и перерезала последнюю ниточку, связывавшую с внешним миром. Они оказались заперты в полумраке прохладного серого помещения. Мысли Генрика неслись стремительным бесконечным потоком. Это была старая привычка преподавателя, всегда готового к поиску простых ответов на самые сложные и каверзные вопросы. Но сейчас новые «почему и зачем» были для него самым мучительным испытанием. Преступников наказывают за их злодеяния и зверства, солдаты идут служить и погибают за любимых и родных, за Родину и за свой народ. Почему должны страдать дети? За то, что кто-то из них станет солдатом? За то, что будет матерью?..

Генрик закрыл глаза...

— Ты можешь не ехать... Мы сделаем тебе фальшивые документы... и спрячем... — предложил ему старый приятель.

— А двести детей тоже спрячете?

— Нет.

— Вот и меня не надо!

Лицо Генрика Гольшмидта исказила болезненная судорога. Огромный ком в горле парализовал его. Мысли путались, перескакивали, воспоминания хаотично мелькали перед глазами...

Дети из Дома сирот вышли на привокзальную площадь стройной колонной, как обычно, по четыре человека в ряду: дружно и торжественно, со знаменем в руках. Со знаменем своего дома — Дома Сирот — зеленого цвета, с золотистым клевером. Дети шли без суеты за своим капитаном, паном Директором. Он был с ними — значит, всё будет хорошо. Ведь пан Директор может всё! Это они знали. Поэтому они спокойно, нога в ногу, прошеествовали к поезду и спокойно сели в вагоны.

Дышать становилось труднее, сердце сжималось, острая боль жалом засела в нём... Когда-то, покидая Дом Сирот, один мальчишка сказал: «Если бы не этот Дом, я бы так и не узнал, что на свете есть честные люди, которые не врут и не оставят в беде...». Слезы застилали глаза Генрика, и в полумраке бетонной коробки он жадно всматривался в измученные лица своих детей, боясь кого-то пропустить или не заметить. Справа, рядом с ним, стоял мертвенно бледный Шидловский, веселый и подвижный мальчик. Он любил задавать доктору море разных вопросов. В мальчике кипело невероятное стремление познавать, огромное желание жить... Рядом с Шидловским была Зося, захлебываясь от слез и тяжело дыша открытым маленьким ртом. Добрая, ласковая, милая Зося! Каждый день она что-нибудь дарила любимому господину Учителю, украдкой подобравшись, с таинственным и многообещающим выражением лица. А слева от Генрика стоял, запрокинув голову и теряя сознание, Владек, нежный и болезненный ребенок. Как-то, борясь за жизнь мальчика, он проводил ночи у его постели. Простуда вылилась в сильный жар и, казалось, что ребенок больше не встанет. Были минуты, когда в борьбе за жизнь, в приступе беспомощности он молил Бога, чтобы болезнь отступила или перекинулась на него, уже прожившего жизнь человека, не терзала мальчишку, не мучила и не истязала его. А прямо перед ним — разбойник Ясек Плевак. Ему достаточно было показать палец, чтобы услышать громкий залиvistый смех. Он умеет искусно закидывать ногу за голову, дальше всех плюётся и ловчее всех ловит ртом хлебный мякиш. А вон там ещё милые, добрые, трогательные Туркевич, Бадловский, Шмидт, Градовский, а ещё Турман, Фриденсон, Чарницкий, Разовский... Жало жгло сердце все сильнее и, разрастаясь, мешало ему биться. Он прожил с ними жизнь, но спасти не мог. Неожиданно он почувствовал нежные хрупкие объятия детских рук — справа, слева, сзади, спереди. Дети обнимали своего господина Учителя и друг друга, трепетно прижимаясь своими хрупкими, исхудавшими от голода тельцами.

Доктор терял ощущение собственного тела, ему казалось, что он проваливается в другое измерение, где нет ни боли, ни голода, ни слез, ни войны, ни смерти. Где заходит солнце, и в лицо дует теплый ветер, где багряно-красное небо отражается на лицах детей, где рождается последняя сказка, про последний закат. И тут он услышал родной звонкий и радостный голос своего Шидловского.

— А может, встанем парами и отправимся в последний путь?

— Куда, мой дорогой?

— К свету, пан Директор.

* * *

В Польше никто не мог поверить в смерть детей и в смерть известного на всю страну доктора Генрика Гольшмидта, а на весь мир — писателя Януша Корчака. «Нет, ну что вы!!! Этого просто не может быть! Они живы, живы, живы... — говорили люди, — и Старый Доктор, и все его дети. Живы! Смерть отступила! Они спаслись...»

А на стенах одного из барачков концлагеря Треблинка был детский рисунок — замалеванный белым мелом клевер в коряво очерченном прямоугольнике, а под ним человек в очках и с бородой, которого окружала толпа маленьких и больших детей. Но и это было уничтожено.

Юмор, ирония, сатира

Александр ГАБРИЭЛЬ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Человек со странностями

Инертный к проходимцам и занудам,
терпим я к тем, кто любит кутежи,
и к тем, кто ежедневным занят блудом,
и к тем, кто дня не выдержит без лжи.
Готов терпеть сбивающихся в стаю,
орущих в чьи-то спины «у-лю-лю!»...
Я жадных не люблю, но понимаю.
Скромняг не понимаю, но терплю.
Не проклиная тех, кто у кормила
(и в их числе придурков и воров).
Не осуждаю даже некрофилов —
они больны. А кто сейчас здоров?!
Но будучи натурой культурной,
я люто ненавижу много лет
тех, кто бросает мусор мимо урны
и тех, кто, уходя, не гасит свет.

Ударения

У нас с тобой не то, что было встарь.
Любовь ушла, настало время прений.
Ты говоришь: «УгЛУбить». «КиновАрь».
Как больно. Ты не знаешь ударений.

Меж нами истончилась счастья нить;
былого не вернуть, как ни пытайся...
Я «дОговор» ещё могу простить,
но в горле ком от слова «ходатАйство».

Не говори, что это лишь слова.
Ведь люди мы. И не пришли со свалок.

От слова «квАргал» я дышу едва,
и убивает начисто «катАлог».

Я мог бы, видно, стать и глух, и нем,
и притворяться долго и умело...
Я в целом терпеливый, но зачем,
скажи, зачем ты забеременЕла?!

Не снится

Не снятся мне ни Минск, ни Рим, ни Ницца,
ни Царское Село, ни Тюильри.
Мне совершенно ничего не снится.
Мне ничего не снится, хоть умри.
Не снятся мне враги, друзья, соседи,
локальные бои Добра и Зла.
Не снятся мне закаты цвета меди
(с восходами такие же дела).
Не снится запах «докторской» и рома,
в доме отцовском — кухня да чулан,
совсем не снится рокот космодрома,
зеленая трава и прочий план.
Не снятся папарацци мне и наци,
не зрю во сне работу и родню...
Мне совершенно женщины не снятся.
Ей-богу. Ни одетые, ни ню.
Ужель настолько чуждо мне людское,
что в жизни никогда, едрёна мать,
я с возгласом: «Приснится же такое!»
не намочу от ужаса кровать?!
Ни пьянка, ни служение Отчизне
не снятся ни подробно, ни слегка....

И если сон есть отраженье жизни,
то значит, жизни не было пока.

Наталья РЕЗНИК

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Женское эротическое

Готовим, гладим, вяжем, шьем,
Но все напрасный труд.
Мы почему-то им даем.
Они же нас берут.

«Где унижения края?»
Шепча в ночную тьму,
Решила: буду я не я,
Но я сама возьму!

Брала, брала до искр из глаз,
С ладонями в поту.
Брала за каждую из нас,
За общую мечту.

В конце, ночам утратив счет,
Затихла на краю.
И слышу: «Ну, давай еще!»
... Теперь опять даю.

Склероз

Я помню: все чего-то ищут.
Не победил меня склероз.
Врач-дерматолог ищет прыщик,
Врач-лор разыскивает нос.

Развратник ищет гонорею,
Суворов — крепость Измаил.
А русский — в поисках еврея,
Который бы его споил.
Емеля вдруг отыщет шуку.
Военкомат найдет дурак.

И лишь одно в ужасных муках
Припомнить не могу никак.

Не вспомнить. Хоть бери уроки,
Хоть колотись об стенку лбом.
Что ищет парус одинокий
В тумане моря голубом?

Осень

Осень выплюнет снежком
Пережеванное лето.
Ты — в автобус? Я — пешком.
Мы — бродячие поэты!

Сырость чувствуя щекой,
Дефилирую по лужам.
Нам, поэтам, вот такой,
Непрогретый, воздух нужен.

Град раскрошенным стеклом
Брызнет в темя с небосвода.
Нам, поэтам, поделом.
Нет у нас плохой погоды.

Передохли комары.
Голы веточки на дубе.
Нет унылее поры.
Это мы, поэты, любим.

Обожаю тусклый свет
И осенние хворобы.
В этом смысле я поэт!
Сочинить еще чего бы...

Катя ЧЕКОВСКА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Жертва за талисман

Если бежать на троллейбусную остановку через запасную дверь в подъезде, то можно встретиться с троллейбусом через двадцать восемь минут после будильника.

Раньше — никак. Я пробовала. Позже — сколько угодно, но раньше невозможно. Если не считать явления на остановку в пижаме.

«Импоссибл. Анмеглих. Невозможно и так далее», — что на языках мира звучит следующая мысль: «Очнуться, вспомнить свои имяфамилиюотчество, посетить гигиенические комнаты, одеться во вчерашнюю одежду, не забыть мобильный телефон, не встретиться в дверях с бабушкой, не споткнуться об английского бульдога Боба и влететь в троллейбус невозможно раньше, чем через двадцать восемь минут после пробуждения. Точка. Дер пункт. Чемпионата мира на этом маршруте не проводилось, поэтому свой результат предлагаю считать непобитым рекордом. Достойным книги Гиннеса».

Запасная дверь в сталинских домах используется нечасто и отличается от парадной двери меньшими размерами и небольшим количеством пользователей.

Я отношусь к их числу, особенно по утрам, когда исполняю рекордный кросс. Путь до остановки через парадную длиннее, поэтому утром мной не используется. Через нее я возвращаюсь.

Пробегая под дверным косяком запасного выхода, я бьюсь об него лбом. Чаще боюсь, чем не боюсь. Потому что:

- он (косяк) низкий, а я высокая;
- я спешу и наклоняться мне некогда;
- учиться на своих ошибках меня так и не научили (это бабушкина версия, как и следующие три);
- моим мозгам легкий удар не повредит;
- до свадьбы заживет, потому что скоро меня никто не возьмет;
- всем некогда повесить фонарь и отпилить косяк.

Получив удар в лоб, я бегу на троллейбус и только в его салоне тру ушибленное место. Меня поддержат профессионалы и любители спорта

в том, что во время забега лишнее движение снижает конечный результат. А для меня он важнее, чем синяк на лбу. Мне нужно успеть, а детали успеха — потом.

Встреча с косяком стала частью жизни. Ее вступительным ритуалом и рабочим моментом. Она помогает мне жить. Утренний щелчок по лбу включился в ежедневную цепочку удач-неудач — превращений — созерцаний — попыток перевернуть мир или, хотя бы, собственные убеждения. Если мир не переворачивается, то я готова перевернуться сама, чтобы он повернулся ко мне лицом, а не... Но сейчас не об этом.

Я не имею в виду легкое сотрясение мозга, заставляющее мозг работать на повышенных оборотах. Я говорю о ритуале, участвующем в моей жизни в качестве талисмана.

Приложившись к косяку, я уверенно встречаю новый день.

Касание талисмана — распространенный ритуал. В Москве на станции метро «Площадь революции» живут бронзовые скульптуры. К ним стремятся люди. У собаки, сидящей у ног пограничника, нос блестит от частого касания руками. Нос лоснится от теплых прикосновений. Касание приносит удачу. Студенты «бауманки» знают это наверняка. Говорят, что перед экзаменационной сессией к носу собаки выстраивается очередь.

Меня не пугают атмосферные катаклизмы, экономические кризисы, непрозрачные технологии прозрачных выборов и климактерические нововведения начальницы. Я встречаю день с гордо сияющим синяком, трудовым энтузиазмом и надеждой на лучшее. Надежда во мне живет. Удар об косяк заставляет ее взбодриться.

Как правило, мои надежды сбываются. Погода подстраивается под одежду. Зонт отпугивает дождь. А резиновые сапоги высушивают лужи.

Падение рубля не успевает перегнать таяние денег на карточке.

Начальница забывает о поручениях раньше, чем я вызываюсь их выполнить.

Жизнь идет своим чередом, иногда обгоняя или не замечая меня. Но я ею довольна и успешна в собственных глазах. А это главное.

Но однажды, стартовав точно по времени, я пролетела запасную дверь без встречи с талисманом. Миновав дверной проем без торможения, я побила собственный рекорд и появилась на остановке раньше троллейбуса.

Казалось бы, что такого? Зашла в вагон, красиво поддерживая подол юбки, а, не растирая ушибленное место. В остальном все осталось без перемен. Трагедии не произошло. Троллейбус не сошел с рельс. Тем более что на них он и не стоял.

Свыше было задумано, что мой рекорд должен остаться непобитым. Нельзя прибегать раньше, чем за двадцать восемь минут. Нельзя никогда.

Дело оказалось в другом. На то и созданы талисманы, чтобы благословлять, напутствовать, отводить порчу и сопутствовать удаче. Люди, имеющие талисманы, взваливают на них значительный багаж душевных переживаний. Поделив с талисманом ответственность за происходящее, человек живет спокойно. Смотрит уверенно в завтрашний день.

Так было и со мной. Принеся в жертву неудачам свой лоб, я становилась неуязвимой. Может, какие-нибудь язвы меня и достанут, но генерально вмешаться в мой жизненный план они не смогут.

С талисманом я была уверенным человеком и планировала стать директором планеты. Или исполняющей обязанности заведующей Солнечной системой. На меньшее я не претендовала. Зачем просить то, что у меня уже есть?

И тут такая засада. Ремонт старого просевшего косяка выбил почву из-под ног. Он лишил меня иммунитета, каким наделен человек с талисманом.

Маленький или большой, дорогой или дешевый. Подходит любой талисман. Главное, что он дорог сердцу. Или, как в моем случае, — лбу.

В троллейбус я вошла понурая и растерянная.

Рабочий день прошел также без энтузиазма и присущего мне задора. Хотя, внешне все происходило как обычно. Начальница раздавала поручения. Поручения делились на обязательные к исполнению или подлежащие забвению. Внешнее движение сохранялось. А внутреннее остановилось. День потерял оптимизм и далеко зовущий смысл.

Я неожиданно подумала, что должность исполняющей обязанности заведующей Солнечной системой для меня великовата. Можно остаться ведущим документоведом управляющей компании. Я не амбициозна и смогу ведать документами до старости. Старости моей и документов. Наша старость подкрадется незаметно. Может, уже выдвигаться. Наверняка, она уже не за горами, а топчется поблизости.

Вечером бабушка радостно объявила, что это она пригласила мастера. Он прибил косяк на место. Я сдержанно поблагодарила ее за заботу и пошла в свою комнату.

Ночью мне снился сон, как заведующая Солнечной системой просит начальницу управляющей компанией отпустить меня в главный офис Солнечной системы для обмена опытом. Но начальница возражает. Она не может отпустить ценного сотрудника. Лучше меня в офисе никто не заваривает кофе. Найти замену мне пока невозможно.

Потекли дни за днями. Я по прежнему лучше всех варила кофе. Резиновые сапоги одевала в сухую погоду, а зонт захватывала в солнечную. Потерявший смысл рекорд продолжал лежать на душе немым укором. Устанавливать новые рекорды не хотелось. Энтузиазм пропал также, как и далеко зовущие цели.

Однажды ситуация поменялась. Мой ангел-хранитель, или кто-то другой, ответственный за раздачу талисманов, заметил унылый вид и пожалился надо мной. Тем более что талисманы я выбираю нехитрые и общедоступные.

Явившись в офис управляющей компании, я врезалась лбом в новые стеклянные межкомнатные двери. На звон антивандального стекла и треск закаленного лба выскочила начальница. Убедившись, что дверь не пострадала, она произнесла:

— Разобьешь стекло, его стоимость вычту из твоей зарплаты.

«Угу», — подумала я и прикинула, что расплачиваться за такое стекло буду ближайšie лет пятнадцать-двадцать.

Лоб привычно заныл. Он узнал условный сигнал и принял его как руководство к действию.

День закрутился в привычном ритме, жизнь забила ключом.

Я подумала, что, пожалуй, буду претендовать на должность исполняющей обязанности заведующей Солнечной системой. У нее заработная плата, наверняка, повыше, чем у ведущего документоведа. Если что, я смогу расплатиться за разбитое стекло быстрее.

Ради талисмана я готова пойти на жертвы. Лишь бы он меня не оставил.

Илья РУБИНШТЕЙН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Реклама лезвий для бритвы

В щетину рожа разодета,
Соседи думают: «Запил...»,
А я трезвее президента
И всех вооруженных сил.

Им невдомёк, что я в запаре,
Душой и физикой здоров,
Десятый день пишу сценарий
Из жизни честных мусоров.

И убеждаюсь на примере
На личном — как чудесна жисть!
В ментовку нужно просто верить
И это поднимает ввысь!

Но вот, не выходя из ража,
Рванул купить «девятый» «Кент»...
— Мужчина, стойте!
— Я?
— Не я жа!
— Стою.
— Предъявьте документ!
— Сержант, так это... Дом же — вот он!
Я лишь за куревом в лабаз...
А он — в щетину апперкотом
И в «воронок». И полный газ...

Неделю личность «пробивали»,
Там не катило «поскорей»,
Три раза в сутки убивали,
Цепляли «мокрых глухарей»...

И всё же на родной порог я
Вернулся цел, но повредим,
Пускай без прежнего здоровья,
Зато, как прежде — не судим...

И обуян возмездья жаждой,
Я было мстить уже хотел,
Ведь есть давно в газете каждой
Архив ментовских сучьих дел

Однако вспомнил, что задача
Творца — лишь ввысь и только ввысь,
И стыдно, даже что-то знача,
Над почкой битую трястись

Я поостыл. Смольнул чинарик,
Пописал кровью и т. д.
Ну а потом «добил» сценарий
О трудных буднях МВД

Клеймить ментовку некрасиво,
Шараша тень на их плетень.
Не надо заводить архива.
Вот бриться — НАДО.
Каждый день.

Лилия СКЛЯР

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Вариации на Некрасовские мотивы (не Н. Коржавин)

Конечно, я сильна, я работающая,
понадобится — тормозну коня,
я в избу, не моргнув, войду горящую
и невредимой выйду из огня,

тяну упряжку, как лошадка юная,
и борозду пашу, как крепкий бык,
моя система так сильна иммунная,
что с зависти помрёт любой мужик.

Я — пахарь, я — искусница, умелица,
я — грузчик и носильщик, и шофёр,
кручусь весь день и молочу, как мельница:
то щи варю, то выметаю сор.

Быть слабою и хрупкою мне — по сердцу,
но обстоятельства пока что не велят:
то кони необузданные носятся,
то избы синим пламенем горят.

Приключение на «Ж»

Прочитала книжку новую,
Просто шок, ну нету слов,
Написал, как статью здоровою
В ней Порфирий Иванов:
Закаляться надо тщательно,
Окунаться в водоём,
А ещё ходить желателью
По морозу босиком.
Иванова наставления
Я на веру приняла

И с утра оздоровление
Обливанием начала.
От воды холодной красная,
Жар от тела так и прёт,
Применить решила сразу я
В деле комплексный подход.

Съёжились на крышах голуби,
Видно холодно уже.
Я пошла купаться в проруби,
Остудить немного «ж»,
На глазах народа местного
С головой ушла под лёд,
Коль помру, так хоть известною,
А не помру, так хворь пройдёт.

Серой шейкой в лунке маленькой
Проторчала пять минут,
Пусть теперь зеваки в валенках
Все от зависти помрут.
Ой, предупреждали голуби,
Слишком холодно уже,
Скрючило мне ноги в проруби
Чуть не отвалилась «ж».

Зря выпендривалась видно я,
Год таскаюсь по врачам,
До чего теперь обидно мне,
Просто вам не передам.
Да замолчите, что ли, голуби,
Тошно слушать вас уже
Ой, нашла я, дура, в проруби
Приключение на «ж».

Игорь ШКЛЯР

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Девичьи фантазии

Когда б владел я целым миром...

Гаврила Державин

Когда б владел я целым миром
(а правильной сказать — владела),
никто в огромном этом мире
фантазии б не знал предела!

Летали б в небесах трамваи,
росли бы на деревьях булки,
на маньяков бы нападали
девицы в темных закоулках!

В стрелка мишень стреляла б в тире,
Рокфеллер щеголял в обносках,
и Путина в его сортире
мочил бы молча Ходорковский!

Осел бы пел «Кармен» в Ла Скала,
из мух варили бы варенье,
лишь я б по-прежнему писала
свои бессмертные творенья!

Ф. К.

Никого не будет в доме

Борис Пастернак

Никого не будет в доме
ни сейчас, ни через год.
Так уж этот дом устроен,
что никто в нем не живет.

Широко раскрыты окна,
двери настежь — заходи.
Дом, похоже, богом проклят,
и гостей ты здесь не жди.

Тишина иль катаклизмы,
перестройка иль застой —
нет следов малейших мысли
в голове твоей пустой!

Мир велик и многопланов:
живность тянет на корма,
но привольней тараканам
там, где нет совсем ума!

О природе творчества

Кипит, бурлит в сосуде, на волю рвется пар,
скользит по тонкой трубке божественный нектар!

Течет бесшумно время, стирая камни в пыль.
О Бог! Ты есть на небе! Полна моя бутылка!

Любовно, нежно, пылко к груди ее прижму,
ступая невесомо, в светелку подниму.

Там, затворивши двери, стакан наполню свой...
Под огурец соленый за ним пойдет второй...

И муза сладострастная придет на зов души...
Вот почему стихи мои так дивно хороши!

А если это любовь?

Ты не можешь считаться моим идеалом,
у меня есть получше, ну просто навалом.
Все ко мне так и льнут, ласки ловят мгновенья,
и моей лишь руки ждут они мановенья.

Их не меньше десятка — и черных, и белых,
пара желтых, под цвет сочных груш переспелых.
Все мечтают дотронуться до моих ног.
Нет, не ты мой кумир, старый грязный носок!

Мария РУБИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Я с ней встречался сорок дней.
Я был хирург. (Уже немало!)
Она ж была меня умней
и этим страшно доставала.
Всегда всё знала обо всём,
метала ядра, в хоре пела,
и даже о стихах Басё
она понятие имела.
Имела пояс по борьбе
и перспективную работу.
А я казался сам себе
тупым бездарным идиотом.
Но сорок дней прошло, и я
в сердцах подумал: «Мamma mia,
Ведь пропадает жизнь моя...»
И сделал ей лоботомию.
Летят недели к январю,
уже гнездо мы с нею свили.
Я каждый день ей говорю:
«Как ты прекрасна без извилин!»

* * *

С лицом измученным и серым,
на белой смятой простыне,
как жертва бешеной холеры,
лежит коленками к стене.
Протяжно стонет, как при родах,
трясётся градусник в руках.
Вся скорбь еврейского народа
застыла в суженных зрачках.
По волевому подбородку

струится пенная слюна.
 Он шепчет жалобно и робко:
 «Как ты с детьми теперь одна??...»
 В квартире стихли разговоры,
 ночник горит едва-едва.
 Темно... опущены все шторы...
 У мужа тридцать семь и два.

* * *

Стоял простуженный январь.
 Летел колючий снег.
 Просил: «Оладышки пожарь,
 Хороший человек».
 Но я ему сказала: «Фиг.
 Пожарь олады сам».
 И, завернувшись в пуховик,
 Умчалась по делам
 Когда ж вернулась я к столу
 В субботу поутру, —
 Лежал на кафельном полу
 Холодный синий труп.
 Простёр над ним свои крыла
 Архангел Гавриил.
 И лишь тогда я поняла,
 Каким он парнем был.
 Он был хорошим и простым.
 Он не скулил, не ныл.
 Конечно, не был он святым,
 Но он меня любил.
 Он был немножечко чудак
 Без грошей золотых.
 Как много их ушло вот так —
 Хороших и простых.
 Они ушли, пригладив чуб,
 Ругнувшись слегонца...
 А мы живём и варим суп
 Каким-то подлецам!

Номинация
«За талант и женственность в поэзии»

Победители

Анна АНДРУСЕНКО

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Наталья ХМЕЛЕВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Надежда ЕГОРОВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Нашим детям

Елена ИГНАТОВСКАЯ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Лето и зима

Лето ловко, по-хозяйски,
Прячет банки в закрома,
А в берлоге на Аляске
Спит медведица-зима.

Завернувшись в одеяло,
Отстранившись от невзгод,
В сладком сне зима устало
Лапу снежную сосёт.

Снится ей река, малина,
Лес, дупло, в котором мёд,
А вокруг — снегов равнина,
Вой метели, холод, лёд.

И для сони-сладкоежки
Припасает лето впрок
Сухофрукты и орешки,
Мёд, компот, варенье, сок.

Так что, если кто разбудит
Лежебоку невзначай,
Можно хоть задобрить будет,
Пригласив её на чай!

Секрет

Расскажу я вам такое,
Не поверите вы мне!
Над моею головою
Небо выстлано травой,
Умывается росой
Жук в зелёной вышине!

Я глазам своим не верю:
Клин крылатых облаков

Мимо ног летит, и перья
Белоснежной каруселью
Тихо падают на землю
Возле грязных башмаков!

От друзей секрет не скрою,
Почему случилось так:
Всё чудесней станет вдвое,
Удивительнее втрое,
Если встать вниз головою
В школьном парке на руках!

Портфель

Едва ташу большой портфель,
Пусть уступают мне дорогу!
Там все, как надо — верь, не верь!
В нем все в порядке, слава богу!

Четыре книги и тетрадь,
Две ручки, два больших блокнота,
Три гайки, ключ на двадцать пять
И два крыла от самолета,

Пять батареек от часов
И пульт, разобранный в субботу,
Мазь от кусачих комаров —
Ее в помойку бросил кто-то!

Наждачка здесь, как ей не быть?
Отвертка, молоток и клещи,
Их не могу никак забыть —
Нужны мне в школе эти вещи!

Гвоздей больших десятка два,
Пустой баллон от зажигалки,
Еще впихнуть сумел едва
Два новых диска и подарки.

Жаль, не вместился гибкий шланг —
В портфеле места маловато...
Ну, так и быть, сойдет и так,
Хотя нести тяжеловато...

Дмитрий ВИНОГРАДОВ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Дружная семейка

На взгорке у речки приземистый дом.
Живут здесь Агата и старый Пахом.
Добра, домовита хозяйка Агата;
Подворье старушки скотиной богато:

Корова Ненила,
Телёнок Гаврила,
Свинья Соломея,
Овца Пистимея,
Баран Никодим
И кот Серафим.

Поутру Агата идёт за водою;
За нею скотина бредёт к водопою:

Корова Ненила,
Телёнок Гаврила,
Свинья Соломея,
Овца Пистимея,
Баран Никодим
И кот Серафим.

Лишь только на печке, укрывшись рядом,
Ещё досыпает дремучий Пахом.
Потом за Агатой весёлой гурьбой
Идут спозаранку на луг заливной:

Корова Ненила,
Телёнок Гаврила,
Свинья Соломея,
Овца Пистимея,
Баран Никодим.

А кот Серафим и старый дремучий дедуля Пахом
Всегда остаются досматривать дом.
Однажды Агата в район укатила,
Пахому скотину стеречь поручила:

Корову Ненилу,
Телёнка Гаврилу,
Свинью Соломею,

Овцу Пистимею,
Кота Серафима,
К тому ж Никодима.

Вернулась Агата, но пусто кругом.
А где же скотина? А где же Пахом?

Мычит за рекою корова Ненила.
А глупый, ох, глупый телёнок Гаврила
Давно с упоением над самой рекой
Бодается стойко с соседской козой.
В чужом огороде свинья Соломея,
У дальней опушки овца Пистимея.
Зато Никодим с величайшей заботой
Бараном глядит на чужие ворота.
А сторож «надёжный», дедуля Пахом,
Спокойно храпит под лозовым кустом,
На солнышке греясь. И рядышком с ним
Клубочком свернулся лентяй Серафим.
Скорее скотину созвала Агата.

Домой за хозяйкой идут виновато:

Корова Ненила,
Телёнок Гаврила,
Свинья Соломея,
Овца Пистимея,
Баран Никодим
И кот Серафим.

За ними спросонья вослед за котом
Плетётся смущённый дедуля Пахом.
Давно за рекою погасли закаты.
Уснуло в сарае хозяйство Агаты:

Корова Ненила,
Телёнок Гаврила,
Свинья Соломея,
Овца Пистимея,
Баран Никодим.

А кот Серафим и старый дремучий дедуля Пахом
Давно уж с пятнадцатым борются сном.
Уставши за день на волнения богатый,
Последней в доме засыпает Агата.

Юрий ЧИГРОВ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Щенок и котёнок

Вчера за котенком погнался щенок,
 Да только догнать его сразу не смог.
 На столб тот взобрался, как взрослая кошка,
 Расправил свой хвост, потянулся немножко
 И смело, шутя, обратился к щенку:
 «Без смеха смотреть на тебя не могу!
 Ты тьявкаешь громко, рычишь, как тигренок,
 И, видимо, злюка-презлюка с пеленок,
 Но тьявкой, не тьявкой — меня не достанешь;
 Ну, разве что, птичкою как-нибудь станешь».
 Щенок очень грозно взглянул на котенка,
 Облаял прошедшего мимо утенка,
 Ни за что, ни про что на курицу тьякнул,
 Для важности пушей на солнышко гавкнул,
 И лег у столба, как ни в чем не бывало.
 Котенку от этого страшно вдруг стало.
 Он понял, что этот сердитый щенок
 Пустился на хитрость, свернувшись в клубок.
 Теперь путь к спасению был перекрыт.
 «Эх! Спрыгнуть бы вниз — да щенок там лежит!»
 Котенок вздохнул и тихонечко всхлипнул.
 Ох! Мог бы кричать, так он маму бы кликнул,
 Но голос от страха куда-то пропал.
 Ведь только что в лапы едва не попал
 Щенку, что пустился за ним во весь дух!
 Котенок слегка покосился на мух,
 Что около носа жужжали тихонько.
 Как будто смеялись над горем котенка.
 И вдруг он решился: «Была — не была!»
 Гоп! Спрыгнул на землю и — вон со двора.
 Щенок, удивившись, застыл на мгновенье,
 Не ждал от котенка такого он рвенья.
 Опять удивился и лапой пристукнул,
 Хотел, было гавкнуть, а вышло — мяукнул,
 Но гавкай, не гавкай — котенка-то нет!

И бросился вновь за котёнком он вслед.
Вот снова догнал беглеца наш щенок.
Да только на сей раз котенок не мог
На столб свой спасительный снова забраться.
Куда же, куда же котенку деваться?!?
И вновь он решился: «Была, не была!
Не буду бежать от щенка со двора,
Вступлю с ним в сраженье; да, быть по сему!
Пускай искушает — не сдамся ему!»
И вот повернулся котенок к щенку
И спину свою изогнул он в дугу,
И когти расправил, готовясь к защите,
Но только, друзья, со щенка не взыщите.
Увидев, такой от котенка отпор,
Щенок, перепрыгнув дощатый забор,
Стремглав побежал, испугавшись не в шутку,
Домой прибежал и запрятался в будку.
И понял котенок, что зря он боялся.
Ведь этот щенок сам его испугался.

Не так ли и вы, вдруг напыжившись важно,
На слабого... лезете в драку отважно?!?!
Но как только слабый даёт вам отпор,
Вы словно щенок тот, бежите во двор?!?!

Сосульки

За окном сосульки хлопают глазами!
Плачут, заливаются горькими слезами:
Солнышко весеннее, не свети так ярко,
Нам сосуллек звонких очень, очень жалко!

А сугроб, нахмурившись, на весну косится,
И совсем немножечко на неё он злится.
Любит он метели, да снежок пушистый,
Да зимы морозной голос серебристый.

Мы весну-красавицу весело встречаем,
А зимой холодной по весне скучаем.
Только всё же, солнышко, не свети так ярко,
Нам сосуллек звонких очень, очень жалко.

Олег БУНДУР

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Про девчонок

Со Светкой-соседкой
Не буду водиться,
Она то смеётся,
То плачет,
То злится,
Но мама сказала,
Что так не годится,
Что с девочкой нужно
Уметь подружиться,
Что с папой они
Ещё с детства дружили
И вместе играли,
И рыбу удили...
С такою девчонкой,
Как мама моя,
Конечно, бы мог
Подружиться и я!

Красивая мама

Я по улице иду,
Маму за руку веду
И за маму очень-очень
Беспокоюсь на ходу:

Чтоб дала мне свой пакет,
Чтоб не шла на красный свет,
Чтоб мужчины, замирая,
Не смотрели маме вслед.

Вот мужчины, вот народ —
А они — наоборот!
От такой красивой мамы
Глаз никто не отведёт.

Я сержусь, иду, сопя,
Маму к дому торопя.
— Я люблю, — мне мама шепчет, —
Только папу и тебя!

Какая мама

Когда одевает мама наряд,
В шкафу под чехол повешенный,
Папа бывает ужасно рад:
— Ты просто шикарная женщина!

Если одета мама в халат
И что-то в кастрюле помешивает,
Папа заходит и снова рад:
— Ты очень уютная женщина!

Когда мы на пляже, и мама идёт
Вдоль моря галькой прибрежную,
Папа смотрит, разинув рот:
— Ты просто богиня — не женщина!

Мне кажется: маму хоть в куртку одень
С каким-то малярным запахом,
Папа будет смотреть каждый день
И восторгаться заново!

Сова

Папа чуть свет — побреет лицо,
Водой туалетной сбрызнет,
Кофе он выпьет, съест яйцо
И ходит довольный жизнью.

Мама утром с трудом встаёт,
Себя называет совою,
Долго кофе на кухне пьёт,
Сидит недовольна собою.

Тонус маме легко поднять,
Справиться с сонной привычкой:
Стоит папе её обнять —
Сова зачирикает птичкой!

Дмитрий ПЕТРОЧЕНКОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Колыбельная

Веет ветер за окошком.
Снег кружит над крышами.
Дремлет на диване кошка.
И идет неслышимый
Сладкий сон из детской сказки.
Закрывай скорее глазки!
Я тебе спою:
Баюшки-баю!

Спит синичка под стрехой,
Серый спит воробышек.
Снится им весны тепло,
И на поле зернышко —
Сладкий сон их птичьей сказки.
Закрывай скорее глазки!
Я тебе спою:
Баюшки-баю!

Ночь пройдет, пройдет зима,
Стихнут вьюги снежные.
Держат ласково тебя
Руки мамы нежные.
Мама напевает сказку:
«Закрывай скорее глазки,
Я тебе спою:
Баюшки-баю!»

Не скребутся даже мыши
В зале под полом.
Тихо спят на полке книжки.
И приходит в дом

Сладкий сон из детской сказки.
 Закрывай скорее глазки!
 Я тебе спою:
 Баюшки-баю!

Ничего, что за окошком
 Белый снег кружится.
 Засыпай скорее, крошка.
 Пусть тебе приснится
 Сладкий сон из детской сказки.
 Закрывай скорее глазки!
 Я тебе спою:
 Баюшки-баю!

Как здорово быть кошкой

Как здорово быть просто кошкой! —
 Не нужно кашу кушать ложкой
 Или капусту есть с картошкой,
 И можно прямо язычком
 Лакать из блюдца молочко.

Как хорошо быть просто кошкой,
 И целый день смотреть в окошко,
 То там, то здесь поспать немножко,
 И, притаившись на диване,
 Ждать вечером прихода мамы.

Гуляла кошка по дорожкам —
 Нагуливала аппетит,
 Она считала, что немножко
 Прогулка для домашней кошки
 Перед едой не повредит.

Елена ХАРЛАМОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Учтивый сэр Генри

Сэр Генри решил
Приготовить обед.
Сэр Генри открыл
Свой столовый буфет:

Петрушка,
Лаврушка,
Мускатный орех —
А соли не может
Найти, как на грех!

Сэр Генри сказал:
— Мне поможет сосед! —
Сэр Генри достал
Пару лучших штиблет.
Сэр Генри надел
Свой парадный камзол
И с тростью подмышкою
Вышел во двор.

Ворота открыты —
Выходит сосед.
Сосед добродушно
Кивает в ответ.

У Генри немного
Растерянный вид:
«Кто прямо с порога
Про соль говорит?»

И Генри учтиво
Ведёт диалог
Про сад и про ниву,
Про хлеб и налог,

О засухе летней,
О пользе галет,
Про глупые сплетни
Из местных газет...

Уж ночь наступает,
Зажгли в доме свет.
Украдкой зевает
Радужный сосед.

А Генри за чаем
В раздумье сидит:
«Ну кто на прощанье
Про соль говорит?!»

Уныло сэра Генри
Из кресла встаёт,
И к дому сэра Генри
Без соли идёт.

Не важно, что пресный
У Генри обед,
Зато — от и до —
Соблюдён этикет!

Крот и тыква

Тыкву крот нашёл под вечер
И сказал, смущаясь, он:
— Я давно мечтал о встрече,
Тыква, я в тебя влюблён!

Но оранжевая Тыква —
Королева красоты —
Говорит: — Я не привыкла,
Чтоб со мною — и на «ты»!

Крот отгрыз у Тыквы хвостик
И понёс в нору свою,
Отвечая ей без злости:
— *Выква*, как я вас люблю!

Дмитрий ТРИПУТИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

В лесу

Не метут уже метели,
И капли отзвенели.
Льют весенние дожди.
Скоро лето, подожди.

Мы с тобой уедем в лес —
Там, где сосны до небес.
А потом зайдём подальше
Погулять в еловой чаще.

По извилистым тропинкам,
По зелёным лабиринтам
Скоро выйдем на полянку.
Солнце светит очень ярко.

Под листочком — земляника,
Чуть поменьше, чем клубника.
Но она намного слаще.
Находи её почаще!

День рождения

У Наташи в воскресенье
Отмечают День рождения.
Мама испекла пирог —
У него румяный бок.

Дед принес карандаши,
До чего же хороши!
Есть чудесный бирюзовый
И для ёлочки — зелёный.

А у бабушки подмышкой
Замечательные книжки!

Там про Мишку и про хрюшек,
И про всех лесных зверюшек.

Папа занят на работе,
Куклу спрятал на комодке.
Только платьице свисает,
Может, вечером подарит?

Игрушки

Вот игрушки-погремушки
Под кроватью, на подушке.
По столу пустился вскачь
Наш любимый красный мяч.
Лишь пожарная машина
Под столом дежурит мирно.
До неё мы не добрались,
Рыжей кошки испугались.
Мы теперь совсем большие
И гуляем квартире!

Пейзаж

Кисти, краски и альбом
Мы теперь с собой берём.
На бумаге чистой, белой
Мы пейзаж рисуем смело!

Сверху — солнце золотое!
Дальше — небо голубое!
Вот и травы, и река,
Изумрудные цвета!

Скоро вечер. Мама ждёт,
Что-то вкусное печёт.
Значит, нам домой пора,
Не гулять же до утра!

Ильдар ЗИНАТУЛИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Мой пёс

Есть у меня теперь собака, братцы,
Свой пёс — мечта из давних снов моих,
Но кошки его наши не боятся,
Не смотрит почему-то он на них.

Он сахарную косточку не просит,
Не пьёт из луж, мотая головой,
Его зову я ласково Барбосом,
Но только он не бегаёт за мной.

Он предан мне, он сторожит без лая,
Глядит, моих не замечая слёз,
Собачьих глаз ночами не смыкая,
Из пластилина вылепленный пёс.

В ссоре

Я поссорился с Серёгой
И теперь без друга я.
Разошлись у нас дороги,
Мы с ним больше не друзья.
А ведь мне никто не нужен,
Я притих и поостыл,
Был я с ним когда-то дружен.
А теперь мне мир не мил.
Одному на свете пусто,
Сердце жмёт — не передать!
Как ему, наверно, грустно
В одиночестве играть...

Загадка

Снится мне, что по тропинке
 Ночью я бегу босой,
 А сбежавшие из цирка
 Тигры гонятся за мной.
 Страшно — ужас! В клочья нервы!
 Только я остался цел.
 Угадайте, как от тигров
 Я избавиться сумел?

Книга

Я — книга! Будь всегда со мною
 В чудесный мир шагать готов!
 Путь правильный тебе открою
 В мир умных и красивых слов.
 Глубоких мыслей клад открою,
 Лишь стоит книжку полистать.
 Когда подружимся с тобою,
 Ты сможешь многое узнать.
 Мне нужен ученик разумный,
 Хороший, умный, с головой,
 Сознательный и остроумный...
 Я жду тебя, Читатель мой!

Родители виноваты

— Как учится лишь на «пятёрки»
 Соседский Лёша? Не пойму ...
 А у тебя вот только «двойки»
 По всем предметам. Почему?

— Тут папа с мамой оплошали,
 Назвали б Лёшей — был бы рад.
 Так нет же, Фёдором назвали ...
 Ну, тут уж я не виноват!

Марина ЛАМБЕРТЦ-СИМОНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Маленький волшебник

Часть I

На страницах этой книжки
 Все бесцветно:
 Кошки, мышки
 И деревья, и цветы —
 Не хватает... красоты.

Грустно зайцу!
 Скучно птичке!
 Я налью в стакан
 Водички,
 Приготовлю краски,
 Кисти,
 Заточу карандаши
 И услышу...
 Шелест листьев:
 — Что ты медлиш-ш-шь!
 По-о-о-спеш-ш-ш-и-и-и!
 Нас раскрась
 Зеленым цветом
 И тогда наступит лето!

Просит солнышко:
 — Скорее!
 Дай мне желтой краски, Друг!
 Ведь тогда я всех согрею!

— Помоги! Избавь от мук! —
 Плачет бледный зайчик белый.
 Чтоб меня лиса не съела,
 Нужен летом серый цвет
 Для моей пушистой шубки,
 И еще — морковку в зубки!

— И меня спаси от бед! —
 Просит белая фиалка. —

Неужели краски жалко?
 Стоп, а чьи же это слезы?
 Безутешно плачут розы! —
 Если краски им не дам,
 Я сейчас... заплачу сам...
 — Ой-ой! — стонет незабудка,
 Быть бесцветной мне так жутко!
 Это так несправедливо!

— Нежной, радостной, красивой,
 Знаю, быть мне очень нужно,
 Чтоб водить с цветами дружбу! —
 Шепчет бабочка мне робко...

Вот мелки лежат в коробке:
 Ярких крылышек достойна —
 Будет бабочка довольна!

— Я уж так тебя ждала! —
 Приближается пчела:
 — Желтой краски одолж-ж-жи!

— Нас раскрась! — свистят ежи.
 — Да и яблоко в придачу! —
 Мы несем его на дачу.

— Не забудь мои иголки! —
 Слышу просьбу
 Странной елки.
 — Что мне толку
 В... белых шишках?

— Быть бесцветным
 Больно слишком!
 На смех мошкам
 Белый дятел! —
 И меня раскрась, приятель!

А на следующей странице
 Стонет белая лисица:
 — Стать хочу я рыжей-рыжей!
 У тебя есть краски вижу!

И конечно, бедный мишка
 Хочет бурые штанишки
 И коричневую шубу!

Желудь снится ночью дубу,
 А кукушке-кукушонок...
 Замер белый лягушонок,
 Птицы песен не поют...
 Знаю я в чем дело тут!
 В банке воду заменю
 Хвост раскрашу я коню,
 А потом рога корове —
 Краски-кисти наготове
 И фломастер под рукой
 Замечательный такой!
 Надо краски развести:
 Будет все вокруг цвести!

Конь копытом бьет и скачет —
 Вот что цвет хороший значит:
 Нежный, сочный, яркий, смелый! —
 Здесь — клубника вдруг поспела,
 Там — полна грибов корзинка,
 Вот и крылышки на спинке
 Вдруг раскрылись у жучка —
 Он взлетит наверняка!

А волшебный карандаш
 По бумаге белой пляшет —
 Я держу его в руке:
 Чудеса — невдалеке...

— Мяу! — кошка тихо просит, —
 сделай розовым мой носик,
 Хвостик черный распуши!
 — К нам, мышам, под пол спеши!
 Пи! — Укрась наш пышный пир:
 Аппетитен желтый сыр!

Синей краски просит море:
 — Без нее засохну вскоре!
 Даже рыбок не видать!

— Можешь небу краски дать?
 Просят тихо очень тучи, —
 Дождь прольем,
 Всем будет лучше!
 Ведь его давненько ждут —
 Ты потратишь пять минут!

— Не забудь и нас раскрась! —
 просят окунь и карась,
 И акула, и дельфин.
 Можешь только ты один
 Оживить нам плавники.
 Нет сильней твоей руки!
 Знаем, ты вернешь нам
 Счастье!
 Как... художник настоящий!

Часть 2

Не узнать прескучной книжки:
 Ведь живет здесь бурый мишка,
 Озорной счастливый кот.
 Время тут спешит вперед!
 Ты провел его недаром:
 Розы делятся нектаром
 С яркой бабочкой,
 И пчелы
 Дружат с солнышком
 Веселым —
 Желтым словно апельсин!
 А для грусти нет причин!
 Можно в море синем-синем
 Покататься на дельфине
 И в зелененькой траве
 Постоять на голове!
 Вот кузнечик в ней стрекочет:
 Человек ты добрый очень —
 Всех раскрасил в нужный цвет,
 Став волшебником
 В пять лет!

Елена МОРОЗОВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Зойки

— Хорошо-то как у вас тут! — потянулась я, глядя на Зинаиду Тихоновну, протирающую полотенцем чашки.

«У-ка-ку!» — прокричал анапестом петух. Откуда-то снизу и справа задрезжало жирное лягушечье «кха-кха». «Га-га!» — поддакнул гусь. На паутинках стеблей ситцево развернулось ромашковое поле, а по полю небесному рассыпались сияющие облака.

— Это-то ещё что! Вот Зойки прилетят, тогда узришь красоту дивную, — заговорила тётя высоким слогом.

— Зойки? — переспросила я. — Это кто? Птицы?

— Почему птицы? Девушки. Вон на то поле слетаются, — тётя не глядя махнула рукой. — Плетут венки, поют, водят хороводы. До самой луны.

Я посмотрела на неё в упор. Не шутит ли? Но суровую складку у губ не подёрнула и тень улыбки.

Запахло свежезаваренным чаем из чабреца с мятой. Я присела на диванчик, прикрытый плетёным домотканым ковриком.

Зинаида Тихоновна жила на даче весь сезон. Только-только май разгонялся, чтоб пахуче пышно-бело встретить хозяйку усадьбы, как она проворачивала на два оборота ключ, запирая городскую квартиру, и с лёгкой душой переселялась в деревню со странным названием «Сонное». Прибывала Зинаида Тихоновна с городскими цветочными горшками и рыжим котом Фёдором. Кота переезд не устраивал, он сначала нервно огрызался, но всё остальное лето — жаркое и сухое, какое обычно теперь на востоке Украины — флегматично валялся где-нибудь в тени.

Спать, дремать, лежать на мягкой траве мне, приехавшей на недельку погостить, здесь хотелось постоянно. Стоило солнцу переползти зенит, как меня подкашивало. Я бродила сонной сомнамбулой, ела черешню, вяло следила, как ромашки клонятся то влево, то вправо от ветра, да прислушивалась к гортанным крикам дородных деревенских лягушек.

Искоса оглядывая окрестности, я помешивала ложечкой клубничное варенье.

— А ты с ними беседовала?

— С Зойками? Нет, к ним не подойдешь. Очень пугливые. Коля, сын бухгалтерши Веры Васильевны, подкрался незаметно. Так они заматались, завизжали, вспорхнули и улетели. Он только у крайней Зойки оборвал подол юбки. Вся деревня ходила смотреть. Неземная красота! Переливается. Аккурат, одна в одну, подогнаны чешуйки. Девушки долго не показывались, а потом прилетели, но не пели, а что-то в траве всё искали. Наутро Коля и исчез.

— Как исчез? — история начинала волновать меня всё больше. — Может, он уехал в город?

— Нет, все вещи остались дома. Мать плачет, говорит, что Зойки его заманили в поле ромашковое и с собой увели, утянули. Что он теперь к людям не вернется никогда.

— Подожди-подожди, тетя Зин! Ты говорила — девушки. А теперь — к людям не вернется. Зойки — разве не люди?

— А кто их знает. Зойки они и есть Зойки, — подытожила тетя Зина и смела крошки со стола. — Вон и они. Только поговорили. Легки на помине.

— Где? — я прищурила глаза и сканировала бело-жёлтое поле.

— Да не туда смотришь! Левее. Видишь, воздух переливается? Мерцает?

— Не вижу, — я готова была заплакать.

И тут, ах, увидела! Тончайшие создания плавно водили хоровод среди ромашек. Еле слышно доносилось то ли пение, то ли звучание нежной музыки. Вот они. Рукой подать. Или мне только так казалось? Мираж?

— Может, это мираж? — оглянулась я на тетю Зину с надеждой.

— Ага, а Колька где? — напомнила скептически хозяйка.

Я осеклась.

— Пойду подойду ближе, — кивнула я и, словно загипнотизированная, двинулась вниз по ступенькам веранды.

— Стой! — тетя схватила меня за локоть. — Ты что ж надумала? Они же ромашковые ведьмы! Околдуют!

Боль от крепкого обхвата меня отрезвила.

— Кто впервой, все к ним рвутся, — тетя Зина вздохнула. — Магнетизм у них особый.

Смеркалось. Я сидела на ступеньке и слушала деревенский вечер. Лес вдаль казался совсем чёрным, а небо над ним гофрировано складывалось красно-синим веером.

На следующий день я уехала.

Город живёт по другим часам. Важные дела сменялись сверхважными, сверхважные — срочными, а срочные — неотложными. И я забыла о ромашковых девушках.

Прошёл год. И вновь наступило лето, и вновь меня потянуло в деревню. Я кинула в сумку цветастую юбку, зубную щётку и села в электричку.

Тётя Зина улыбалась, облокотившись на перила веранды:

— Твоя комната готова.

Когда суета встречи улеглась, я вспомнила:

— А что Зойки? Кружатся?

Мне показалось, что тётя Зина как-то сникла.

— Нету их больше. Извели.

Я присела на краешек дивана и прикрыла ладонью рот:

— Поймали?

— Нет. Новый хозяин вывел. То ли дустом, то ли ещё какой-то заразой современной. Опрыскал поле, чтоб сорняк не рос, а потом засадил кукурузой. Вон, сама глянь.

Я дёрнулась в сторону леса и, приложив ладонь к глазам, осмотрела окрестности. Кукуруза уже высоко поднялась.

— Да и Коля вернулся. Говорит, сам не понял, как оказался где-то далеко в России, на востоке. Без копейки, без одежды сменной. Первое время не мог вспомнить о себе кто да что. Работать устроился, но как-то оклемался, опомнился. К концу лета и вернулся.

— А это тебе сувенир, — тётя Зина положила на стол кусочек ткани. — Чтоб всем, так по маленькому отрезали.

Я потрогала пальцем шелковистую перламутровую поверхность. От неё веяло чем-то чистым и загадочным.

«У-ка-ку!» — пропел анапестом петух. «Кха-кха-кха!» — жирно подхватили лягушки. «Га-га!» — подтвердил гусь.

Жалкие остатки отцветших ромашковых щедрот прижались к изгороди тётиного огорода. А за ним начиналось кукурузное поле, напичканное торпедами початков.

Борис КУНИН

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Сказание о Черном озере

«В незапамятные времена это озеро называлось Русалочьим. Жили в нем молодые девушки с темно-русскими длинными волосами и небесно-голубыми глазами. И вода в озере была им подстать: бирюзово-синяя в солнечные дни, в непогоду — коричнево-оливковой.

Русалки никогда не обижали людей из приткнувшейся на опушке леса небольшой деревушки и всегда следили за плескающейся в их владениях ребятней: мало ли что может случиться.

Проходил век за веком, все больше людей селилось в округе, и русалки постепенно перестали показываться им на глаза, но «службу» свою несли исправно: даже старожилы не могли припомнить случая, чтобы кто-нибудь утонул в озере или рыбацкие сети зацепились за корягу.

Однажды в лесу, около проезжего тракта, охотники нашли маленькую девочку лет трех-четырех. Она была без сознания, иссиня черные волосы в сгустках запекшейся крови. Мужчины принесли ее в избу к местной знахарке. Та внимательно осмотрела ребенка и понесла к озеру, буркнув сквозь зубы, чтобы никто не шел следом. Но любопытные мальчишки, конечно же, шмыгнули вослед.

Они потом рассказывали взрослым, что когда знахарка раздела маленькую чужеземку донага и стала оmyвать водой, из глубины появились русалки, молча взяли малышку на руки и исчезли. А через несколько минут вернули ее знахарке, уже умытую и тщательно расчесанную, без малейших следов недавних ран.

Вскоре девочка пришла в себя и, испуганно озираясь вокруг, начала что-то быстро говорить на незнакомом языке. Ее никто не понял. А несколько недель спустя до деревушки дошли вести, что на тракте лихие люди разграбили торговый караван из далеких южных земель. То ли из Индии, то ли из Персии... Нескольких купцов убили, остальных продали в рабство. Что стало с родителями девочки (если они вообще были с тем караваном), никто сказать не мог.

Чужеземку в деревне стали звать Зарянкой, так как найдена она была на рассвете. Свое настоящее имя она либо позабыла, либо произносила на родном языке так, что никто его не мог понять. Да и не очень-то старались, очевидно.

Жить Зарянка осталась в доме у знахарки и с годами превратилась в настоящую красавицу: стройная, смуглолицая, с длинными черными волосами. С первых дней помогала своей названной матери по дому. Потом стала ходить в лес за травами и кореньями. Подолгу любила сидеть одна на берегу озера. Словно влекло ее туда что-то.

В деревне поговаривали, что в такие минуты возле девушки часто видели русалок».

Дед Иван Любутин умолк и начал набивать табаком свою любимую, потемневшую от времени, трубку, искоса поглядывая на притихших пацанов: своего старшего внука Петьку и его друга Витьку Семенова. Их родители дружили семьями, да и жили в городе в соседних домах, так что мальчишки были знакомы чуть ли не с пеленок.

Младший внук деда Ивана — Пашка ездить летом в деревню отказывался наотрез, а уже давно овдовевшему старику еще одна живая душа в доме была только в радость. Да и ребятам веселее вдвоем. Целыми днями они где-то пропадали с деревенскими сверстниками, возвращаясь усталыми и голодными, как волки, коих когда-то было много в окрестных лесах, не то, что сейчас. Вылизав тарелки до блеска, ребята часто просили деда рассказать очередную «сказку». Так они называли местные предания и легенды, которых старый Любутин знал превеликое множество.

Вот и сейчас, тихо сидя рядом на вытертом до седины кожаном диване, они терпеливо ждали, пока дед Иван набьет трубку ароматным самосадом, выпустит щекочущую ноздри сизую струйку и продолжит рассказ.

«Многие деревенские парни заглядывались на Зарянку, но настойчивее и терпеливее всех был Борислав, младший сын местного старосты. То холщовые торбы с травами да кореньями поможет ей из леса принести, то у озера «случайно» окажется именно в то время, когда и девушка там. Скоро уже и все в деревне стали понимать: быть осенью свадьбе.

Да только не одному Бориславу приглянулась кареглазая сирота.

В трех-четыредневных переходах к северо-западу с десятков лет тому поселилось небольшое племя людей с севера. Жили с соседями, вроде бы, мирно, торговали. Правда, в свой хорошо укрепленный городок (они его называли «бург») чужих никогда не пускали. И еще люди поговаривали, что стали с той поры время от времени пропадать в окрестных селах молодые девушки. Никто не мог напрямую обвинить в этом чужаков, но до их прихода такого не случалось.

Заехали они однажды и в деревушку у Русалочьего озера. Привезли заморские ткани, костяные резные украшения, застывшую слезу моря — ян-

тарь. Лагерем стали на несколько дней в стороне от селения, на лесной опушке.

Два дня шла бойкая торговля, а на третий, ближе к полудню, услышали в деревне пронзительный девичий крик со стороны озера, резко оборвавшийся в следующее мгновение. Пока соображали: не почудилось ли, советовались куда идти — на берегу никого не нашли. Только повстречали по дороге главаря чужаков в порванной рубахе и с кровотокащими царапинами на лице. Да на прибрежном песке увидели кроваво-красные клочья пены и вдруг ставшую черной озерную воду.

На прямой вопрос старосты главарь, скаля в усмешке крепкие белые зубы, ответил, что хотел подстрелить лису, да в пылу погони зацепился за старый выворотень. И как не нашептывал отцу Борислав, что нигде не может найти Зарянку, ничего предъявить чужакам сельчане не смогли.

Пену с берега озерные волны вскоре смыли без следа, но вода в нем так и осталась с того дня черной, как волосы сгнувшей без следа девушки».

— Так что случилось с Зарянкой? Ее так и не нашли? — в один голос воскликнули мальчишки, как только дед Иван замолчал.

— Этого никто так и не узнал. Возможно, над ней поглумились и, заметая следы, сбросили в озеро.

— И жители лесной деревушки его не наказали? — играя желваками, спросил Петя.

— Запомни, внучек, — скупой улыбнулся Любутин-старший, — «не пойман — не вор». Нельзя человека карать без доказательств его вины.

— Так что, он так и остался безнаказанным? — поддержал друга Витька.

Дед Иван помолчал, раскуривая потухшую трубку. Ему очень нравились такие вечера с ребятами. И вопросы мальчишки задавали правильные.

— Чужакам позволили уехать беспрепятственно. Только, помимо людского, есть еще и высший суд — божий. И от него скрыть ничего нельзя. Весной следующего года зашедшие далеко от родной деревни охотники нашли в лесной чащобе дочиста обглоданные зверьем человеческие кости. По оружию и остаткам одежды они опознали главаря пришельцев и нескольких его людей. Скорее всего, на обратном пути на них напали волки. Хотя среди костей были и наконечники стрел.

— Значит, справедливость восторжествовала!

— Выходит — так... Только место возле Русалочьего озера с той поры пользовалось дурной славой. Да и само озеро стали называть Черным. Скоро люди перестали селиться в тех краях и запрещали девушкам даже близко подходить к проклятому озеру, дабы не накликать беду.

Ольга КОШКИНА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Балерина из шкатулки

Есть сказки, в которых за семью морями, за семью горами обитают царевичи и королевичи, богатыри и всемогущие маги. За какое бы дело ни взялись они, куда бы ни отправились, всюду носят с собой живую воду да скатерть-самобранку. Свистни богатырским посвистом — и на помощь придут сказочные животные. Но есть и другие сказки. В них чудесные события происходят с обыкновенными девочками и мальчишками.

Если бы Наташе рассказали, что однажды она тоже попадет в сказку, то она бы ни капельки не поверила. Дело в том, что Наташа живет не во дворце Тридевятого царства-государства, а в домике с маленьким садом, где весной вкусно пахнет черемухой, а осенью — спелыми яблоками. Наташа ходит в самую обычную школу и больше всего на свете любит читать книжки и танцевать. И в помощниках у девочки — не Серый волк и даже не Жар-птица, а всамделишные звери и птицы. Сколько их — давайте считать. Два попугая да три черепашки, рыжий хомячок Мышка-малышка и морская свинка Хрумка. А еще стайка пестрых рыбок, улитка Бусинка да иглистый тритон Антоша. Всем нашлось место на многоярусных этажерках в комнате. Старшая сестра Оля рассказывала Наташе, что раньше все эти зверюшки жили в волшебной стране Феерии. А когда Наташа спросила Олю, сказка это или быль, сестра только плечами пожала: не знаю, мол. Попугайчики, конечно, тоже могут поведать о сказочной стране — они много слов знают. Вот только теперь хитрые Дашка и Лори дремлют на жердочках и делают вид, будто ни о чем не подозревают.

А еще, кроме чудесных пернатых и хвостатых друзей, у Наташи есть волшебная шкатулка, которая исполняет желания. Но только самые заветные, и только в новогоднюю ночь. Вот с этой-то шкатулки все и началось...

Однажды накануне Нового года Наташа заявила Оле, что больше никогда в жизни не пойдет в музыкальную школу и не станет танцевать.

— Почему это? — изумилась Оля. — Ты же всегда мечтала попасть в танцевальный ансамбль «Улыбка»!

— В музыкальной школе скоро будет рождественский бал, — сказала Наташа. — А я боюсь выступить на сцене. Мне совсем не хочется никого подводить, мы ведь столько репетировали. Одна девочка сегодня сказала сегодня, что такой трусишке, как я, нельзя даже думать о занятиях танцами.

Оля улыбнулась:

— Нет на свете людей, которые ничего не боятся и никогда не волнуются. Все, что тебе нужно — поверить в свои силы.

— А как это сделать? — всхлипнула Наташа.

— Есть у меня вещица, которая может тебе помочь. Это будет мой маленький новогодний подарок, — подмигнула Оля и вручила сестренке позолоченную шкатулку. Наташа только ахнула от восторга: в шкатулке жила крохотная балерина. Стоило только приоткрыть крышечку, как начинала играть музыка, и балерина принималась кружиться перед зеркальцем.

— Как настоящая, — заморожено протянула Наташа. — Интересно, у нее есть имя?

— Это Флаэль, хранительница шкатулки, — ответила Оля. — Если в новогоднюю ночь ты напишешь свое желание на листочке и положишь его внутрь шкатулки, Флаэль постарается его исполнить.

Так Наташа и сделала. Когда праздничный ужин закончился, малышка поставила шкатулку на тумбочку, пожелала балерине приятных снов, а через несколько минут уже сама сладко спала.

Проснулась она от невообразимого шума. Оказалось, что одному из попугайчиков приснился кошмар и теперь он отчаянно хлопал крыльями.

— Полно, Лори. Это всего лишь страшный сон, — буркнула Наташа и хотела было перевернуться на другой бок.

— Ничего себе страшный сон! Да тут шкатулки сами собой открываются среди ночи. А еще всякие девочки разгуливают по письменному столу, — заворчал попугай.

— Всех разбудил, да еще и ругается, — спокойно отозвался чей-то тоненький голосок, и Наташа совсем опешила: на краешке стола сидела маленькая балерина.

— Теперь сон вижу я, — сказала Наташа и потеряла глаза.

Балерина засмеялась:

— Тогда просыпайся скорее, потому что иначе ты не успеешь в волшебную страну Феерию.

— А почему я должна туда попасть?

— Ты пойдешь вместо меня на праздник цветов, — ответила бале-

рина. — Я пообещала клеверным феям, что приду на концерт. А бросать шкатулку без присмотра нельзя.

— Это решительно невозможно, — покачала головой Наташа. — Клеверные феи примут меня за великана в пижаме.

— Это поправимо. Я окончила волшебную школу магистра Гибикуса и кое-что умею, — и Флаэль повернула ключик шкатулки.

Как только зазвучала мелодия, Наташа начала стремительно уменьшаться и скоро совсем исчезла в складках одеяла. Хорошо, что на помощь малютке-хозяйке поспел попугайчик Лори, и на спине крылатого питомца девочка перелетела на стол.

Теперь комната казалась Наташе огромной, зато можно было получше рассмотреть шкатулку и ее хранильницу.

Веселиться на празднике в пижамке Наташа не могла, поэтому Флаэль уступила ей свои туфельки и платье, и заколола волосы девочки крохотными шпильками. А сама переделалась в Наташину одежду.

— Теперь ты выглядишь совсем как цветочная фея, — заявил Наташе Лори. — Пора в путь.

— Надо и Олю разбудить, — кивнула Наташа.

Флаэль испуганно поднесла палец к губам:

— Нет-нет, сестренку будить не нужно. Взрослым запрещено бывать в волшебной стране. Лучше возьми в дорогу друзей, а я останусь в комнате и буду беречь шкатулку и сон твоей сестры.

— Тогда я полечу с Наташей, — сказал Лори. — Я давно не был в Феерии.

— И я полечу, — сказала попугайха Дашка.

Тогда Флаэль снова начала поворачивать ключик, так что зеркало на крышке шкатулки стало совсем прозрачным.

— Это самый короткий путь в волшебную страну, — объяснила Флаэль. — Как только в шкатулке снова заиграет музыка, вы вернетесь обратно в комнату. Спешите!

Наташа зажмурилась, шагнула вперед и вместе с друзьями очутилась на поляне, залитой солнечным светом. Окно в Наташиной комнате было разрисовано кисточками дедушки Мороза, а за окном искрился снег. Здесь же вместо снега поляну покрывал ослепительно-белый с желтыми глазками ковер из ромашек.

— Ромашки я вижу, но где же праздник цветов? — спросила Наташа.

— Он проходит в долине Сказок. До нее отсюда — рукой подать, — ответила попугайха и помогла Наташе снова взобраться на спину Лори.

И наши друзья поторопились в долину Сказок. Они пролетели над Сиреневым озером, над Кудрявой рощей и Пестрым лесом. И все жители Феерии, завидев в небе двух попугайчиков и маленькую феечку, улыбались и махали им.

— Разве здесь не чудесно, Наташа? — говорил Лори. — Правитель Феерии Гибикус каждый день облетает свои владения на спине Жарптицы. А ведь Феерию можно найти в сердце любого, кто в нее верит. А ты чувствуешь себя волшебницей?

— Чувствую, — соглашалась Наташа. — И верю в свои силы.

За разговорами время прошло незаметно, и скоро они уже шагали по долине Сказок. Народу здесь было видимо-невидимо. Герои самых разных сказок, эльфы и феи, говорящие звери и птицы со всех уголков страны — все собрались на праздник цветов.

Это самый важный и самый красивый праздник в волшебной стране, — сказал Лори. — Каждый должен подготовить выступление. Давайте-ка подойдем поближе к сцене.

Возле сцены Наташа увидела большущего попугая-ара и немного струсил. А вот Лори и Дашка нисколько не испугались.

— Грум, ты ли это? — изумленно спросили они попугая.

— Да, меня назначили ведущим концерта, — сказал Грум. — Я так рад, что вы решили побывать на нашем празднике! А что за малышка рядом с вами? Ведь ты Флаэль?

Наташа хотела ответить, что она никакая не Флаэль, и даже не фея, но попугай взмолился:

— Одна из цветочных фей заболела и теперь не может танцевать на празднике. Пожалуйста, выручи нас.

Тем временем эльфы несколько раз ударили в фанфары: начинался концерт. Грум поднялся на сцену и раскланялся:

— Друзья мои, сегодня вместе с цветочными феями выступит маленькая Флаэль. Прошу любить и жаловать!

— У тебя все получится, — шепнул Наташе Лори. — Вперед!

— А почему бы и нет? Это же только сон, — подумала Наташа и вышла на сцену вместе с клеверными феями. Подражая им, она сделала плие и закружилась с ними в танце. А потом феи отступили назад и встали полукругом.

— Раз-и! Два-и! Спинку держим ровно! — сказала себе Наташа, вспомнив танец, который она разучивала с девочками к Рождеству. Теперь уже клеверные феи повторяли Наташины движения. А маленькая танцовщица почти летала на сцене и совсем не боялась. Она слышала аплодисменты и видела только глаза восхищенных попугайчиков.

— Рассказать подружкам — ни за что не поверят, — думала она. — Сестренка, верно, в детстве тоже побывала в Феерии. И может быть, даже видела магистра Гибикуса.

А волшебник Гибикус стоял среди гостей праздника, улыбался и хлопал в ладоши. А когда Наташин танец закончился, и на сцену со своей песней вышел Грум, волшебник разыскал малютку среди клеверных фей и пожал ей руку.

— Вот видишь, ты и сама научилась «волшебничать», — сказал Гибикус. — Стоило всего лишь поверить в свои силы — и ты из маленькой робкой девочки превратилась в талантливую танцовщицу. Теперь ничего не бойся — у тебя все получится.

После песни Грума на сцену вышли другие артисты, и Наташа услышала мелодию шкатулки.

— Пора возвращаться, Флаэль повернула ключик, — сказал Гибикус.

— Разве уже пора? Как бы мне хотелось погостить здесь еще, — протянула Наташа.

— Ты всегда сможешь навещать нас, и для этого не нужна шкатулка, — ответил маг. Просто закрой глаза, и ты окажешься в Феерии.

Наташа зажмурилась на мгновение. А когда открыла глаза, то снова оказалась в своей кровати, как будто и не путешествовала она по сказочной Феерии. На столе стояла открытая музыкальная шкатулка с куколкой-балериной. В домиках дремали Наташины питомцы.

— Просыпайся, соня! Солнышко вон уже давно встало, — услышала Наташа голос старшей сестры. — Ты знаешь, сколько под елкой новогодних подарков?

— Уже встаю, Олечка, — ответила Наташа. — Знала бы ты, какой мне сегодня сон приснился!

— Расскажешь? — отозвалась Оля из гостиной, но Наташа ничего не сказала. В кулачке она обнаружила крохотную шпильку для волос. Значит, все-таки это был не сон?

Малышка хитро подмигнула балерине и попугайчикам и вышла в гостиную:

— Мне снились твои сказки.

Сестры принялись разворачивать коробки, и в первом же свертке Наташа нашла розовое платье, совсем как у Флаэль.

— Это от Волшебника, — объяснила она Оле. — А уж он-то отлично знает, какой наряд подойдет мне для рождественского бала!

Екатерина ЖДАНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Калач, кирпич и саечка

Чего только не было в пекарне на углу бульвара: сладкие плюшки, пирожки с начинкой, батоны всех сортов и размеров. Они тесно лежали на полках маленькой булочной и хвалились друг перед дружкой, ведь каждый считал себя благороднее, мягче и пышнее.

— Я, — говорит горделиво Сдоба, — булка сладкая, праздничная, из богатого теста выпечена. Да во мне столько сливочного масла, что если бы все батоны магазина взять да и пустить на бутерброды, и то его пошло бы куда меньше. А ванили-то во мне, ванили! Чувствуете, какая я ароматная? То-то! Не вам чета.

— Мн-м, я не согласен. Во мне, хлебе Рижском, специй есть много больше. Это я есть са-амый тушист хлеб в мире. Что есть белый хлеб? Ничто! В вас просто пекар забыл положить тмин. Вот у нас, в Прибалтыке...

— Но, пг-гостите! — важно окинул его взглядом длинный французский Багет, — вы, Рижский, непг-гилично гязн цвет. И вы, советшено невозможн с сыгом и джемом. Вашим тмином можно испогтить вкус любого блюда — будь то паштет фуа-гг-г-а, жульен или котлетка де-валяй. Взгляните на меня: вот я и впг-гямь совет-гшенство. Настоящий хлеб должен быть длинным, как я, батоном с хг-густящей ког-гочкой. Как у меня. А у вас? У вас, у всех, есть у вас ког-гочка? Покажите мне ее. Ну? Где? Нету!

— Э, слушай, ты что, такой горячий, да?! Как бешеный конь. Слушай. Зачем других обижаешь? — заговорил кто-то сверху. — Что эта за фуа-гра — шмуагра такой? Какой-такой Жюльен-Шмульен? Это еда что ли такой? Для больных? Я, Лаваш, не потэрплю в присутствии милых женщин никаких таких слов, понимаэш.

Гневный Лаваш подбоченился и скосил взгляд на полку с булками, где стыдливо зарумянились Хала и Пита.

— Да-да-да, — очнулась Пита, — все верно. К шашлыку и хашу лучше нас с Лавашиком не найти. У нас дома, на Ближнем Востоке и Кавказе, в нас и мясо, и зелень заворачивают. Я вот, например, — с секретом! У меня есть кармашек внутри, куда можно по-

ложить вкусную начинку. А самое главное между нами различие, господин Багет, — это то, что нас люди руками ломают и кушают, а не режут, как поросят.

И Пита с Халой отвернулись с надменными минами.

— Ой, люди добрые, дывитесь сюды. У нас на Украине меня, Паляницу люди так уважают, что на вышитом рушнике на середок стола ложуть, на самое главное место! Да я и белее, и мягче, и Рижского, и Багета, и Лаваша, и этих Халы с Питой!

— Что? Вы видели? Нет, вы видели?! Лопни мои глаза! Я — Хала, праздничный еврейский хлеб! Я — вам не просто плетенка с маком. Эй вы! Вы все тут, — вы вообще слышали за исход евреев из Египта? Нет? Таки я вам расскажу. Евреи чтут субботу, чтоб вы знали. Работать у евреев в субботу грех. Таки вот. Когда Моисей вывел свой народ из Египта, Бог сорок лет кормил людей в пустыне — манной, небесным хлебом. И чтобы не работать в праздник, не нарушать древний закон, накануне в пятницу этой манны собирали сразу на два дня. Смотрите сюда. Видите, я из двух кусков теста? Таки это и за пятницу, и за субботу! Ха-ха! Я, Хала, прообраз манны небесной. Я самая-пресамая. И все!

— А... Можно и мне сказать? — зашевелился чёрный хлеб. — Я не ритуальный. Не праздничный. И не заграничный. Я обычный. Кхе! Из серой ржаной муки. Пусть я самый дешёвый из вас. Да! Но этим-то я и дорог людям. Вот загляните в рюкзак любого геолога, в вещмешок солдата. Вот он я где, черный хлебушек! Я всегда рядом с человеком.

— Эй, черняшка, а знаешь, что тебя люди кирпичом прозывают? Тебе не обидно? — спросила Сдоба.

— А что на правду-то обижаться? Да кирпич — я и есть кирпич. Черный хлеб показал свои загорелые плоские бока. Это специально так придумано. И чтобы побольше хлеба вошло в машину, мы, буханочки, тесно-тесно друг к дружке прижмёмся и едем бок-о-бок. Мы — мяконикие, горяченькие, душистенькие. Нас грузовики везут далеко-далеко. По деревням и сёлам. Запах хлебный на всю улицу! А как нам радуются! О, ведь за обеденным столом черный хлеб и с борщом, и с ущицей, и с сальцем, и с селедочкой. М-м-м! Куда им, иноземным хлебам до меня! А сухарики из нас м-м-м! Обьедение! Люди никогда меня не забудут, не предадут. Потому что много дорог вместе нами пройдено, много горя вместе пережито за сотни лет. Война, разруха, голод — все было. Буханка черного тогда ценилась выше золота. Да

что тут говорить. — Кирпич грустно посмотрел на полки с модными булками. — Все равно эти не поверят.

Калач и Саечка с уважением посмотрели на Черного и прижались к нему бочком. И братишки-бублики придвинулись поближе.

— А я, ребята, знаете какой? — вдруг воскликнул Калач.

— Нет, а какой ты? — встрепенулись все булки.

— Тертый, ситный и с ручкой. А знаете, зачем мне эта ручечка?

— Зачем?

— Да то-то и оно, что она никому не нужна! Если только голубям да воробьям. Ведь, её не едят, её выкидывают.

— Не может этого быть! Выкидывают? Как так? — забеспокоились Кирпич и Саечка.

— Очень просто. К примеру — строят храм. Кипит работа, только успевай бревна таскать, месить раствор. Времени у работяг в обрез, иной раз некогда и рук помыть, а поесть не мешало бы. Вот выдаться свободная минутка, купит он у разносчика калач за грошик, мякиш съест, кваском запьет, а ручечку запачканную голубям скормит. И снова за работу. Так что вот, Калач — старинный русский хлеб. Не простой, исторический!

— Ай да Калач! Ай да молодец! — воскликнули в один голос Лаваш, Кирпич и Саечка. — А тёртым-то кто тебя прозвал?

— А люди же и прозвали. Взгляните-ка на мои бока, видите, я весь в муке? Это неспроста. Если я упаду, испачкаюсь, то меня надо просто о-те-реть. Вся земелька с меня месте с мукой осыплется, и снова я чист. Вот и прозвали меня тёртым. Меня ещё детишки малые любят. Я нигде не пропаду, даже если упаду. Хе-хе! Вот.

— Да, не прост, не прост наш Калачик оказался.

— Ребята! Как я горжусь вами! — сказала Саечка.

— Саечка, а ты что все молчишь? Да ты у нас тоже умница и красавица. Если б не ты, с чем бы студенты в столовой винегрет лопали? Ты и маленькая, и беленькая, и...

— И самая крутая из вас! Да-да-да!

— Нэ может быт! Такой маленький, бэленький дэушка и вдруг самый крутой булка? Вах! — оживился Лаваш. — Как так?

— А вот как. Я, Сайка, из теста самого-пресамого крутого замеса, из муки самого-пресамого высшего качества! Отведаешь меня за завтраком — и весь день есть уже не хочется...

Долго еще пышки да плюшки болтали и хвастались.

А вечером все полки опустели, хлеб раскупили. В магазине остались только усталая Касса и шустрая Швабра. Касса заряжалась бумажными рулончиками на завтрашний день, а Швабра наводила порядок в зале.

— Вы заметили, уважаемая Швабра, что батоны и черный круглый сегодня раскупили ещё до обеда?

— Ой, а как шустро расхватали сайки школьницы? А Халу взяла их седая учительница, такая требовательная старушка, — уж и так её вертела и смя, — ответила Швабра и ещё быстрее зашуркала. — Как вы точны и наблюдательны, дорогая Касса. А кто купил Багет?

— Багет приглянулся господину в драповом пальто с портфелем. Я пробиваю, а сама смотрю и думаю: как он в него поместится.

— В господина-то?

— Да нет, в портфель. Ничего, унёс его подмышкой.

— А Сдобу кто взял?

— Сдобу-то? Эту купила молодая дама в туфельках-лодочках на острых шпильках, в кокетливой шляпке.

— Ну, а Рижский?

— Рижскому не повезло. Попал он в лапы длинному непонятному существу с проводами по всему телу, с зелено-красным ирокезом и кольцом в носу.

— Видать, любит с тмином! — засмеялась Швабра. — Вот я смотрю и думаю про этот их вечный хлебный спор — кто вкуснее, да кто свежее. Чуть не в драку лезут. Почему же согласия меж ними нет? И что спорят? Утром завтра опять выложат свежий хлеб и начнется. Кто лучше да кто важней.

— Так кто же по вашему, уважаемая Швабра?

— Я так вам скажу. Крошки от них ото всех одинаковые — пшеничные да ржаные. Все хлеб. Людскими руками на русской земле выращенный. И любви, заботы в них людьми вложено поровну. И покупают этот хлеб наши же люди. И заметьте: не в Риге, не в Париже, а в нашем родном магазине. Вот что важно, дорогая Касса!

Елена ПОТЕХИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Рождественская сказка

Жила-была девочка. И до того она была хороша собой, что родители в ней души не чаяли. Мама всегда одевала ее нарядно. А когда девочка с мамой и папой выходила на прогулку, то все знакомые так и говорили:

— Какая же красавица у вас дочка!

Родителям это очень нравилось, и они еще больше баловали своего дитя. Если девочка чего-то хотела, то начинала громко плакать, падала на пол и била ногами. Она не успокаивалась до тех пор, пока родители не исполняли ее желание.

Время шло, девочка росла. Она становилась все красивее и красивее. Она подолгу просиживала перед зеркалом и любовалась своей красотой.

Но вот однажды отец пришел с работы раньше обычного. Он тихо сказал:

— Меня уволили.

Прошел к себе в комнату и долго не выходил оттуда.

С этого дня все в доме изменилось. Отец сделался угрюмым и неразговорчивым, девочке перестали покупать красивые платья. Но она не хотела с этим смириться, кричала и обвиняла своих родителей в том, что они ее не любят. В доме участились ссоры.

Мать приходила с работы очень усталая. Теперь она не справлялась так ловко, как раньше, с домашней работой. Она просила дочку помочь ей помыть посуду или вымыть полы. Но девочка всегда ссылалась на важные дела или просто говорила:

— Сделаешь сама, не барыня. Ведь это твои дела, а не мои.

Мать вздыхала, потихоньку плакала, но не спорила.

Шли годы. Не стало отца. Он умер в больнице так же тихо, как и жил. Какая-то глупая инфекция, отек легких. После его похорон мать девочки еще больше постарела, согнулась. Но девочка, кажется, не замечала этого или делала вид, что не замечает. Она бегала к подругам, громко смеялась, так же любовалась своим отражением в зеркале. Она часто заставляла мать стоящей на коленях перед маленькой

старой иконкой в углу комнаты. Ей казалось, что мать ее сходит с ума, и она говорила ей:

— Мать, перестань валять дурака. Ты еще молодая, возьми себя в руки.

А мать все плакала и молилась.

Однажды она пришла с работы и вспомнила, что не купила хлеба. Она так устала, у нее так болела голова, что, кажется, уже не было никаких сил ни на что.

Она попросила девочку:

— Дочка, сбегай за хлебом. Для тебя это минутное дело. А я сегодня так устала.

Но девочка даже не повернула голову. Она сделала вид, что увлечена чтением и зажала уши руками.

Мать вздохнула, надела старенькое пальто и пошла на улицу. Она добрела до булочной, купила хлеба, связку баранок. Но когда возвращалась домой, то неловко ступила. Нога подвернулась и... женщина, охнув, упала на бок, подмяв под себя ногу. Страшная, нестерпимая боль охватила ее. Нога на глазах стала синеть и опухать. Прохожие вызвали скорую...

Теперь уютную квартирку наших знакомых стало не узнать. Комнаты не убраны. Кругом разбросаны книги, вещи, куда-то пропали цветы с окон. На кухне гора немытой посуды. Мать уже три недели не встает с постели. Девочка почти не бывает дома. Хорошо еще соседка сердобольная помогает, заходит покормить больную женщину.

Но вот однажды...

Но нет, буду рассказывать все по порядку.

Был вечер, удивительный вечер в канун Рождества. На улице тихо падал снег. В окнах домов горели зажженные елки, куда-то спешили прохожие. Больная мать девочки тихо лежала на своей кровати и шептала слова молитвы:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных.

Девочка листала журнал, где заграничные красавицы были укутаны в дорогие меха, блистали нарядными платьями, мечтала, мечтала...

В дверь тихо постучали. Еще... и еще, настойчивее. Девочке так не хотелось идти к двери. Она проворчала:

— Кого там еще черти несут?

И пошла открывать дверь.

На пороге стояла старушка, сухая, сгорбленная. Почему-то она была очень легко одета. Шерстяное платье и шаль. Старушка попросилась погреться. Девочка хотела прогнать ее. Она терпеть не могла нищих, но что-то ее остановило.

Она спросила:

— А кто ты такая?

— Я, — ответила старушка, — я — твоя последняя надежда. Мне многого не надо. Я посижу тихонько, выпью чашку чая и уйду. А тебе я за хлопоты заплачу. У меня есть удивительное зеркальце, в котором человек может видеть не только свое лицо, но и душу. Мне оно ни к чему. Да и не подобает старой женщине любоваться в зеркальце. А ты — вон какая красавица. Верно у тебя и душа так же хороша, как и лицо?

— Давай мне зеркальце! — сказала девочка.

— Нет, — ответила старушка. — Зеркальце я отдам, когда буду уходить. Ведь все так делают?

— А ты не обманешь? — спросила девочка.

— Нет, зачем же. Я вообще никогда никого не обманываю. Тем более сегодня, — ответила старушка и прошла в комнату.

Она обвела комнату взглядом — кровать, где лежала больная мать, стол с разбросанными журналами, грязный пол и, вздохнув, что-то прошептала очень тихо. Но мать, которая не спала и наблюдала за происходящим, вздрогнула и подняла глаза на старушку. Их взгляды встретились... и... разошлись. Но женщину охватило странное волнение, и слеза скатилась по ее щеке. Девочка повела старушку на кухню.

— Вот чайник, заварка, сахар. Пей, грейся и уходи.

Старушка поставила чайник на плиту. Через несколько минут чайник запел, тихо, по-домашнему. Старушка перемыла посуду, подмела на кухне пол. Налила себе чашку чая и начала пить. Она пила чай не спеша, с наслаждением. Она наливала чай из чашки в блюдце, дула на него и, откусив кусочек сахара, прихлебывала. Дом наполнился удивительным ароматом малины, черной смородины и еще чего-то такого знакомого, из детства. Мать попросила дочку принести для нее чашечку чая. Но девочка зло посмотрела на мать и сказала:

— Сколько можно поить тебя чаем? Я уже поила тебя сегодня. И вообще, я тебе не прислуга.

Старушка слышала слова девочки, покачала головой. Налила чашку чая и отнесла больной женщине. Потом она подошла к двери и сказала девочке:

— Пожалуй, мне уже пора уходить. В этом доме очень трудно согреться, здесь нет тепла. Вот зеркальце, которое я обещала. Возьми его. Но помни, что оно отражает не только внешность человека, но и его душу.

Девочка увидела зеркальце. Удивительной работы была эта вещь. Оно лежало на столике в прихожей, и сотни огоньков отражались от его хрустальной оправы. Оно так и играло, и просилось в руки. Она видела нечто подобное в одном богатом доме. Но там было большое зеркало. А это была изящная вещица, которую так приятно держать в руках. Ну теперь-то ее подруги лопнут от зависти. Ну и дура эта старуха, просто так отдала такую дорогую вещь. Девочка заглянула в зеркальце. На нее смотрела красавица, действительно красавица. Хрустальная оправка смотрелась, как корона на голове девочки. Девочка смотрела еще и еще, потом начала кружиться по комнате и хохотать. До чего же она хороша!

Но, что это случилось? Поверхность зеркальца покрылась какой-то дымкой, изображение исчезло. Девочка протерла глаза. Нет, нет она ничего не видит. Она подошла к лампе, здесь свет был ярче и... О, Боже, на нее смотрело мерзкое, отвратительное лицо, перекошенное злобой. Серые колючие глаза, поджатые губы. Девочка застыла от ужаса. Швырнула зеркальце, как ядовитую змею, на пол и отскочила в сторону. Что же это такое? Что за шутки? А где же эта старуха?

Девочка посмотрела на дверь, — старухи уже не было. Далеко уйти она не могла. Девочка бросилась на улицу в чем была, в одном платье. Но на улице тоже никого не было. Было тихо, снег уже не шел. Небо прояснилось, и на нем выступили звезды.

Девочка постояла немного. Она уже начинала замерзать. Потом она, как бы нехотя, повернулась и пошла домой.

С нею что-то случилось, что-то оборвалось внутри. Она лихорадочно перебирала события сегодняшнего дня, потом приход старушки и ее слова: «Я — твоя последняя надежда».

Девочка открыла дверь, вошла и как будто впервые увидела комнату. На кровати лежала больная мать. Она спала. Как провалились у нее глаза. Как она постарела. Девочка прошла в свою комнату. Увидела куклу, сидящую на кровати. Эту куклу подарил ей отец. Они покупали ее вместе в большом и красивом магазине. Девочка прижала куклу

к груди и заплакала. Слезы катились из глаз сплошным потоком, потом они перешли в рыдание.

Нет, это не была жалость к себе, это был стыд за себя, отвращение к себе, осознание всей своей мерзости и низости. Девочка не помнила, сколько она плакала. Она очнулась от того, что ей было холодно. Она лежала на полу. Рядом с нею на полу лежала ее любимая старая кукла. Девочка встала. Подошла к матери и тихо сказала:

— Мама, прости меня. Я самая плохая дочь на свете. Прости меня. У меня самая отвратительная и мерзкая душа из тех, какие только бывают у людей. Мне страшно, мама. Помоги мне. Я исправлюсь. Ты слышишь? Я больше не буду такой никогда! Ты слышишь, никогда!

А потом они долго плакали вместе. Обнимали друг друга и плакали. Мать гладила дочь по голове и шептала ей ласковые слова, те из далекого детства девочки, когда она прибегала к маме, больно ударив ногу или чего-то испугавшись.

Бедная женщина была еще очень слаба, но она была счастлива, ведь Господь услышал ее молитвы и растопил ледяное сердце дочери.

— Мама, но кто была эта старушка, которая к нам приходила? Я хотела догнать ее, но ее не было на улице, она исчезла.

Девочка села на край кровати и сжала руку матери.

— К тебе приходил твой Ангел-Хранитель. Его послал Сам Господь. Ведь сегодня Рождество.

— Мама, а давай выключим свет и посидим в темноте, помнишь, мы всегда так сидели с тобой, когда я была маленькой и не хотела спать.

— Помню.

Девочка встала, выключила свет. Она раздвинула шторы на окнах. На улице снова шел снег. Тихий, крупный снег.

Девочка и ее мать долго сидели и молча смотрели, как за окном падает снег. Им было очень хорошо вдвоем. Было тихо, спокойно и тепло.

А впереди у них была длинная-длинная жизнь.

На следующий день женщина почувствовала себя лучше, начала вставать и потихоньку ходить по комнате.

Они долго искали с дочерью зеркальце, но так и не нашли его. Оно пропало.

Любовь ШУБНАЯ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Радуга в ботинке

Нашёл ёжик Тишка в лесу разноцветный бисер. Нанизал бусинки на иголки и отправился домой. Солнышко нежно грело спинку и весело играло всеми цветами радуги.

Увидел Тишка своё отражение в ручейке:

— Какой же я красивый! Да такого красавца ни в одном лесу нет! Теперь и дружить-то не с кем. Все вокруг какие-то серые, не интересные. Поплыву в дальние страны, к заморским ёжикам.

Подтащил к воде выброшенный кем-то огромный ботинок, сел в него, как в лодочку, и поплыл.

В это время медведь малину у ручья собирал. Видит, плывет в ботинке маленькая радуга, а из-под неё выглядывает какой-то зверёк невиданный. Мишка даже присел от удивления. Позвал зайца. Заяц тоже удивился и решил:

— Побегу за радугой, посмотрю, что за зверь. Никогда в нашем лесу такого чуда не было.

Плывет Тишка в ботинке, а заяц по бережку бежит.

— Чудо, чудо, ты откуда? Как тебя зовут? — спрашивает.

— Не буду отвечать, — думает ёжик. — Пока был серым да колючим, никто чудом не называл. Поплыву молча.

За высоким дубом ручеек повернул на север. Шнурок от ботинка зацепился за камень, и ёжик причалил к берегу. Всё было удивительным — и сочная зелёная трава, и красивые цветы, и огромные нарядные жуки в чёрных и зелёных фраках.

— Вот они, дальние страны, — обрадовался Тишка. — Не то что наш скучный лес.

Ёжик бежал по узкой тропинке, а над ним кружились мотыльки и стрекозы — им нравился Тишкин наряд. Залюбовавшись яркими цветами на высоких ножках, малыш и не заметил, как путь ему преградила хитрая лиса.

— Ты что ли, ёжик? — удивилась она.

— Нет, — испуганно ответил Тишка. — Я — чудо.

— Ещё какое вкусное чудо, — облизнулась лиса. — А ты, ёжик, молодец — чехольчик на свои колючки надел, чтобы я мордочку не поранила. Такой славный ужин будет!

Она схватила Тишку и потащила в глубь леса.

— Я не хочу быть ужином! Я не вкусный! Спасите! Помогите! — пищал ёжик.

И тут из-за куста прямо на лису выскочил заяц. Рыжая плутовка от неожиданности выпустила Тишку, и он забился под огромную корягу. Лиса долго ходила вокруг, пыталась достать добычу, но ничего у неё не получилось. Убежала она в лес злющая-презлющая.

Ночью ёжика окликнул удивительно яркий светлячок.

— Эй, Тишка, пойдём домой!

— Откуда ты меня знаешь, заморский светлячок? — удивился Тишка.

— А я не заморский, я местный! Ты же в нашем лесу, просто не на той полянке, где живёшь.

— А как же красивые заморские бабочки, жуки, цветы?..

— И бабочки не заморские, и цветы, и жуки. Раньше ты их не замечал, потому что смотрел только под ноги. Пойдем быстрее, пока лиса далеко.

Светлячок проводил Тишку до самого дома.

Утром ёжик вышел на полянку, поднял голову и увидел сочную зеленую траву, яркие цветы на высоких ножках, нарядных мотыльков, жуков в блестящих модных фраках. Поздоровался с зайцем, улыбнулся соседям-ёжикам. Они были совсем не скучными и не серыми, а красивыми и добрыми. А потом попросил знакомую сороку снять с иголок весь бисер и облегчённо вздохнул:

— Как хорошо и спокойно дома! Как хорошо быть ёжиком! Не заморским...

Международная Гильдия Писателей (МГП) — это объединение творческих людей, независимо от их возраста, места проживания, национальности и вероисповедания.

Основной целью МГП является объединение творческих людей для:

- Оказания помощи начинающим писателям;
- Реализации программ в области образования, культуры и духовного развития;
- Содействия организации и проведению практических и теоретических конференций, семинаров, симпозиумов, творческих встреч и иных мероприятий, направленных на пропаганду и развитие литературы;
- Организации и проведения выставок, конкурсов, форумов, аукционов, концертов, спортивных состязаний, театральных и музыкальных постановок, лотерей и иных культурно-массовых мероприятий;
- Учреждения специальных стипендий, премий, грантов Гильдии;
- Выдвижения кандидатов на получении премий, учрежденных иными организациями и государственными органами разных стран;
- Представления членов МГП к присвоению почетных званий;
- Учреждения средств массовой информации и осуществления издательской деятельности;
- Осуществления информационной деятельности в электронных и печатных средствах массовой информации.

<http://schriftstellergilde.org>

Публицистика,
эссеистика...

Вера ПЛАТОНОВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Настоящие петербуржцы

Настоящие петербуржцы неспешны, немного меланхоличны, бледны лицом и интеллигентны той самой ленинградской интеллигентностью, которую не спутаешь ни с какой другой. Это люди особой породы, исчезающей. Терпение их возвращено в суровом климате дождей и ветров.

Тот, кто пережил блокадную зиму, способен пережить многое: кризисы, дефолты, путчи, смену властей. Спокойно, достойно, без истерик и суеты. И в почти трезвом уме дожить до глубокой старости. Когда уже умирать не страшно, а жить еще хочется. По привычке.

Никогда не забуду, как первая моя квартирная хозяйка, бабушка «божий одуванчик» лет около 90-та в белой панамке поверх седого пучка и в кримпленовом платьице с кружевным самодельным воротничком, спросила каркающим прокуренным голосом, едва я переступила порог ее дома: «Откуда вы к нам приехали, милочка? Попробую угадать...»

И угадала-таки по акцентированному «а» о моих поволжских корнях.

Можно сколько угодно шутить по этому поводу, но настоящий петербуржец опознается по речи. Ни для кого ни секрет, что в Петербурге любой даже самый темный и заплыванный подъезд с мутными окнами и расписанными нецензурностями стенами торжественно именуется парадным или парадной. Бордюры вдоль дорог носят названия загадочных «поребриков». Очищенные синюшные бройлерные цыплята на прилавках супермаркетов величаются «курами». А магазины, торгующие выпечкой — «булочными». Еще есть пышечные, часто посещаемые мною в первый год питерской жизни. И с тех пор обходимые стороной. Пышек я когда-то переела, что впрочем, никак не сказалось на моей фигуре.

Настоящие петербурженки не склонны к полноте. Хотя в отличие от голландок они не крутят педали и в большинстве своем не истязают себя диетами. И фитнес тут ни при чем. Мои подруги покупают годовой абонемент в спортзал. Исправно посещают его первые месяцы, а потом с головой уходят в работу или в новый роман, уезжают в путешествие или увлекаются йогой. Все правильно, секрет хорошей фигуры в отсутствии времени думать о фигуре.

Петербургские девушки красивы неброской, изысканной красотой. Как поется в песне «Сплина»: «длинные пальцы, узкие джинсы, шея и плечи». Джинсы и футболка или бадлон (еще одно чисто питерское слово), удобные вещи простого кроя — неизменные атрибуты одежды современных Татьян

Лариных. В Петербурге нынче правит бал модный Casual. Или не менее модный Винтаж. Если у вас не хватает денег на новинку от дорогого кутюрье, достаточно надеть мамино или лучше бабушкино платье, повесить на шею самодельные бусы и вперед в люди. В худшем случае вас обзовут фриком, а в лучшем — прослывете эталоном петербургского стиля.

Петербургские мужчины (говоря по-питерски, «молодые люди»)… мне сложно о них судить, потому что все время перед глазами муж — высокий, худощавый, глаза синие. В общем, современный Ален Делон в расцвете лет, который обожает потертые джинсы и поношенные свитера. Стоит мне не досмотреть за ним, так и норовит отправиться в любимом одеянии на работу в офис. Его друзья такие же. Приходят на вечеринку в деловом костюме, а на встречу с работодателем отправляются в одежде им одной понятной интеллектуальной марки. Ездят по выходным в деревню под названием Финляндия. И презрительно отзываются обо всех видах музыки, которую можно услышать по радио. Эстеты и снобы, раздолбаи и вечные мальчишки…

Наверное, в городе на Неве чаще, чем в других городах встречаются романтики. Даже если они маскируются под циников, практиков и метросексуалов. Петербургские романтики приходят на первое свидание с голландской розой в руках. И ведут свою даму не банально в ресторан, а в музей (благо музеев в городе по пальцам не пересчитать) или в филармонию (чтобы удостовериться, что у девушки правильный музыкальный вкус) или в театр на балет. Случается, конечно, и в кино, и в клуб, и в парк на аттракционах покататься приглашают… лишь бы дождь не пошел.

Когда в городе идет дождь. Первый день, второй, третий… у всех без исключения петербуржцев просыпается любовь к практичному черному цвету. Пика эта страсть достигает осенью.

Осень — время настоящих петербуржцев. Время проверки на выносливость для приезжих. Город отсеивает чужих, выдувает их суровыми северными ветрами через «окно в Европу». Назад к себе домой.

Если пережил осень, зиму и затяжную весну, мало чем отличающуюся от осени, то в конце мая в награду за испытания ты побываешь на грандиозном, красочном празднике в честь дня города. Черными в этот день бывают только черти. Хотя многие петербуржцы все же предпочитают костюмы ангелов.

Ангелы, как известно, водятся в поднебесье, т. е. где-то в районе крыш домов. Настоящие же петербуржцы живут не только в обычных кирпичных или панельных домах, как жители других городов. А еще в колодцах и в кораблях. О романтике петербургских домов-колодцев я расскажу Вам в следующий раз. А вот в убогой архитектуре домов-кораблей, нет ничего

романтичного: низкие потолки, крохотные комнаты и кухоньки, в которых трудно поместить обычный холодильник. В кухонные окна 600-той серии (их придумали специально для Ленинграда) удастся выглянуть, только встав на табуретку, проявляя при этом чудеса акробатики. Наверное, местные проектировщики рассчитывали, что трудности закалят жителей.

Кто-то и, правда, закалился в этом сложном, противоречивом городе. Ведь выживает сильнейший. А кто-то не выдержал нагрузки и вступил в ряды сумасшедших. Или нет. Не так громко. В ряды городских чудаков, фриков. И хотя в каждом городе чудаков хватает, настоящие петербургские чудаки — личности яркие, творческие, запоминающиеся. Да вы сами их видели. Я только напомяну.

Например, Снежка — растаманка в веселой шапочке, увлеченно, медитативно бьющая в бонго в переходе у Гостиного двора. Кажется, ей наплевать на дождь и холод. И проходя мимо нее, улавливая кожей драйв, с которым она играет, чувствуешь себя немножечко теплее.

Или экстравагантный дед с роскошной белой бородой в стиле заморского Санта Клауса и очень молодыми глазами из-за чего закрадываются сомнения в его возрасте. Его можно часто встретить на городских праздниках. В миру он — популярный ди-джей MC Вспышкин.

Или две бабушки с ярко накрашенными красными губами, голосащие в метро: «Парней так много холостых, а я люблю женатого...»

Петербуржцы давно привыкли к подобного рода развлечениям: бесплатным концертам и танцам на мостовой, кукольникам, жонглерам и прочим артистам, представления которых, особенно в центре города, рассчитаны на туристов.

Есть в этом определенная прелесть, недоступная жителям других городов: возвращаешься поздним вечером домой и слышишь звук скрипки, флейты или саксофона в переходе метро или в арке между домами. Город звучит разнообразными мелодиями, поднимающими настроение, не позволяющими унывать.

И чтобы там не говорили, настоящие петербуржцы — неисправимые оптимисты! Они самозабвенно любят свой город и не приемлют никакой критики в его адрес. Это любители приключений и рыбки корюшки по весне; патриоты, загорающие под стенами Петропавловки при температуре 5 градусов тепла в марте; сумасшедшие (а разве фанаты бывают другими?) болельщики Зенита с сине-бело-голубыми шарфиками на шеях во главе с заслуженным Д'Артаньяном страны; выпускницы Ассоли, плачущие июньскими слезами под «Алыми парусами» белых ночей; последние романтики, знающие все про развод, конечно же, мостов, и первые революционеры.

Николай ФОМЕНКО

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Художник

Сколько ни проходит времени, а все эти «Черемушки», новостройки советской эпохи, никак не могут достичь того уровня укоренения, обжитости, которая свойственна старым районам. Даже ветшая и приходя в негодность, они не теряют репутацию новодела. Так я знаю район своего города шестьдесят лет именуемый в народе «Новостройкой». Целые города умирают молодыми — так стремительно мчится время. Может быть, поэтому хочется иногда вырваться из стремнины времени и соприкоснуться с чем-нибудь устоявшимся, определенным, почувствовать связь эпох и поколений. Подобного рода мысли пришли мне в голову, когда я шел в центре Харькова по неширокой, погруженной в тень крючковатых акаций улице Пушкинской. Никаких особых архитектурных достопримечательностей, скорее наоборот, все обычно и просто, и я даже не берусь объяснить, откуда возникает ощущение живого дыхания, словно улица — это пушистая мягкая кошка, осторожно трущаяся о ногу.

На Пушкинской живет мой старый приятель, уроженец Артемовска, художник, Алексей Есюнин. Когда-то мы вместе учились в художественном училище. Потом он закончил Харьковский художественно-промышленный институт и довольно быстро стал членом Союза художников. Надо сказать, весьма заслуженно, так как работал много, а главное, всегда был в творческом поиске. Неформальное объединение молодых харьковских художников «Литера А» в начале девяностых имело успех. Рухнувший в те годы «железный занавес» открыл новые возможности. Каждый воспользовался ими по-своему. Кто-то перебрался на Запад, кто-то сосредоточился на тиражировании самого себя, кто-то откровенно ушел в бизнес. Любой выбор для природы творческой процесс болезненный и требует определенного самоограничения. Впрочем, бытует мнение, что никакого выбора и нет, и все предопределено. И все же, не подняв руки, не перекрестишься. В этой жизни нельзя уйти от ответственности. За все надо заплатить свою цену: и за успех, и за малодушие, и за упоение творчеством.

Старый пятиэтажный дом за последнее время изменился. На фасаде появились пластиковые окна, двери мерцают холодным светом надежного металла. В подъезде консьержка. И только в знакомой мне квартире на пятом этаже ничего не меняется. Даже обои, на которых в той или иной форме запечатлена история не одного десятка лет. Удивительно, но превратившийся в стройного юношу сын художника, мне кажется, тоже был таким всегда, просто я этого не замечал, настолько органично это превращение. Ну, разве мог быть у Есюнина другой сын, без этих изящных тонких рук, без темных глубоких зрачков раскосых глаз, без сдержанной неожиданной улыбки?

Часть квартиры, отведенная под мастерскую, завалена, заставлена картинами. Он уже редко пишет на холсте, иначе работы просто негде было бы хранить. А так, шестьсот картин, написанных на бумаге в Харьковском ботаническом саду, умещаются в одной картонной папке. Простое перелистывание работ заняло несколько часов. Рядом со мной еще один гость — музыкант симфонического оркестра. Крошечная зарплата делает его жизнь целиком духовной. Мы пьем дешевый кофе. Шестьсот картин ботанического сада. Экспрессия, художественный интеллект поражают. Еще больше поражает отсутствие общественного механизма, способного поддерживать людей, открывающих новые горизонты человеческого сознания. Говорим о востребованности и приходим к мысли, что если эти картины произошли, значит, их появление востребовано. Не буквально, не напрямую, не в материальном смысле. Вот! Вот где острый камень — не в материальном смысле.

Кстати, о камне. Однажды попалась Есюнину большая морская галька. Неправильный куб, обточенный со всех сторон водой. Рассматривая, увидел он в нем сначала одно, потом другое, и так, в результате, родилась тысяча изображений камня. Склеенные скотчем, листы экспонировались в Харькове на одной из выставок. Это и камень, и космос, и человеческая фантазия, и мысль. Поразительная концентрация духовной энергии. Вот только в материальном отношении — это просто камень и ворох бумаги.

— Жена устала, — говорит Есюнин, имея в виду постоянное безденежье.

Она тоже художник. Иллюстрирует детские книжки. Зайчик на одной страничке, ежик — на другой. Мягкая размывка акварелью. Поженски аккуратно, мило, и за квартиру есть чем заплатить, и на кофе «Пеле» остается. Как-то взяла для мужа заказ сделать иллюстрации к

роману «Остров сокровищ». Есюнин углубился в материал. Изучил костюмы той эпохи, экономическое и политическое положение Англии и Испании, нравы молодой английской буржуазии, конструктивные особенности кораблестроения и фортификации. Потом долго думал, как все должно выглядеть через призму сегодняшних реалий. Готовые графические листы несли в себе столько содержания, что быть иллюстрациями не могли в принципе. «Это просто какие-то фрески», — пожимали плечами в издательстве. Хорошо, что к тому времени жена сдала очередную книжку со зверушками.

Впрочем, иногда ему удастся кое-что продать. Таким же интеллектуалам, как и сам. Естественно, они бедны и платят немного. Тогда Есюнин едет в Крым. Не отдыхать, а писать. Крым его страсть. Две сотни картин, написанных в Крыму, со слов автора, не дают ему права говорить, что он постиг всю красоту, все тайны этого сказочного полуострова. Есть там что-то очень глубокое, до чего он никак не может докопаться. Несколько лет назад три десятка крымских пейзажей экспонировались в Харькове в Израильском культурном центре. Как раз накануне еврейской «Пасхи». Солнечный весенний день радовал уже сам по себе. Атмосфера же культурного центра только добавила положительных эмоций. Чисто, светло, уютно. Маленькие нарядные детки в комнатных тапочках склеивают за длинным столом какие-то украшения. В соседнем зале кто-то тихо музицирует на рояле. А на стенах картины. Оранжевое сталкивается с зеленым, красное с синим, и все это кружится, увлекая водоворотом красок вглубь холста. Устроитель выставки из лучших побуждений настаивал назвать экспозицию «Путешествие по Синаю». «Будет шанс что-то продать», — объяснял он. «Я писал в Крыму», — упрямо отвечал Есюнин. И в этом его достоинство, и его беда. Пересерьезничать, может быть, так же плохо, как и перешутить.

Между тем, он не похож на мрачного зануду. Неплохо владея гитарой, умеет увлечь своим пением, музыкальными и прочими пристрастиями.

Эти пристрастия трудно назвать случайными или неожиданными. Философия «хиппи», антибуржуазность и даже марксизм органично вытекают из реалий бытия. Марксизм, как порождение капитализма вместе с капитализмом возвращается в среду людей, лишенных собственных инстинктов. «Марксизм более актуален, чем многие думают. Надо только стряхнуть с него шелуху левацкого экстремизма», —

уверяет меня Есюнин. Вспоминаются уроки диалектики. Вряд ли марксизм грозит сознанию владельца пивной.

Опускаемся в разговоре на грешную землю. «Из-за членства в Союзе художников я даже статус безработного не могу получить. Объясняю им, что это общественная организация. “У вас индивидуальная трудовая деятельность”, — отвечают они. Но самое обидное, что я все же не лентяй, я работаю, и работаю, иной раз, как каторжный. Разве можно оправдать общество, в котором работающий человек не в состоянии прокормить семью?» Это он сгоряча, потому что лучше меня знает, что и как должен делать художник, чтобы заработать на жизнь. «В конце концов, деньги нужны не только на еду, одежду, быт и досуг. Отсутствие материала ограничивает творческие возможности. Бывает, приходишь до того, что не на чем нарисовать, не из чего сделать». «Вот если бы у меня были деньги», — улыбаюсь я, — «купил бы все твои работы». «Видимо, это звенья одной цепи, — если человеку нравятся мои картины, то у него обязательно нет денег», — так же улыбаясь, отвечает он.

В полночь нас покидает музыкант симфонического оркестра. Удивительно, но эти люди редко смотрят на часы. Может быть, они счастливые? Несмотря ни на что.

Илья КРИШТУЛ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

С меня хватит!

Всё! Больше не могу!

Я вздрагиваю, когда слышу про кишечные палочки, которые где-то постоянно находит Онищенко. У меня аллергия на красивые украинские фамилии Мутко, Тимошенко и Фурсенко с его ЕГЭ. Меня тошнит, когда произносят красивую белорусскую фамилию Лукашенко. От непонятной фамилии Навальный у меня сдают нервы, а от его имени Блоггер сдаёт всё остальное. Мне от фамилии Чичваркин так плохо не было. Когда слышу про очередной сексуальный скандал в США между 99-летним политиком и 16-летней чернокожей горничной, я бегу в аптеку за успокоительным, хотя раньше тихо завидовал. Фраза «Техосмотр надо сделать прозрачным» вгоняет меня в ступор, а слово «омбудсмен» преследует по ночам. Украинский долг за поставки газа вместо раздражения вызывает приступ астмы, а реклама средств от запора вызывает желание нагадить у Останкино. Когда слышу про грядущие честные и открытые выборы, хочется выть на луну, но луны не видно. Вместо луны висит растяжка про певца Стаса Михайлова, а на него хочется не выть. Его хочется тихо утопить, причём во время концерта. А остальные «звёзды»... Они ведь не только поют и пляшут, они ещё катаются на коньках и лошадях, женятся и разводятся, рожают где-то от кого-то детей, потом снова разводятся и снова женятся. И мелькают, мелькают, мелькают... Глаза устали. Глаза не хотят их видеть ни на сцене, ни на льду, ни на ринге. Даже голыми на лыжах глаза их видеть не хотят. Вот на лесоповале я б на них посмотрел. Вместе с их продюсерами. И что б лесоповал был настоящий, а не «Белый лебедь на пруду...».

Вот от Собчак, кстати, глаза не устали. Привыкли, видимо. И желудок привык, в смысле, что уже не тошнит. Рвёт сразу. Вчера вот два раза наткнулся в телевизоре на... извините... два раза вызывал «Скорую». Меня так от вида парикмахера Зверева без грима не рвало, как от вида Собчак в гриме.

Совершенно надоел Басков. Очень надоел Якубович. Совсем надоел Цекало. Голая Волочкова мерещится за каждым углом. Из-за Урганта разлюбил евреев. Из-за Киркорова — болгар. Из-за Галкина — людей.

Если встречу на улице Петросяна — убью. Доктора Малахова буду лечить багульником. Другого Малахова, помоложе, сначала буду лечить багульником, а только потом убью. Заодно с художником, забыл фамилию, но он везде и каждый день. Дайте ему карандаш, пусть он что-нибудь нарисует! Может, он уже не умеет! Когда слышу, как поёт Анна Семенович, у меня заклинивает мозг. Когда её вижу, атрофируются мышцы, хотя у многих наоборот. А у меня ещё со времён Жанны Фриске правая рука парализована!

Только начал отходить, пиво смог впервые за пять лет сам открыть — бац! Чья-то свадьба! Кто эти молодожёны? Почему мне про них сначала в восемь утра сказали, потом в полдевятого, потом в девять и так до вечера? По всем каналам, даже по «Евроспорту»! А я там был единственным российским зрителем чемпионата Новой Зеландии по кёрлингу! Я его три часа смотрел, думал, что это такая долгая реклама половых щёток! А мне про этих непонятных молодых... Я после свадьбы Джигурды весь седой стал, они меня добить хотят своими свадьбами... И телефон звонит: «Какую программу вы сейчас смотрите?» Уже никакую! Я выбросил телевизор после «Секса с Анфисой Чеховой»! Мне успокоительное перестало помогать!

А они дальше спрашивают: «Если б выборы были сегодня, за кого бы вы голосовали?» Милые мои, я уже пятьдесят лет голосую только за себя! И у меня в квартире, кстати, порядок, и коррупции с полицией нет, и унитаз бы работал, если б мне его не чинили ребята из «Единой России». Обещали доделать завтра, прошло четыре года, их выбрали, им не до меня. Так что в туалет хожу к соседке. От неё же узнаю день недели, погоду и последние новости про Ходорковского. Я ей устал говорить — мне всё равно, где он сидит, как и с кем! И сколько денег у него осталось, мне наплевать, потому что мне он всё равно ни копейки не отдаст, хотя и должен. У меня уже микроинсульт, а соседка в спину: «ЮКОС! МЕНАТЕП! Узники совести!» А муж её, узник печени, мне сто рублей должен. У Ходорковского и занимай, если ты его фанат! Или у этого... узника другого органа... который «Ё-мобиль» придумал и «Ё-президентом» стать хочет...

А вот от слова «Сочи» у меня даже не микроинсульт, а обширный инфаркт. Ребята, я не получил ни одного строительного подряда, недвижимости у меня там, к сожалению, нет, мне эти ваши Сочи... Знаете, где находится центр композиции статуи Давида? Вот туда и идите вместе с вашими Сочами! К тому же, как я понял, ни Кабаевой, ни Хоркиной там не будет. Так бы они на саночках с горки скатились —

всё, две медали есть. Уже лучше, чем в Думе сидеть с умным видом, который у них, кстати, не очень получается.

И последнее — оградите меня от Дика Адвоката и его банды! Пусть едут хоть в Польшу, хоть на Украину, пусть думают, что играют в футбол, но без меня. Хотя кто меня оградит... Самому ограждаться надо, уезжать. В самый дальний закуток страны, где телепрограммы плохо ловятся, а комары хорошо. Потому что телепрограмм там мало, а комаров, как звёзд в шоу-бизнесе. И вот я каждому комару имя дам и... Первого назову... Нет, пусть это останется тайной, а то другие обидятся, почему они не первые.

А здесь я не могу больше, я здесь кого-нибудь покусая. Бабкину, например, с её дикими хороводами, или вечного Лещенко с вечным Винокуром... А там, в дальнем закутке родины — тишина, птички, травка зелёная, реки чистые, люди доброжелательные... Им же персонажи типа Димы Билана на ночь песен не шепчут...

Так что — прощайте! Удачи вам, господа, и напоследок совет — не смотрите перед ужином российские телепроекты, телесериалы и — Боже упаси! — теленовости. Уж лучше почитайте старых советских газет...

Валерия ГАНСКИЙ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Хрен редьки не слаще

...Необходимо сделать обязательным для приобретения... или продления миграционного статуса экзамен по русскому языку, по истории России и русской литературе...

В. Путин. «Россия: национальный вопрос»

(«Независимая газета» 23.01.2012 г.)

«Старый хрен» — так называл себя в шутку Лев Николаевич Толстой. Но это он говорил только о себе и в своей Ясной Поляне.

Хрен — это многолетнее растение с длинным толстым корнем. Мощные корни проникают глубоко в почву до метра и более. Слово хрен тоже глубоко проникло в наш русский язык. От корня этого слова возникло множество производных, как то: хреновуха — крепкий напиток, горькая настойка, хреновина — острая приправа. Сам по себе хрен — очень полезный овощ. Корень хрена содержит углеводы, жиры, минеральные соли, а также в нем больше витамина С, чем в лимоне и апельсине. Содержащиеся в хрене эфирные масла убивают дизентерийные бактерии. Все это прекрасно, но в современном русском языке — есть слова с «хреновым» корнем, которых не найдешь ни в одном словаре, и которые не переводятся ни на один иностранный язык. Это любимое слово В. В. Путина — «хрень», взятого из простонародного сленга. В устах великого и могучего премьера и наш язык «велик и могуч», как корень вышеназванного овоща. Речь лидера — это историческое действие, и слова им сказанные должны быть действительны. А слово «хрень» — это не просто хрен в огороде, а сорняк в русской речи, тем более в устах государственного деятеля. Сорняки вырывают с корнем, так же как люди, страдающие болезнью, должны полностью исключить хрен из своей пищи. Но председатель правительства РФ не больной, а здоровый спортивный человек, и поэтому «на хрена» и «хрень» — спутники его речи, как лыжные палки, на которые он опирается, скользя с заснеженных горнолыжных вершин. Пример премьера заразителен. Неправильные обороты речи встречаются повсеместно: от школьников, учителей до высших чиновников.

«С вашей божьей помощью», — говорит губернатор премьеру.

Депутат областной Думы признается: «Говорю, как инженер, окончивший институт с красным диплом: для них это решение — то же самое, что себе отрезать одно место».

Один из губернаторов вспоминает, как он не оканчивал школу, а «заканчивал» и ему «вручают диплом».

«Знания и оценки в аттестате помогают сделать все», — вторит ему председатель областной Думы.

Министр регионального министерства культуры договорился до того, что «фестиваль проводим для того, чтобы не пропустить таланты», вопрос, сколько же талантов не пропустил такой культурный министр?

Вот еще один перл из уст главы администрации муниципалитета: «дорогу строили люди всех национальностей, в основном строители, которые так и двигались вслед за стройкой».

Даже учителя позволяют себе публичные оговорки. Доктор политологии, директор лицея гуманитарных наук: «Цепь несовместимых с нормальным поведением поступков может покатиться дальше».

Вот такая цепь нарушения стилистики русского языка приковала бывшего премьера Зубкова: «Не надо меня тут, это самое, вокруг пальца обманывать».

А поборнику русской культуры и русского языка я предлагаю заменить хрен на редьку. Тертая редька хороша со сметаной или растительным маслом. У редьки горько-сладкий острый вкус. Она возбуждает аппетит. И тогда будет не «хрень», а «редь». А Лев Толстой мечтал: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребляет слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог».

P.S. «Элементарные требования к людям, желающим жить и работать в России, является их готовность освоить нашу культуру и язык». В. Путин.

Андрей РЫЖОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Журналист, которого не было

Идеальный журналист живет в каждом человеке и никогда не проявляет себя. Это он пишет в стол фельетоны, обличительные памфлеты для такого же эфемерного идеализированного читателя, который, конечно же, с нетерпением, на грани сумасшествия ждет эти произведения. Этот читатель может жить и в будущих поколениях, которые, безусловно, еще не разучатся отливать памятники. Он работает ручкой в тишине одиночества, давая волю угнетенному духу. Его перо находится в заложниках у главного редактора или жадности, или сиюминутного тщеславия. Так кто же он, этот журналист, которого никогда никто не узнает? Какими дорогами он шел, что он желал, где заблудился и куда сгинул, этот бесславный обличитель?

Наверняка он был рожден в Псковской или Нижегородской области, где, если встать прямо и присмотреться, то ясно видны все неровности, шероховатости и отклонения от идеала вертикали российской действительности. Дальше рождаться не стоит — ты не сможешь заглянуть за линию горизонта, и со временем у тебя разовьется провинциальная близорукость.

По мнению одного ученого исследования, чтобы человек стал кандидатом в интеллигенты, в домашней библиотеке должно быть не меньше двадцати книг. Допустим, что родители собрали около ста книг, мимо которых наш герой не проходил. В начале он с почтением трепетом прикасался к обложкам, смотрел на них под разными углами. Они представляли перед ним в строгом советском костюме и при галстучке, в большинстве своем являя многотомные собрания сочинений классиков. После внешнего знакомства он приступал к изучению первых страниц с названием издательства, годом выпуска и, листая страницы, представлял себя в кресле, в очках и с умным видом. Подобным образом он завел знакомство со всеми книгами библиотеки и обрел потребность поглотить информацию, заключенную в этих коробочках. Он читал взахлеб, запоем, с усилием отрывая себя для земных дел.

Его окружали размеренные люди недалекой провинции, с неплохим образованием и отсутствием жажды перманентного обогащения. Они не работали локтями, не наступали на горло, не старались кого-то обогнать — времени было достаточно для равномерного заполнения пустых головных сосудов своих чад. Не было вокруг и удовольствий,

способных соблазнять неокрепшие души. Пороки были далеки, как далеки были столицы, но тем острее станет их восприятие, где каждое отступление от идеала детских представлений обернется соринкой в глазу, которая поневоле вызовет слезу раздражения.

В юности ему не хотелось писать, не хотелось открывать людям на что-то глаза. Казалось, все люди обладают цветным зрением. Не верилось, что процент дальтоников и близоруких зашкаливает и подпирает немыслимую цифру в девяносто процентов. Окружавший порядок вещей представлялся таким, каким и должен быть. А каким он мог бы быть, разве узнаешь, не совершив хотя бы пробный полет из своего родного гнезда?

Птенцов из инкубатора отличает болезненный вид, скромность и неконкурентоспособность в сравнении с доморощенными бройлерами. Требуется время, чтобы окрепнуть и почувствовать хотя бы внутреннюю уверенность. Предположим, эту уверенность он пытается обрести в Техническом Университете, где на его светлую голову сваливается несовершенство российского образования, хамство, взяточничество, лень и еще многие пороки, о которых он даже не подозревал. Обнаружив на ранней стадии отсутствие интереса к точным наукам, он сосредотачивается на окружающих его характерах и их взаимоотношениях. Постепенно наращивается потенциал мыслей и слов, достаточный, чтобы дать пробой при близости бумаги.

Накопленный положительный потенциал в итоге притянул его в столицу. Конечно же, он не предполагал, что притягиваются противоположности. Его влекли возможности; буйство красок жизни стегало его мысли. Для стройности жизнеописания предположим, что он получает второе высшее образование по специальности журналист. Это, как казалось, открывает ему дорогу в журналистику и к читателю, которому срочно необходима коррекция жизненной близорукости.

И вот, освоив строгие жанры написания текста или, как говорят, производства материала, он окунается в работу в региональной газетке недалекого подмосковного городка. Из материала больше всего потреблялись прорвавшиеся трубы отопления, не залатанные дороги и обманутые дольщики. К важной дате за счастье было взять интервью с заслуженным летчиком-испытателем или описать вручение парализованному ветерану автомобиля «Ока» и миллиона рублей. Журналистские расследования вели в выкопанные беспризорниками двадцатых годов землянки, выдававшиеся беспризорниками нынешними за брошенные подземные храмы старообрядцев.

Этот вектор задавал главный редактор той газетки, молодежаватого вида мужчина. Он верил в свое величие, имел важный вид начальни-

ка и мог с большой экспрессией генерировать подобные идеи, что называется, вдохновлять коллектив. Круг неподъемных тем был очерчен при первой же их встрече. За ним лежали критика местного чиновничьего аппарата и аффилированных с ним лиц. «Чтобы не сглазить», — подытоживал рисование круга главный редактор. В общем, разоблачать можно было только погоду.

Через пять лет подобная диета опротивела и стала отравлять его журналистское начало. Все больше материала стало накапливаться на жестком диске домашнего ноутбука. Тут были и громкие разоблачения российской действительности, яркие памфлеты, зарисовки природы, аналитические статьи и утопические размышления. Он писал их, используя вдохновение и всю гамму выразительных средств, факты же поставляла окружавшая его действительность. Все это было, но нужно ли оно человеку массы, в средствах информирования которого он служил? «Может быть, попробовать центральные издания? — спрашивал себя Журналист. — Они также работают с человеком массы, но на более высоком профессиональном уровне». Но не было у него связей и нетрадиционных наклонностей и, даже, соответствующего образования, то есть МГУ или МГИМО. «Оказывается, не обладая хотя бы одним из вышеперечисленных достоинств нельзя даже вступать на порог уважающего себя центрального СМИ. «Заслушав мою журналистскую родословную, кадровик обычно не заводил собеседование к обсуждению профессиональных качеств», — вспоминал впоследствии герой этого очерка.

Этим можно было закончить карьеру нашего идеального журналиста. Даже если бы ему удалось прорваться за порог, нашел бы он там себя, то есть Журналиста? Давайте пофантазируем.

Газета «Известия» помещается в сером, цвета скола известнякового карьера, здании на Пушкинской площади. Оно не пользуется косметикой — свою неказистую внешность скрывает под паранджой рекламных полотен во весь фасад. Без кокетства. Его стародевичью сущность наполняют семь прокуренных этажей советского монументализма: мраморные лестницы и фанерные коридоры с бесконечной чередой кабинетов. «Неужто во всех этих кабинетах сидят служители слова? — с восторгом вопрошал наш герой, ища нужную ему дверь. Загадочность быстро развеяли туристические конторки и консалтинговые кабинеты, через один занимавшие бывшие кельи советских журналистов.

Черные волосы, может быть, с легкой проседью, борода, очки, помятые пиджаки, сигарета в губах и отсутствующий взгляд — они переходят из кабинета в кабинет, сосредоточенно уткнувшись в исписанные листки. Этими призраками советской журналистики, идеаль-

ными журналистами в понимании нашего идеального журналиста, наполняло коридоры редакции его воображение. Конечно, он рассмотрел пару седовласых прообразов в поволоке сигаретного дыма лестничной площадки, но уже наступила эра блондинистых американоподобных гоминид, которые составляли массу и в туристических агентствах, и в редакции центральной газеты.

Обратив внимание на налет технического образования на его документах, Журналисту определили должность технического обозревателя. Он взялся обозревать с энтузиазмом и на год забыл о своем неприятии техники и людей с ней связанных. Жадно поглощал номера Science и Nature, а также жалкие в художественном и техническом плане российские газетенки псевдотехнической направленности. Главный редактор одобрял, намекая лишь, что не только успехи заграничной технической мысли следовало бы освящать. Потом через него стали ненавязчиво навязываться разные низко- и высокотехнологичные компании, желавшие, чтобы журналистский тезаурус нашего героя включал в себя название их компании и периодически выдавал это название при каждом к нему обращении.

Постепенно наносного стало больше, а индивидуального и творческого — меньше. Другие отделы насыщали описанные выше девицы, которые своей близостью к массам по возрасту, образованию и мыслям давали ежесезонный прирост урожая тиража. На полях своей деятельности они пользовались изрядным количеством неорганических удобрений и выращивали генномодифицированные культуры. А наш герой не пользовался ни удобрениями, ни модифицированной культурой, уповая лишь на чистую природу слова. Из-за низкой урожайности он и будет отстранен от центрального СМИ, чтобы вновь встать на службу к вымышленному им читателю. Тут не будет ни редакторов, ни тиражей, а будет служение в том значении, в котором его понимают фанатичные служители культов и религий.

Так можно ли быть Журналистом, оставаться самим собой, не быть проводником чьих-то интересов и излагать свои собственные мысли в современных российских СМИ? Можно ли без стартовой ступени оказаться на орбите человеческого информирования? Именно на эти вопросы ищет ответ в тишине своего склепа идеальный Журналист, которого никогда не было.

Виктор ГРИШИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Площадь Турбьерна Эгнера

«И со взрослыми, стоит им попасть в царство сказки, случаются чудеса», — говорил сказочник, известный миру как норвежский детский писатель и драматург.

Утро ненавязчиво напомнило о себе робкими лучами, пробившимися в неплотности оконных занавесок. Наступало время прогулки. Эгнер любил это время. Еще пусто на улице, сиреневая дымка ночи цеплялась за острый шпиль кирпичи, флюгеры домов обывателей.

Турбьерн Эгнер неторопливо поднимался по Норманнсгате. Он жил в красивом каменном доме, но гулять ходил по старому Кампену с древними деревянными домами. Ему хорошо думалось здесь. Турбьерн любил старый Кампен, помнил все дома. Эгнер считал их одушевленными, понимающими его мысли. Он приподнял шляпу, здороваясь с старой кирпичой, стоящей на площади. Она ответила ему тихим звоном колокола.

Площадь еще не носила имя сказочника Турбьерна Эгнера, но всегда была рада видеть его.

— Что у нас новенького? — спрашивал Турбьерн у белого деревянного здания местной церковной общины. Здесь проводились собрания различных религиозных общин, и здание считало себя умным и осведомленным.

— Все работаете? — это обращение уже к красному зданию фабрики. Здесь производили железные изделия, и фабрика очень гордилась своим пролетарским содержанием. Вот и сейчас она ответила Эгнеру сдержанным машинным гулом: дескать, не мешай работать.

Так рождались сказки, так рождалась к ним музыка. Музыка звучала всюду: в ажурных макроме кованых решеток, кружевах березовых ветвей. Он слышал, как звучит музыка, сопровождающая гулкую поступь столетий уходящего века. А на смену выходили аккорды старой трубы, висящей на стене молодцеватого дома-франта. Только Эгнер мог услышать звуки трубы и эти звуки воплотить в одной из своих сказок.

— Приветствую вас, маэстро! — на что дом надул щеки занавесок и прозвучала волшебная музыка. Гимн начинающемуся утру.

Родившись в рабочем районе, Эгнер помнил Кристианию начала века, помнил, как ей на смену пришел щеголь Осло. Он рос вместе со своим городом. Занятия скульптурой, живописью у знаменитого Пьера Крога влияли на юного Турбьерна. Он видел то, что не мог увидеть обыватель. Еще в студенчестве он начал писать пьесы, ставить постановки. Затем повернулся к сказке. Но к сказке не старых собирателей народных сказаний Асбьернсона и Му, а к сказке новой, родившейся на городских улицах Осло.

Ему было немного грустно, что сказочные герои его детства: тролли, ниссены, хюльдры покинули города вместе с веком минувшим. Ниссенам не нравились многоэтажки и отсутствие каминов, дымоходов. На их месте появились Кариесы и Бактериусы. Но на этом сказка улиц не закончилась. Она из народной превратилась в городскую. С вполне современными героями. Эгнер создаёт целые волшебные миры — такие, как лес Ёлки-на-горке и город Кардамон. В этом городе царит идиллия. Даже самые неприглядные персонажи — разбойники Еспер, Каспер и Юнатан — выглядят не такими уж странными и дурными. Они поддаются перевоспитанию. Закон Кардамона прост: «Не поступай во вред другим, будь порядочным и добрым, а в остальном делай, что хочешь!»

Потом в сказку пришла музыка, авторская песня. Герои сказок запели. Услышав знакомый голос сказочника, дети бежали с улиц и рассаживались возле радиоприемников и слушали.

О чем думал этот немолодой человек во время утренней прогулки? Ему выпало нелегкое призвание, призвание сочинять сказки и служить детям. Он шел по улицам Кампена и ждал. Ждал необычного. Необычное, которое может возникнуть из ничего. Как у Андерсена. Эгнер помнил слова великого маэстро сказки: «Он находит поэзию там, где другие едва осмеливаются искать ее — в предметах, которые считают некрасивыми; на чердаке, где ель лежит в обществе крыс и мышей; в мусорном ведре, куда служанка выбросила пару старых воротничков и т. д.». Это необычное называется вдохновением. Оно может прийти когда и где угодно: в комнате, на кухне, на улице. Нужно только уметь видеть и ждать. Оно обязательно придет.

Так уж устроен мир, что видеть что-то нестандартное, неподдающееся обычному человеческому взгляду дано не всем. Художник пре-

красно понимал, что это удел не каждого человека. Но уж если тебе выпал этот удел, то будь добр отрабатывать его также добросовестно, как и те люди, которые сейчас спешат на свои рабочие места.

Турбьерн, видя начавшуюся суету на основных улицах, свернул в тихие переулки Кампена. Его внимание привлек маленький дворик. Типичный дворик Кампена, которые он помнил со времен своего детства. Огромные березы, немые свидетели ушедшего века, заботливо прикрыли дома своими ветками, и дворик утонул в сетке дробящихся солнечных зайчиков. Лучи солнца, как туго натянутые гитарные струны, пронзили грифы деревянных лестниц, оплетающих дома, проникали в окна. Вновь в ушах зазвучала музыка. Она звучала в этом тихом дворе неслышная для обывателей, но такая чистая и ясная для музыканта. Художник стоял, очарованный этим видением, чудным сплетением света, музыки наступающего утра. В голове рождался новый сценарий.

— Мама, а ты мне считаешь книжку? — раздался детский голос. Это маленькая девочка спрашивала маму, закрывающую замок двери. Мама и дочка собирались идти каждая по своим делам. Мама — на работу, девочка — в садик. Мама торопилась, а замок не желал закрываться. — Мама, ты мне считаешь книжку? — снова переспросила девочка торопящуюся маму.

— Какую? — мама справилась с непослушным замком и поправила волосы. — О какой книге ты говоришь? — переспросила она дочь, беря ее за руку.

— Про мальчика. У него еще очень смешное имя.

— Какое имя?

— Ой! Я забыла. — Девочка наморщила лобик, но имя вылетело из ее светлой головки.

— А ты вспомни, что мы читали вчера, и имя выплывет само собой, — подсказала мама.

Девочка от усердия даже попрыгала на одной ножке. Не помогло.

— Ула... — подсказала мама.

— Ула-Ула! — радостно закричала девочка. — Вспомнила! Конечно же, Ула-Ула!

— А как называется книга? — задала вопрос мама.

— Книга... про шмелей что-то... — снова напряглась девочка. — И про детей.

— Дети... на... — стала подсказывать мама.

— Знаю! Знаю! — снова запрыгала девочка. — Дети на Шмелиной

улице. — Она забежала вперед и для убедительности заглянула маме в лицо.

— Правильно! — улыбнулась мама. — Дети на Шмелиной улице.

— Вот здорово! — радовалась девочка.

Турбьерн вздрогнул. Это же была его книга. Книга «Дети на Шмелиной улице». Он ее давно написал. Очень давно, а она живет. Ее читают. Волнение охватило писателя. Он судорожно проглотил комок в горле. Мама и девочка, оживленно вспоминая события книжки, шли по улице. Турбьерн спохватился, что стоит столбом на улице, вызывая удивление прохожих. Он ускорил шаги и догнал веселую пару. Они продолжали разговаривать.

— Хорошо, — сказала мама, — ты все запомнила. А кто написал эту книгу?

— Не знаю, — просто сказала девочка. Она пришла в прекрасное настроение, и кто написал замечательную книгу «Дети на Шмелиной улице» ее как-то не заинтересовало. Но мама решила проявить педагогический дар.

— Нет, ты привыкай запоминать и авторов, кто написал книги, — сказала она, — в школе это тебе пригодится.

— Мама, я правда не помню. — Сдалась, поскуцнев, девочка.

— Эту книгу написал известный норвежский писатель Турбьерн Эгнер, — сдалась мама. — Он написал много детских книг, сочиняет детские песенки и сам поет их.

— Как интересно! — снова воскликнула девочка и замахала руками.

— А когда мы прочитаем «Дети на Шмелиной улице», — продолжала мама, — мы пойдем в библиотеку и возьмем другие книги, которые написал этот писатель.

— Какие? — последовал вопрос.

— Мы возьмем книгу про двух вредных существ Кариуса и Бактериуса, — сказала мама. — Они живут в зубах и разрушают их, если их не выгнать.

— А как их выгнать? — удивилась девочка.

— Очень просто: нужно чистить зубы. Обязательно два раза в день, — строго сказала мама и посмотрела на дочку.

Та заметно поскуцнела. Реакция девочки развеселила Эгнера. Ему ли, отцу четырех детей, не знать проблемы чистки зубов у детей!

А мама рассказывала девочке, что ей читала эту книгу ее мама, когда она была маленькой девочкой.

— Как я? — спросила дочка.

— Как ты, конечно, — подтвердила мама.

— А твоя мама — это моя бабушка? — уточнила девочка на всякий случай.

Мама согласно кивнула головой. Эгнер шел сзади и думал. Он думал в этот миг — этот уже поживший на белом свете человек, оставивший миру в наследство сказки, постановки, музыкальные пьески. Он любил детей и служил им. И люди его помнили. Что может быть дороже для писателя, чем память, любовь к его творчеству.

— Мама, мама! А где живет этот писатель? — задергала за руки мамы девочка.

Мама отвлеклась от воспоминаний той поры, когда она была маленькой девочкой, и очень просто сказала:

— Как где? На соседней улице.

Девочка удивленно смотрела на нее. Как! Так просто! Писатель живет на соседней улице? Мудрая мама поняла, что творится сейчас в голове у ребенка. Она посмотрела на часы, на девочку и сказала, что, если они пойдут быстрее, то пройдут по улице, где стоит дом писателя, и, может быть, с ним встретятся. Она слышала, что Кампен любимое место прогулок известного сказочника, и он часто гуляет утром. Девочка взяла маму за руку, и они быстро пошли.

Турбьерну Эгнеру очень хотелось окликнуть их, поговорить с ними, но он знал, что тогда разрушится сказка, в которой сейчас очутилась девочка. «Пусть дольше верит в чудеса, — решил сказочник». Он окончательно пришел в отличное расположение духа и бодро пошел на свою Норманнigate завтракать.

Наталья КРОФТС

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

«Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен»

«Что происходит на свете?»

Самое первое воспоминание: с потрескивающего черно-белого экрана неслись неспешные слова:

*Я медленно учился жить.
Ученье трудно мне давалось.
К тому же часто удавалось
урок на после отложить.*

Невысокий человек читает стихи. Кабинет, на столе — стопки книг... Запомнилась эта неспешность, эта певучесть, эта спокойная мудрость — и грустная, как падающий кленовый лист, фамилия: Левитанский.

Хотя, нет. Сначала были песни: фильм «Москва слезам не верит», пикник в роще, затеянный предприимчивым Гошей. А за кадром — прозрачный кружащийся вальс и хрустальный голос Татьяны Никитиной спрашивает: «Что происходит на свете?» Так многие, сами того не зная, впервые знакомились с поэзией Юрия Левитанского.

«Всего-то надо, что взглядеться, боже мой!»

*Всего и надо, что взглядеться, — боже мой,
всего и дела, что внимательно взглядеться, —
и не уйдешь, и некуда уже не деться
от этих глаз, от их внезапной глубины.*

О Левитанском многие его современники слышали в 1963 году. И мало кто знает, что к тому времени поэт публиковался уже без малого три десятилетия: в середине 30-х годов в донбасских газетах впервые появились стихи семиклассника Юры Левитанского. И вот в 1938 году мальчик-выпускник приезжает в Москву и поступает в один из лучших литературных институтов. Его родной ИФЛИ подарил русской литературе Д. Самойлова, А. Твардовского, С. Гудзенко... Но только доучиться студент Левитанский не успел: летом, когда он сдавал экзамены за третий курс, началась война. Вообще-то, ему фронт не грозил: студенты освобождались от воинской повинности. Но Юрий Да-

выдович в июле 1941 года ушёл на войну добровольцем, не представляя, что покидает Москву на много-много лет:

Я был самым младшим, у меня даже кличка была Малец. Мы уходили воевать, строем пели антифашистские песни, уверенные, что немецкий рабочий класс, как нас учили, протянет братскую руку, и осенью мы с победой вернемся домой. Подумаешь, делов-то! Войну мы начали в 1941-м, под Москвой. Сейчас при одной мысли о том, чтобы лечь на снег, становится страшно, но тогда мы лежали в снегах рядом с Семеном Гудзенко: два номера пулеметного расчета.

Два номера, впаянные в лёд. Напарник Семен Гудзенко умер от ран в 1953 году, через 12 лет после тех снегов, но от него остались леденящие, яростные строки:

*Будь проклят сорок первый год,
и вмёрзшая в снега пехота.*

Те, кто слышали, как читал это стихотворение В. С. Высоцкий, могут понять тот — до дрожи в душе и мурашек по спине — ужас, кроющийся за такими простыми словами Юрия Давыдовича: *мы лежали в снегах.*

А сам Левитанский написал ещё более известное:

*Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед —
я в нем, как мушка в янтаре.*

Победу Юрий Давыдович встретил в Чехословакии, но на этом война для него не закончилась: летом 1945г лейтенанта Левитанского перебросили воевать в Маньчжурию. *Мне еще предстояла та небольшая, та негромкая война с японцами, с Квантунской их армией в Маньчжурии, форсирование хребтов Большого Хингана,* — скажет он позже. Но через несколько месяцев Юрия Давыдовича переводят в Иркутск, где в 1947 году ему, наконец, удаётся демобилизоваться.

А пока солдат Юрий Левитанский освобождал от фашистов Россию, Украину, Бессарабию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, литератор Левитанский не прекращал работы. Начав корреспондентом дивизионной газеты, с 1942 года он печатается в газете 53-й армии, а с 1943 года — в центральных периодических изданиях («Смена», «Знамя»,

«Огонек», и др.). И, наконец, после демобилизации выходит первый поэтический сборник Левитанского, «Солдатская дорога» (1948 г.).

Но Юрий Давыдович не остался в рамках типичного «поэта-фронтовика», с годами всё более отделяясь от войны — и этой, и многих других:

Я давно все зачеркнул. Войну и эту тему для себя лично. Я люблю Европу, Вену, Прагу... Когда в Прагу вошли в 1968-м советские танки, я просто плакал...

Закрыв «военную страничку», Юрий Давыдович становится заведующим литературной частью иркутского Театра музыкальной комедии. В Иркутске выйдут ещё три сборника Левитанского, а с 1952 года издавать книги поэта начинают и в Москве. Потом был успех сборника «Земное небо», переезд в Москву, новые сборники стихов, переводы, дети, неожиданная любовь. Но всё то, чем поэт хотел поделиться, написано в его стихах. *«Всего и надо, что взглядеться»...*

«Музыка моя, слова»

Стихи Левитанского «разобрали» на песни: они звучат с пластинок Никитиных, Берковского, и многих других. Да Юрий Давыдович и сам пел свою «Кепочку», хотя к песенной славе относился слегка скептически: *Мне это приятно — не более того. Это более легкий, что ли, способ, понимаете? Для поэта, все-таки, немножко обидный. Хорошо бы узнать: помнят ли стихи, а песню — каждый запомнит.*

Помнят. Потому, что в поэзии Левитанского вместе с музыкой живет созвучная с нею мудрость. Мудрость, не вгоняемая в рамки чьих-то канонов, тем и ярлыков.

Один журналист, придя к нему брать интервью, попросил: давайте обозначим круг тем, главных идей вашего творчества. Левитанский печально вздохнул:

— Дорогой мой, у поэзии и у любви круга нет...

В кругу было не удержать: не только в кругу тем, но и в кругу слова. Стихи вырывались в песни, а сам поэт — в живопись, в работы по дереву. И работы выходили такие же яркие и непредсказуемые, как стихи.

*...И руки мои потянулись к бумаге и краскам,
Как руки голодного тянутся к черствому хлебу.*

«Долой Рафаэля! Да здравствует заяц!»

У Юрия Давыдовича было отличное чувство юмора. Как-то в интервью, говоря о лозунговой уже фразе Е. Евтушенко «поэт в России — больше чем поэт», Левитанский сказал: *Евтушенко, начертав sacramентальную фразу, едва ли осознал, что в российской психологии, привычке, традиции принято все измерять преувеличенными масштабами. Я даже как-то предложил игру — вместо слова «поэт» в этой фразе подставлять любое другое: «обед в России — больше, чем обед» (дует, совет — можно играть до бесконечности)...*

И, подстрекаемая этим по-мальчишески бесшабашным чувством юмора, у поэта из-под пера — не вышла — вышмыгнула книга, в известной степени для него самого неожиданная. Написал Юрий Левитанский несколько пародий на своих коллег, исключительно для внутреннего употребления и издавать их не собирался. Но эти же самые коллеги настояли, чтобы пародии были обнародованы. *Не может не вспомнить сегодня автор, — писал Левитанский, — и дружеских тех вечеров и застолий, где так часто к нему обращалось мягко требовательное приказанье Светлова прочитать, как он называл это, «злойный пасквиль против меня.* Так в 1978 году увидел свет «Сюжет с вариантами». Сюжет — трагические события из известной детской считалочки «Вышел зайчик погулять». Варианты — дружеские пародии Левитанского на голоса современных поэтов:

Фиеста феерий!

Фатальная зависть!

Долой Рафаэля!

Да здравствует заяц!

(из поэмы А. Вознесенского «Треугольные уши»)

Но вместе с таким откровенным хулиганством Юрий Давыдович написал и много серьезных стихов-посвящений собратьям по перу, и среди них — яркое, саднящее посвящение Чехову:

Я тоже уеду туда,

к тем розам,

к березе и к вербе.

Ich sterbe,

ich sterbe,

ich sterbe —

и это уже навсегда.

«Дон Жуан идёт в монахи»

*И мы уходим в переводы,
идем в киргизы и казахи,
как под песок уходят воды,
как Дон Жуан идет в монахи.*

В сборнике «Когда-нибудь после меня», первой посмертной книге Левитанского, есть раздел «Близкие ритмы». Это — переводы с португальского, немецкого, чешского и других языков. Юрий Давыдович немало переводил, работая с подстрочника: переводы были нужны, поскольку с собственной поэзии прокормиться было трудно:

*И вот певец недоедает.
Не ест жиры и углеводы.
Потом ему надоедает,
и он уходит в переводы.*

Но вот что поразительно: работая с подстрочниками, с неизвестными языками, отрабатывая «подёнку», Юрий Давыдович переводил замечательно. Редакторы знали, что <> хорошие (в оригинале) стихи в переводе Левитанского станут очень хорошими. И спустя годы мы с удовольствием читаем строки, некогда венгерские, а теперь — «Левитанские»:

*Ах, поросенок, бедный мой,
тебя мы слопали зимой...*

«И всё-таки, мне повезло»

*Мне дружбу дарили друзья,
и женщины нежно любили.
Меня на войне не убили,
мне даже и тут повезло.*

Но война догнала поэта. Человек, видевший кровь и смерть, не мог спокойно смотреть на чеченскую трагедию. Получая Государственную премию России в 1995 году, Юрий Давыдович, вместо того, чтобы растрогано благодарить власть имущих, сказал присутствующим здесь же Президенту и руководству:

Мысль о том, что опять людей убивают как бы с моего молчаливого согласия — эта мысль для меня воистину невыносима. За моими плечами четыре года той большой войны, и еще маленькая война с японцами, и еще многое другое — думаю, что я имею право сказать об этом.

Прошло несколько месяцев. Спустя три дня после своего 74-летия Юрий Давыдович выступал против войны в Чечне за «круглым столом» интеллигенции в мэрии Москвы. И сердце не выдержало. 25 января 1996г Юрия Давыдовича Левитанского не стало.

Хоронили Юрия Давыдовича 28 января 1996 года. В тот самый день, когда в Нью-Йорке остановилось сердце ещё одного Поэта.

К плакавшей по ночам вдове пришла соседка: *я слышу, как ты плачешь, я хочу тебе сказать, у нас в деревне говорили, что за такой смертью в очереди настоишься, не плачь, смерть, как у него, лучше не бывает.*

Я видел вселенское зло.

Я всякого видел немало.

Игнуло меня, и ломало,

И ВСЕ-ТАКИ МНЕ ПОВЕЗЛО.

Луч надежды

Ирина БУРЦЕВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Es blühten auch die Kastanien

Es ist Mitte April, acht Uhr morgens. Ich gehe in Berlin die Bismarckstrasse entlang, stelle den Player an und schotte mich von den Außenwelt ab — ich habe noch zwanzig Minuten Fußweg vor mir. Von der Seite betrachte ich die Schönheit der Natur. Einige Bäume blühen bereits, andere haben schon junge Blätter hervorgebracht. Plötzlich fällt mein Blick auf eine meinem Herzen so teure und vertraute Kastanie — konzentriert betrachte ich die winzigen Zapfen, die bald in den Farben Weiß, gelb und Rosa aufflammen werden.

Auch damals blühten die Kastanien, die Natur stand in voller Blüte, die Menschen bereiteten sich auf die Feiertage vor, und nichts, absolut überhaupt nichts kündigte die Katastrophe an, die am 26. April 1986 über die Menschheit hereinbrechen sollte — der Unfall im Atomkraftwerk Tschernobyl.

An was erinnerte ich mich, denke ich an damals, an die Zeit vor 25 Jahren? An nichts, weil ich erst danach geboren wurde, nichtsdestotrotz in diesem unglückseligen Jahr 1986. Im Gedächtnis unserer Generation geblieben sind der schlechte Ruf Tschernobyls sowie eine riesige Menge an Radioaktivität, über die niemand etwas Genaues wusste.

Oft bitte ich meine Eltern: „Erzählt mir von Tschernobyl.“ Mein Vater antwortet ständig ein und dasselbe: dass er zu dieser Zeit seinen Wehrdienst ableistete, weit entfernt vom Ort der Tragödie. Dennoch erinnert er sich noch gut daran, wie ganze Einheiten von Soldaten abkommandiert und eilends dafür abgestellt wurden, die Pionierlager in Ordnung zu bringen — für die Kinder aus der Tschernobylzone.

Mama erinnert sich nur ungern an 1986 — für uns war das ein schweres Jahr, ehe ich ganz auf die Welt kam. Nach der Tragödie und den Maifeiertagen (in unserem Land feiern wir den 1. Mai und den „Tag des Sieges“ am 9. Mai) musste meine Mutter, die schon mit mir schwanger war, meine Großmutter aus Kiew abholen. Sie lag dort nach einer Operation im Krankenhaus. Die Fahrkarte dorthin, Lugansk-Kiew, hatten ihr Bekannte besorgt, aber für die Rückfahrt nach Lugansk gab es keine Tickets. Also brachte wiederum eine Bekannte meine Mutter zu der Schaffnerin des Zuges. Diese erklärte sich bereit zu helfen, ging zum Bahnhof und kaufte zwei Fahrkarten für sich.

Die Plätze waren schrecklich, es waren die oberen Pritschen im Schlafwagen. So wurde die Fahrt anstrengend, wurde mir erzählt. In der Nacht bekam die Großmutter Durts, und Mama ging in den Restaurantwagen, um Wasser zu kaufen. Als sie so durch die Waggons lief, war sie überrascht: Nirgends gab es einen freien Platz, die Leute saßen sogar auf dem Boden. Nur ein Waggon war vollkommen leer — nicht eine einzige Menschenseele war in ihm. Der ansonsten überfüllten Waggons wegen blieb ihr dieses „Phantom“ immer im Gedächtnis. Für wem war dieser Wagen bestimmt? War er für Menschen zur Verfügung gestellt worden, die man aus der Zone evakuiert hatte?

Was passierte eigentlich damals? Die Menschen kannten die Wahrheit nicht. Man sagte nur, etwas sei geschehen: eine Explosion oder ein Brand im Atomkraftwerk. Damals hatte der Normalbürger nur eine vage Vorstellung davon, wodurch sich ein Atomkraft — von einem Elektrizitätswerk unterscheidet. Klar war nur: etwas geht vor sich, und zwar etwas Ungutes. Und so wurden Massen (freiwillig oder mit Zwang) von Liquidatoreneinheiten vorbereitet — von Menschen, die helfen sollten, die Folgen des Unglücks zu beseitigen.

Mein Patenonkel arbeitete zu jener Zeit als Fahrer bei der Miliz. Fast seine ganze Einheit wurde sofort nach Kiew geschickt. Dort arbeitete er im Stab, er selbst hatte keinen Passierschein für die isolierte Zone. Mit einem Zittern in der Stimme erinnert sich mein Patenonkel noch heute an die düsteren Gesichter der körperlich erschöpften Jungs, wenn sie, einer nach dem anderen, aus der Zone zurückkehrten.

Gut im Gedächtnis ist mir noch meine Physiklehrerin Swetlana Nikolajewna Fetisowa, deren Mann alsbald nach den Ereignissen im AKW Tschernobyl an Krebs gestorben war. Er war Atomphysiker und wurde gleich nach der Tragödie zum Katastrophenreaktor geschickt, um das Ausmaß des Unglücks zu untersuchen. Die Ausrüstung, mit der er ankam, hielt den Belastungen nicht stand. Die Messgeräte schlugen weit jenseits des Grenzbereichs aus. Dort hätten sich überhaupt keine Menschen aufhalten dürfen. Dem Atomphysiker wurde nachgelegt, vernünftig zu sein und niemanden in Einzelheiten einzuweihen. Um jegliche Panik zu vermeiden, verbot man ihm und seiner Familie, Lugansk zu verlassen.

Als unsere Lehrerin uns davon erzählte, waren wir noch zu klein, um ihre Wort allzu ernst zu nehmen. Seit dem Unglück waren 15 Jahre vergangen — Tschernobyl erschien uns wie eine schreckliche Erinnerung aus unserer Kindheit, nicht mehr. Und auch nur deshalb, weil eine unserer Mitschüle-

rinnen, Sweta Powarenkowa, jedes Mal weinte, wenn sie das Wort „Tschernobyl“ hörte. Ihr Vater war sehr jung vor ein paar Jahren gestorben, er war einer von ihnen — den Liquidatoren. Deshalb war Sweta die Einzige aus unserer Klasse, die jedes Jahr im Sommer nach Spanien in eine Gastfamilie fahren durfte — weil ihr Vater ein Liquidator war, galt sie als „Tschernobyl-Kind“.

Vor kurzem wurde in Berlin eine Ausstellung eröffnet, die dem 25. Jahrestag des Unglücks im Atomkraftwerk Tschernobyl gewidmet ist. Dort trat auch ein Liquidator auf, Wladimir Usatenko. Er war verblüfft, als Journalisten ihm folgende Frage stellten: „Konnte man sich auch weigern, als Liquidator nach Tschernobyl zu gehen?“ „Man konnte“, lautete die Antwort, „dort dazu war es zunächst notwendig, sein Parteibuch zurückzugeben.“ Ja, das hätte jedoch bedeutet, dass fort — an im Leben alle Türen verschlossen bleiben werden.

Die Todeszone ist heutzutage zu einem populären Ort geworden — Touristen reisen dorthin — ungeachtet des hohen Preises solcher Exkursionen. Tschernobyl, das ist ein Ort für Extremtourismus. Zum Pflichtprogramm gehört auch der Besuch einer Schule, wo auf einer Tafel mit Kreide geschrieben steht: „Es gibt keine Rückkehr. Verabschiede dich, Pripjat. 28. April 1986.“ Die Besichtigung eines Kindergartens, wo ein Tourist einem alten Plüschbären eine Gasmaskе aufgesetzt hat; das abendliche Zusammensein mit einem der freiwilligen Tschernobyl-Rückkehrer, der den Gästen freudig Selbstgebranntes anbietet; und der Besuch der örtlichen Kirche, wo kein einziger Apparat auch nur die kleinste Spur von Radioaktivität anzeigt.

Wahrscheinlich ist dieses alles der Grund dafür, dass man bei der Ukraine nicht als Erstes an die Gebrüder Klitschko, den Fußballer Andrei Schewtschenko oder die Eurovisionssiegerin Ruslana denkt, sondern klar und deutlich an das, was sich auf ewig in das Gedächtnis der anderen Völker eingebrannt hat: „Die Ukraine, das ist Tschernobyl.“

Ich frage meine Mutter: „Wenn du damals, 1986, die ganze Wahrheit über Tschernobyl gekannt hättest, hättest du mich dann trotzdem auf die Welt gebracht?“ Mama zögert mit der Antwort: „Weißt du, jeder Mensch verdrängt das Schlechte auf seine Art und Weise. Wahrscheinlich war es besser, dass wir so wenig wussten. Sonst wäre ich aus Angst um dich wohl einfach verrückt geworden.“

Лев КАЗАРНОВСКИЙ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

*„Das Vorherseh'n bleibt uns versagt“
(F. Tjutschew)*

Prophet, der Träumer, ungewollt,
schwimmt wie im Meer, in Zukunftswogen,
den Schmerz vorahnend, kummervoll,
sich Schicksalsschläge zugezogen.

Er sieht der Welten Untergang,
entlang der Lebenszeilen gleitend,
da er nicht aufheben kann
vom Schicksal stammende Entscheide.

Unendlich drehen sich im Kreis
die alten Bilder — immer wieder:
Die nächste „Kursk“ versinkt im Eis,
man reißt die Monumente nieder.

Was ist das für `ne Schattenkraft,
die keine Tränen um die Opfer
vergießt und ihm das offenbart,
was wir zu sehen nicht erhoffen?

Ich kann dem vorbekannten Los,
dem mächtiger Gewalten Wollen
so leichten Herzens und getrost
noch keine Anerkennung zollen.

Es ist ja möglich, Schritt für Schritt,
den Traumknäuel zu entwirren.
Das Allerwichtigste: Es gibt
nichts Plötzliches unter Gestirnen!

Des Feuerbogens Horror bringt
Zerstörungen — zu aller Zeiten —
sowie Gewitter, bösen Wind —
und alles lässt sich prophezeien.

Das schroffe Handausrutschen, auch
das bitter Wort im Zorn, die Herbe —
man lässt den Jahren freien Lauf
tief im Gewühl der Menschennerven.

Und der Prophet? Was kann er mehr,
ein Spieler mit Visier der Mystik.
Die Endstation sieht man vorher,
wenn man zum Anfang kommen müsste.

Vor Zeiten fing ich auch an
den Wettlauf um die falschen Preise,
ohne dem Nächsten dann und wann
Respekt und Wärme zu erweisen.

Da ich dem Zweifel immer wich,
konnt' ich in Alltagshektik jeden
verletzen. Nun kann auch ich
des Gesterns Rache selbst erleben.

Ogleich mein Puls noch kräftig schlägt,
obgleich mein Körper noch nicht altert,
geh' ich ja meinen letzten Weg
jahrzehntelang, und immer weiter.

Für Tag der Schand', für Siegestag
kommt die Vergeltung — hier, auf Erden.
Das Vorherseh'n bleibt uns versagt,
wann das Urteil vollzogen werde.

Марина ЛАМБЕРТЦ-СИМОНОВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

11 September

Mein Vater könnte es nicht begreifen,
 Wie kommt`s dazu?
 Fast 60 Jahre nach dem Krieg — fließt Blut
 Von Tausenden Terrorismus-Opfer
 durch Asphalt und Steine...

Mein Vater hat vorm Fernsehen geweint —
 Selbst ein Kriegsoffer, hat er wie
 Durch ein Wunder, Todeslager überlebt,
 Im Herzen tief verwundet, wollte er nur
 Eines: dies vergessen, was Kriege
 Bringen: Trauer und Blut...

Er hat dies fast geschafft — fast, bis zum dem
 Tag — September, elfter...
 September, Elfster — Jahr danach — Gedenk-Tag
 an Terrorismus-Opfer:
 Er ist gestorben — an diesem Tag...
 Ich könnte nicht begreifen:
 Warum sein Herz zu schlagen aufhörte
 An diesem Tag gerade...
 Doch jetzt verstehe ich sein Testament:
 Wenn er das Böse nicht bekämpfen konnte,
 Dann wollte er dabei mi und unter denen
 sein,
 Die Leid erfahren hatten, so wie er...
 Sein Testament für mich, das soll ich
 Respektieren.
 Das gibt mir Trost...

Екатерина СЕЛЮК

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

„Fliederne Liebesschmerzen“

Doch die Meisten sind — aus Pappe und Gold,
Bräunlich, zerknittert, glänzend...
Es hagelt — Gefühle. Es läuft. Es — rollt.
Es — geht — an Gedankengrenzen.

Nur die Wenigsten — singen marschierend — eins:
Liebliches. Schrilles... Herzen —
Pumpen: entfesselt, entsetzt, entgleist —
Fliederne — Liebes — Schmerzen.

„Akut?“

Akut? Oder — aktuell?
Das wage ich zu bezweifeln.
Ich — wiege mich — ins Verzweifeln,
Bewege dich — zum — Appell.

Das „Sein“? Oder das — „Nicht sein“?
Wir strampeln — umher. Wir — stehlen.
Wir maggeln mit unseren Seelen.
Wir betteln — um Lust und Pein.

Akut?.. Oder — ominös?
Bedeutsam? Begeistert? Sterbend?
Wir — rieseln — wie Schnee. Wir — scherbeln —
Ins Nichts. Unvergänglich. Groß.

Елизавета СУБАШИ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Ich verliere mich in deinen Augen
 Wie in der Tiefe des Waldes verliere ich mich
 Ich versenke mich in deinen Augen
 Das Eis schmelzt dahin, weil dein Blick

Geht durch mich, wie ein Sonnenstrahl durch das Fenster
 Durch mein Fenster, von Schauern verdeckt
 Mein Blick kreist durch die Adern und Venen
 Ich habe Eden für mich entdeckt

Ich tauche ins Meer deiner Seele
 In diesem Meer verschwinden meine Sorgen
 Du bist das Kunststück, das ich jeden Tag ansehe
 Ich kenne dich, doch dein Geheimnis bleibt verborgen

Ich löse mich in deinen Augen auf, wie das Salz im Wasser
 Ich möchte nicht und kann nicht widerstehen
 Lass uns im Bostonrhythmus durch das Leben tanzen
 Ich habe in deinen Augen den Sonnenaufgang gesehen

Ich verliere mich in deinen Augen
 Wer hat denn dieses Meisterwerk erschaffen?
 Sie sind Gottes Schöpfung, deine Augen
 Ich könnte pausenlos in deine Augen schauen

Конкурс «Ее величество книга!»

Цель конкурса

Поддержка самостоятельных авторов и малого книгоиздания в России и за рубежом, поощрение лучших образцов книжного искусства.

На конкурс выдвигаются книги, вышедшие в свет в период с 1 января по 31 декабря текущего года. Издания принимаются с 15 сентября по 15 февраля включительно.

В состав жюри конкурса входят ведущие российские и европейские литературоведы, критики, художники-иллюстраторы, графики, сотрудники издательств. Жюри учитывает содержание книги, ее оформление (иллюстрации, дизайн), редакторскую работу.

<http://schriftstellergilde.org/>

Вернисаж

Алексей КУЗНЕЦОВ

ЧЛЕН ЖЮРИ-2012, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

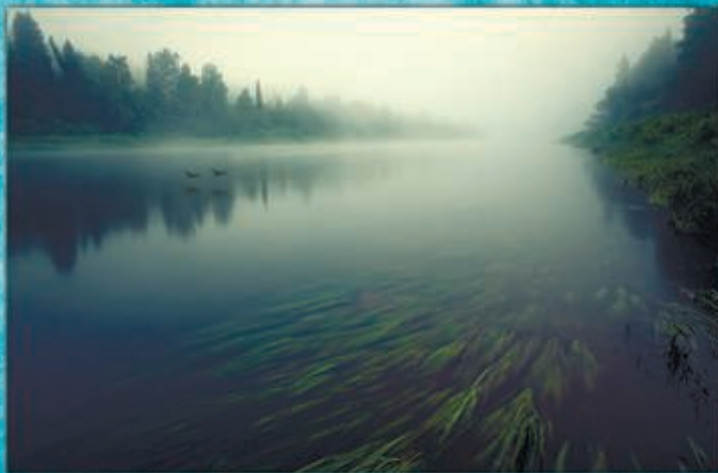

ЧЛЕН ЖЮРИ-2012, НОМИНАЦИЯ « ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ »

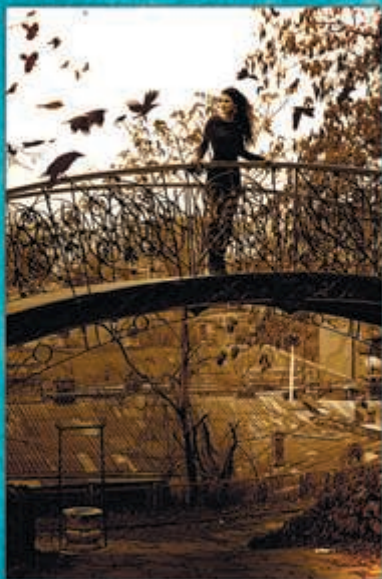

Виктор НОВОКРЕЩЕНОВ

ЛАУРЕАТ 1-ОЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ « ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ »

Татяна МАРТЫНОВА

ЛАУРЕАТ 2-ОЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

Алексей НАРЕЙКО

ЛАУРЕАТ 3-ЕЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

Валерий ЗУБОВ

ДИПЛОМАНТЫ, НОМИНАЦИЯ « ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ »

Александр МАТАНЦЕВ

Яна ГОРОХОВА

ДИПЛОМАНТ, НОМИНАЦИЯ « ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ »

Ольга КОШКИНА
обладательница приза зрительских симпатий

Германия из моего окна

Ольга ДИМАКОВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Город-феникс

Здравствуй, Незнакомец или Незнакомка! Мы друг другу не представлены, но, если ты читаешь эти строки, значит, как и я, любишь путешествовать. Эта общая любовь сближает нас не меньше, чем знаменито-немецкое «выпить на брудершафт», после которого становятся друзьями и переходят на «ты».

Мир огромен, времени мало. Не будем его терять! Я зову тебя за собой на берег Бодензее — Боденского озера, в город с труднопроизносимым названием Фридрихсхафен (Friedrichshafen).

Город-порт короля Фридриха I, утвердившийся на трех дорогах немецкой земли Баден-Вюрттемберг. Налево пойдешь — в Австрию придешь, направо пойдешь — в Германии останешься, а прямо направишься — плыть тебе через Боденское озеро до самой Швейцарии.

В город можно попасть тремя путями. По воде, по земле и по воздуху.

От воздушных ворот в мир до городского центра всего четыре километра. Чем не домашний аэропорт!

Наземный же путь это, в первую очередь, железная дорога.

Железнодорожный вокзал Фридрихсхафена старейший на Боденском озере. Открылся он 8 ноября 1847 года девятнадцатикилометровой линией, соединившей Фридрихсхафен с городом Равенсбург. А почти век спустя, после налета авиации союзников 20 июня 1944 года, перестал существовать.

Уже в мирное время вокзал восстановили заново по старым рисункам, и теперь он выглядит точно так, как выглядел «в рассвете лет», как раз на перекрестке девятнадцатого и двадцатого веков.

Прямо напротив привокзальной площади — набережная. Самая протяженная на всем озере, любимое место прогулок жителей города и гостей, среди которых, в свое время, был российский император Александр II.

Направо бульвар вдоль озера мимо яхт-клуба приводит к ограждению, за которым летняя резиденция королей Вюрттемберга, но территория замка закрыта для посещений.

Будет время, поброди в его окрестностях, познакомься с каменной фигурой графа Фердинанда фон Цеппелина (о нем самом я чуть поз-

же рассказу) и заверни в открытую замковую церковь. Ее пятидесяти пяти метровые луковично-купольные башни — визитная карточка Фридрихсхафена.

Попасть к замку можно так же с улицы Ольгаштрассе (Olgastrasse). Знакомое русское имя? Еще бы! Великая княжна Ольга Николаевна (дочь императора Николая I) была женой Вюрттембергского короля Карла I. Родилась она в Санкт-Петербурге, умерла в фамильном замке Фридрихсхафен, будучи уважаема и любима вюрттембергским народом, оставив о себе славу «королевы благотворительности».

Итак, на набережной мы поворачиваем налево. С одной стороны променада — городские пейзажи, кафе, уютно опутанные летом зеленью, с другой — далеко за озерным горизонтом виднеются швейцарские Альпы.

По дороге не пропускаем подъем по винтовой лестнице на стальную двадцати двух метровую башню на молу, открытую всем ветрам и под ними же покачивающуюся.

Полюбовавшись чудной панорамой города-феникса, родившегося заново после пожара Второй Мировой войны, спускаемся и прогулочным шагом добираемся до гавани.

Каждый год в июле только на причале Фридрихсхафена можно встретить того самого зайчика, чьи гостинцы привозят родители детям, вернувшись из поездок. На берегу Бодензее этой традиции посвящен Праздник Озерного Зайца (Seehasenfest), в который не меньше детей влюблены взрослые. (Seehase — не путать с рыбой и моллюском!)

Вторая Мировая превратила Фридрихсхафен в руины — результат массированных бомбардировок немецкого промышленного центра союзниками. «Отцы города» хотели хоть как-то порадовать детей, переживших войну. Однако городская казна «с нуля» отстраиваемого Фридрихсхафена была пуста. Тогда на помощь пришли частные пожертвования из соседней Швейцарии. И идея сказочного детского праздника впервые воплотилась в 1949 году 25 июля.

С тех пор каждый год в июле по озеру приплывает Озерный Заяц с мешками сладостей для детей. Его встречают под звуки труб и барабанный бой. После раздачи гостинцев, выбирают самых метких Королей или Королев среди стрелков из арбалета и метателей мячей. Организовывается грандиозный салют. Праздник длится пять дней, в течение которых на озере и набережной творятся забавные безобразия.

Завершается все спортивными состязаниями, веселой регатой и проводами Озерного Зайца.

С опустевшего причала паром увозит гостей, приехавших из Швейцарии. А ты отправься на остров Майнау (Mainau).

Полтора часа водного путешествия и добро пожаловать в цветочный рай!

Прогуливаясь между разноцветием и разнотравьем, не забудь заглянуть в павильон тропических бабочек. Если повезет, и какой-нибудь из них ты понравишься настолько, что она сядет тебе на руку, обязательно загадай желание. Есть надежда, что оно сбудется!

Островная радуга красок ошеломляет, отнимает чувство времени и память, поэтому запиши: последний катамаран в направлении «домой» уходит в 17:00. Хотя, вернее всего будет уточнить расписание на день посещения острова.

Я жду тебя на пристани Фридрихсхафена, возле старого здания порта, где теперь находится музей Цеппелина (Zeppelin Museum).

Граф Фердинанд фон Цеппелин был разработчиком и создателем дирижаблей жесткой системы. Его фамилия стала нарицательной и теперь дирижабль-цеппелин главная фишка и гордость Фридрихсхафена.

На цеппелине при желании можно совершить полет над озером. Тридцать минут этого аттракциона обойдется в двести евро. А еще можно заказать чартер и под облаками отпраздновать, например, свадьбу.

Если для воздухоплавания неподходящий сезон, то посетить музей Цеппелина получится в любое время года. Здесь и во «внутренний мир» дирижабля можно заглянуть, и в историю его создания окунуться, и на старинные авто полюбоваться.

От площади возле музея расходятся улицы, на которых устроились самые разные магазины, сувенирные лавочки, кафе и рестораны. Это, собственно, центр города. И Мекка шопоголиков.

Гурман обязан заглянуть в одну из булочных под желтой вывеской «Hamma», например, по адресу Wilhelmstrasse 26. Здесь за прозрачными витринами лежит выпечка «пальчики оближешь» и, возможно, единственно вкусный во всей Германии хлеб с домашним названием Hausbrot.

А ради типичной немецкой кухни тебе надо попасть в ресторан отеля «Кроне Шнетценхаузен». Тут ты попробуешь не только аппетитно приготовленную мясную или рыбную вкуснятину, оттеняя ее вкус бодензейским вином, но и заодно сыграешь в кегли в кегель-баре. И

обязательно не откажи себе в немецком национальном ликере — тридцати пяти градусной травяной настойке «Егермайстер» («Jägermeister»).

К слову о кухне. В Германии для меня стал откровением салат из чечевицы. До приезда сюда чечевица была для меня сродни привидению — слышать слышала, а вот видеть не приходилось.

Рецепт прост, как формула воды. Отвариваем стакан чечевицы и остужаем. Мелко рубим пучок петрушки, пучок укропа, пучок зеленого лука и два сваренных «вкрутую» яйца. Соединяем все ингредиенты в салатнике, взбрызгиваем лимонным соком, добавляем оливковое или подсолнечное масло (немного, чтобы слегка «смазать» салат, но не сделать его жирно-лоснящимся). Затем солим, перчим, добавляем любимую приправу, перемешиваем и салат готов! Количество участвующих ингредиентов можно варьировать по собственному вкусу.

Что еще такое Фридрихсхафен.

Это непременно:

- ◆ Музей Дорнье (Dornier Museum) — музей воздухоплавания и космонавтики с экспонатами в натуральную величину. Сюда следует попасть обязательно!
- ◆ Ярмарочно-выставочный комплекс Messe Friedrichshafen, в котором для ценителей проходят международные показы всего, чем можно гордиться и на чем можно заработать.
- ◆ Музей истории школы. Тема экспозиций понятна без слов.
- ◆ Католическая церковь Святого Николауса (XIV век).
- ◆ Подарок города графу фон Цеппелину — вонзившаяся в небо тринадцатиметровая колонна в городском парке на набережной.
- ◆ Скульптурные сюрреалистические композиции (например, полный символов фонтан на площади перед Ратушей) и отдельные фигуры-абстракции из металла, встроенные в панораму озера.
- ◆ А собственно... ведь то, что будет интересным именно тебе, ты сможешь увидеть просто приехав в город-порт Фридриха.

Herzlich willkommen!

Вселов ХИТРЫЙ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

В гостях у Феникса

Чашка горячего шоколада на прозрачном столике источает аромат, благотворно влияющий на мое восприятие окружающего мира. Я стою возле окна с мой рост, — а таких окон в моем номере пять, — и наслаждаюсь видом, вдохновляющим когда-то Анну-Констанцию фон Брокдорф на интимные отношения с курфюрстом Саксонским Августом Сильным. Правда, на эти отношения честолюбивую фаворитку толкнул не только вид на Цвингер, хотя, чем черт не шутит, позолоченная польская корона человеку уязвимому в плане власти может внушать самые разнообразные мечты. Угадали, где я? Верно, я в номере Ташенбергского дворца, первого пятизвездочного отеля Саксонии. Город Дрезден — ее столица.

Меня всегда вдохновляли памятники архитектуры, катастрофы и органная музыка. Я люблю места с собственной историей. Стоит ли уточнять, что именно Дрезден избавил меня от хандры, вдохновил на поиски истины и творческого совершенства. И вот после длительного литературного застоя в моем окне загорелся свет, зашуршали кулисы, и на сцену Земпер-оперы выбежала загадочная леди в белом платье с глубоким декольте. Она спела арию из «Риголетто», и мое сердце ожило, ум просветлел, глаза наполнились слезами, и сам я переменялся до неузнаваемости. О, волшебная муза Елена-Мельпомена, задержись, порадуй образом Гильды своего неожиданного поклонника! Отличительное свойство муз: они — везде, и в то же время — их нигде не найти.

Я надеваю классические джинсы, футболку с изображением ежика и легкую ветровку. Завязываю шнурки на кедах. Несмотря на июль, погода не думает баловать. Небо серое, с проседью облаков. Изредка копны света досаждают таинственной Эльбе, и, если стоять на мосту Августа со стороны правого берега по направлению к востоку, можно увидеть в прозрачной воде золотистых зеленых змеек, потомство досточтимого Саламандра, населяющего город с незапамятных времен. Они стесняются туристов и стараются держаться середины реки, где вода темна и глубока, но, сосредотачиваясь на болтовне, теряют

бдительность. Их течением относит к правому берегу, и там они продолжают бурно обсуждать надводное общество, пока не одумаются и не отплывут на глубину.

Традиционно я обхожусь без завтрака. Я жажду поскорее посетить центр города. В отеле можно взять на прокат велосипед или автомобиль, но я обхожусь пешей прогулкой. Велосипедные дорожки по соседству с пешеходными радуют несказанно. Свою функциональность они оправдывают сполна: жители Дрездена предпочитают велосипеды крупногабаритным автомобилям.

Начинаю путешествие с Цвингера, благо идти недалеко. Я присоединяюсь к желающим пройти сквозь Коронные ворота и загадать желание. Из всех своих желаний выбираю самое невыполнимое. А вдруг?.. Далее, как на былинном камне. Если направить свои стопы направо, можно прийти к зданию Физико-математического салона, где размещена уникальная коллекция научно-технических приборов, собрание глобусов земли и неба и коллекция часов. Его содержание на любителя. Если пройти по Продольной галерее налево — просмотр коллекции фарфора обеспечен. Как и в остальных музеях города, здесь собрано все самое лучшее. Мне по духу близко здание, замыкающее внутренний двор Цвингера (направление «прямо» от Коронных ворот) — Картинная галерея «Старые мастера», поэтому, не размениваясь на мелочи, я отправляюсь прямо туда. Среди художественного разнообразия, собранного не одним поколением правителей Саксонии, мне интересны две картины: «Сикстинская Мадонна» Рафаэля и «Шоколадница» Лиотара. Поражает упорядоченность картин в галерее: они расположены на уровне глаз строго в один ряд. У посетителей появляется возможность внимательно рассмотреть полотна. При желании можно сфотографироваться на фоне «Мадонны» (за 5 евро), но это для любителей галочки: «Я был здесь», «Я это видел», а где ты был и что конкретно видел, остается за кадром и не задерживается в памяти. Запоминаю каждую складку платья «Шоколадницы», картина невероятно скромна и талантлива. Свежий румянец на молоденьком личике девушки вселяет уверенность в завтрашнем дне. До тех пор, пока лица девушек будут покрываться подобным румянцем, человечеству гарантировано продолжение счастливого и здорового рода.

Изрядно проголодавшись, направляюсь в небольшое кафе возле галереи, занимаю место таким образом, чтобы сидеть лицом к Земперопере. Заказываю (на немецком) куриную отбивную, бокал пива (куда

же без него), эспресо и тирамису. В стоимость блюда с отбивной вошел сытный овощной гарнир, поэтому, переваривая «хлеб», я не топлюсь сорваться с места в поисках новых «зрелищ».

Убеждаюсь, что город вечером и днем — это два разных измерения. Вчера после приезда, толком не распаковав рюкзак, я отправился в оперу по заранее забронированным билетам. Театральная площадь в свете уличных фонарей напомнила о моем одиночестве. Романтика вечернего Дрездена явно не для одиночек. В нишах боковой лестницы Земпер-оперы затаились хранители театра: Шекспир, Софокл, Мольер и Еврипид. Над ними властвует Дионис работы Иоганнеса Шиллинга, пантеры в колеснице покровителя трагедии и комедии всегда готовы к путешествию над городом, его жителями и гостями. Вечером статуи оживают, словно в сказке. Сейчас, днем, они безжизненны, как и положено камню.

После завтрака-обеда за 24 евро, направляюсь через театральную площадь к Георгиевскому дворцу, расположенному напротив отеля, где мне посчастливилось снять номер. Во дворце находится легендарная сокровищница Августа Сильного под названием «Зеленые своды». Курфюрст и курпринц Саксонии отличались страстью к коллекционированию и не жалели денег на столь благородные порывы, как то приобрести композицию «Двор великого могола в Дели» за 60.000 талеров (что намного превысило затраты на строительство охотничьего замка Морицбург) или «золотой кофейный сервиз» работы придворного ювелира Динглингера. Кабинет гравюр, Библиотека художественных произведений, Оружейная палата — не хватит и недели, чтобы обойти их все и сполна насладиться чистым незамутненным дыханием Клио, музы истории.

После ослепительного блеска коллекции в «Зеленых сводах», я направляюсь в Католическую придворную церковь, желая отдохнуть от неиссякаемой толпы туристов, заполонивших дворец-резиденцию. Здесь в склепе в скромной медной капсуле захоронено сердце Августа Сильного, которое, согласно преданию, начинает биться, как только мимо проходит хорошенькая женщина. Ах, как я его понимаю! Внутреннее убранство церкви радует глаз, и я сажусь отдохнуть и насладиться моментом душевного покоя, ибо картина главного алтаря кисти Антона Р. Менгса «Вознесение Христово» излучает благодать. Надо лишь остановиться, отойти от суеты, чтобы принять ее.

Далее по улице Августа прямо к «Шествию князей» — гигантских размеров мозаике с изображением фюрстов династии Веттинов. В городе-Фениксе — это перо, уцелевшее после возгорания, едва ли не единственное.

И, наконец, знаменитая Фрауенкирхе, чьим восстановлением были озабочены все жители от мала до велика. Не один десяток лет строилась она заново из крупниц разрушенной войной жизни. Теперь это символ Дрездена, символ того, что уроки, которые нам преподаются историей, не проходят бесследно и не вытираются из памяти. Я уже занес ногу над порогом, я уже вошел и практически онемел от пронзившего меня одухотворения, но тут запиликал мой ручной будильник, возвещая о том, что осталось два часа до отправки поезда. А я ведь даже не успел подняться на смотровую площадку на куполе церкви, прогуляться по Брюльской террасе, посетить Новый рынок, не говоря уже о прогулке на старом-добром «Дизбаре» под «Блауес Вундер» мимо Хостервица и «Дворца на воде».

Я поспешил в отель, отбросив бесплотные терзания, по дороге обзавелся сувенирными открытками и магнитами. Администратор, очаровательно улыбаясь, любезно согласилась вызвать мне такси, а я осмелел до того, что спросил ее имя и адрес почты. Дрезден толкает на глупости, жизнь без которых пресна, словно застоявшаяся вода.

***Семь обязательных дел, которые нужно сделать в городе
(если вы приехали на один день):***

- ◆ Посетить картинную галерею «Старые мастера».
- ◆ Посетить музей «Зеленые своды».
- ◆ Выпить пива в любом из кафе.
- ◆ Пройти сквозь Коронные ворота.
- ◆ Бросить монетку в Эльбу (поверьте, вы обязательно вернетесь).
- ◆ Послушать органную музыку или посетить Земпер-оперу.
- ◆ Купить «благотворительного» ангелочка.

Алиса КУЛИКОВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Бавария

Германия в моей жизни появилась, когда мне исполнилось шесть лет. Это было Рождество. Мне очень запомнилось, что во Франкфурте-на-Майне я пекла первое в своей жизни рождественское печенье в одном из торговых центров. Мама сказала, что ничего вкуснее в своей жизни не ела! Можно много рассказывать об этом сказочном времени, но хочется поделиться совсем другими впечатлениями.

Каждый год, приезжая в эту страну, мы берем с родителями машину и едем путешествовать. Я становлюсь взрослее, и мои впечатления меняются год от года. Но неизменно одно — с каждым новым приездом я влюбляюсь в эту страну все больше и больше.

Пару лет назад я открыла для себя самый величественный, самый «вкусный», самый богатый и, наверное, самый насыщенный впечатлениями регион — Баварию.

Эта земля настолько богата и разнообразна, что я называю ее «земля для всех!». Детям здесь понравятся парки «Лего» и «Европа Парк», влюбленным парочкам — «Романтическая дорога по замкам Баварии», пожилым людям — богатая природа, альпийские луга и тишина. Мужчинам — заводы и музей самых известных немецких производителей автомобилей. Нашим мамам — бесконечные магазинчики... Ну и, конечно же, спортсменам — горы!!!

Я начала для себя путешествие по Баварии с Бамберга. Трудно словами описать это место, его надо почувствовать. Просто приезжайте туда и поднимитесь наверх в Аббатство Святого Михаила, посмотрите вниз на город, и вы обязательно услышите, как с вами говорит земля. Вы поймете, почему этот город был одним из немногих, уцелевших во время Второй мировой войны. Такие намоленные веками места просто не могли исчезнуть. Ну а после прогулки зайдите в любой ресторанчик и попробуйте местную рульку с кислой капустой. Вы поймете, что нет места на земле, где бы ее готовили вкуснее! Говорят, ее вымачивают в специальном Бамбергском темном пиве, которое готовят по старинным рецептам монахов! Но об этом — молчок! А то нам, детям, родители не разрешат ее есть...

А теперь давайте отправимся в самое романтическое место Германии — замок Нойшванштайн (Schloß Neuschwanstein). Обязательно остановитесь в одном из отелей на берегу Штанбергского озера. Того самого, где погиб «сказочный король» Людвиг Второй, создатель этого чуда. Утром пораньше отправляйтесь к замку. Если вам повезет, будет немного облаков на голубом небе, вы увидите парящий замок, похожий на белого лебедя.

Изображения лебедей будут встречаться вам на каждом шагу. Обязательно садитесь на повозку с лошадьми и... вперед! Очутившись в замке, вы почувствуете музыку. Любимым композитором Людвиг Второго был Вагнер, и темы убранства замка — это иллюстрации к его операм.

Вот уж никогда не могла бы подумать, что в старинном замке, построенном в 1884 году, я увижу лифт! Мне это показалось очень прогрессивным. А еще я узнала, что весь замок отапливался зимой.

Побродив по этому сказочному месту, идите вниз с горы пешком и не забудьте по дороге остановиться у кафе, где пекут очень вкусные пончики! А еще оглянитесь: может быть, в окошке замка вы увидите Спящую Красавицу? Ведь не зря же Уолт Дисней срисовал ее замок с Нойшванштайна! Ну и, конечно, не забудьте купить сувениры!

А теперь давайте отправимся в горы! Какая Бавария без горных лыж?!

Я встала на лыжи именно там, в местечке Гармиш-Партенкирхен. Оно не имеет официального статуса города, хотя довольно большое. Это слияние двух деревень Гармиш и Партенкирхен. Несмотря на то, что это место считается горнолыжным курортом, где проводятся крупные международные соревнования, городок богат на культурные мероприятия. Например, там проводится музыкальный фестиваль Рихарда Штрауса. Но нам, детям, Гармиш запомнился совсем другим! Сначала просто прогуляйтесь по центральной улице Гармиша. Каждый дом расписан различными сюжетами. Когда становится темно, при свете фонарей создается ощущение сказки! А утром надо обязательно ехать в горы.

Рядом с Гармиш-Партенкирхен находится самая высокая гора Германии — ледник Цугшпитце (2.962 м). Добраться наверх можно на поезде Баварского Цугшпитцебана, построенного в 1928-1930 гг. Садитесь в вагончик — и в облака!!! Но можно, конечно, получить еще больше впечатлений: подняться по канатной дороге со стороны Австрии. Вот уж где дух захватывает!

Итак, мы на самой высокой горе Германии! Непременно зайдите в сувенирную лавку и купите себе что-то на память о покорении ледника, например, шапочку в надписью «Zugspitze 2962».

Совет для лыжников-новичков! Кататься там немного труднее, чем на других горах (все-таки ледник!), но все трассы в основном синие. Но даже, если вы не катаетесь на лыжах, это не повод не приехать туда! Вот уж где ощущение, что стоишь «по колено в облаках»! Поднявшись на небольшой пригорок от кафе, вы окажетесь в деревеньке иглу. Это ледяные домики. Там можно поваляться на ледяных кроватях, покрытых шкурами зверей, выпить чаю или позагорать в шезлонгах. А я каталась там на ледянке! Потом непременно выпейте горячее какао в кафе у подъемников.

Спустившись с горы, отдохнув в отеле, отправляйтесь в местный спорткомплекс. Тем более, что в гостевую карту входит одно бесплатное посещение. Это даже не бассейн, а настоящий аквапарк с тремя бассейнами, горками и сауной.

Нигде так легко не дышится, как на альпийской природе. Тем более, вернувшись домой, вам будет что показать друзьям на фотографиях.

Итак, что же для меня Германия?.. Прежде всего, это огромный пласт истории. Мне всегда есть, что написать в сочинении «Как я провела каникулы». Еще Германия — это страна с очень гостеприимными и отзывчивыми людьми. Мне очень нравится, что к детям там всегда относятся с улыбкой! Ну и, конечно же, Германия — это страна, где ОЧЕНЬ вкусно готовят! Немецкая кухня — это постоянное ощущение, что ждали к обеду именно тебя, чтоб ты был сыт и весел.

Семь обязательных дел, которые нужно сделать в Германии:

- ◆ Посетить Аббатство Святого Михаила в Бамберге.
- ◆ Взрослым — попробовать местное пиво, которое не продается нигде, кроме Баварии.
- ◆ Попробовать свиную рульку в Бамберге, обязательно надев специальный «слюнявчик», чтоб не испачкаться и вытирать жирные руки прямо об себя.
- ◆ Посетить самую высокую гору Германии Цугшпитце.
- ◆ Побывать в Лебедином замке Нойшванштайн (не забыть про сувениры).
- ◆ Отвезти детей в парк «Лего». Дать им возможность развлекаться «по полной»!
- ◆ Обязательно встать на горные лыжи и вернуться туда еще раз с друзьями!

Татьяна МАРТЫНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Ворота мира — Гамбург

Я хочу пригласить вас в один из самых крупных городов Германии, в самый крупный порт и город, где живет самое большое количество миллионеров Германии — Гамбург.

Гамбург — второй по величине немецкий город и насчитывает около 1,7 млн. жителей, и это не только город, но и федеральная земля, общая площадь которой занимает всего 755 км². Все знают, что Гамбург — город-порт, но почему-то многие наивно полагают, что порт этот находится на море. Но это не так: громадный порт, второй по величине в Европе находится на реке Elbe. До моря отсюда 100 км! И кстати, рек в Гамбурге две: Elbe и Alster. Именно в том месте, где Alster впадает в Elbe, и образовалась еще в VII в. возвышенность, где и основали деревеньку «Hammaburg». Сегодня это место — одно из самых привлекательных в центре Гамбурга. Здесь в центре образовался и небольшой залив, который называют Binnenalster (внутренний Альстер), ну а дальше вода по каналам течет в Elbe, а оттуда уже в Северное море. Кстати, а вы знали, что мостов в Гамбурге больше, чем в Венеции и Амстердаме?..

Начать знакомство с Гамбургом я посоветую с самого известного места — Jungfernstieg. Здесь Гамбург предстает перед нами во всей своей многоликости. С одной стороны — солидные и величественные здания, поражающие простотой архитектуры, за которой скрывается однако гордость и изящество. Уже несколько столетий самые крупные торговые и логистические фирмы, страховые и торговые компании, посольства и консульства разных стран мира, круизные агентства считают обязательным иметь здесь свое представительство или офис. На то есть своя историческая причина: уже в 1189 г. кайзером Фридрихом Барбаросса гамбургцам была дана привилегия транспортировать грузы по Elbe беспошлинно, чем и была создана благоприятная ситуация для развития здесь порта и торговли. В память об этом событии гамбургцы каждый год в начале мая празднуют День Порта. А еще здесь на улице Jungfernstieg и в ее близи находятся самые шикарные и именитые бутики и универмаги. Количество ювелирных и часовых магазинов на км² поражает воображение.

Но это все с одной стороны, а с другой — вода! Именно здесь образуется залив, а потом и озеро. Здесь прямо у воды расположен павильон кафе-мороженого. Террасы с пальмами, катера у причала, яхты на озере, фланирующие зеваки и туристы, поедающие итальянское мороженое из креманок и вафельных стаканчиков — все это напоминает Италию. Италию напоминает и голубое небо, и теплое солнце, и неспешно плавающие лебеди.

Но не слишком доверяйте в Гамбурге погоде. Говорят, что именно в Гамбурге выпадает больше всего дождей, чем во всей остальной Германии. Но! Дождь этот всегда быстро заканчивается, и снова выходит солнце. Иногда даже здоровый интерес берет: а сколько раз за день может пройти здесь дождь. Поэтому бояться его не надо. Настоящие гамбуржцы даже говорят: «Именно у нас вы научитесь принимать жизнь такой, какая она есть, а не сетовать и огорчаться по любому поводу. Просто найдите, где спрятаться, и посмотрите на Гамбург дождливый для того чтобы потом оценить его во всем великолепии солнечным...»

Налюбовавшись на Бинненальстер, может, даже прогулявшись вокруг озера или прокатившись по озеру на одном из катеров, а может, выпив кофе и съев Apfelstrudel (апфельштрудель — кусочек рулета из слоеного теста с яблоками, корицей, изюмом и подаваемым с ванильным соусом и мороженым) или Franzbrötchen (францбрётхен — булочка с корицей родом из Франции) в кафе с видом на озеро и фонтан, вы можете сразу пойти в другое не менее красивое место Гамбурга — к Ратушной площади, причем идти вы будете по великолепным Alsterarkaden: «туннелю» из арок: справа — бутики, кафе, рестораны, — слева сквозь арки открывается вид на озеро и зеленую ратушу Гамбурга. Очаровательное место, оно имеет свою особую атмосферу и тем самым привлекает и туристов, и гамбуржцев. Площадь перед Ратушей, сходящие от нее ступеньки прямо к воде и «ручным» лебедям, арки в стиле «нео-ренессанс», небольшая дамба, мост, каналы, и еще отсюда паутиной разбегаются центральные и шикарные улицы гамбургского city. Бродить по Гамбургу можно бесконечно, тебе с трудом удастся решить, куда пойти, ты не успеваешь вертеть головой, не успеваешь приходиться в себя от восторга. Ну как бы вы отреагировали, если вдруг за углом улица, где по обе стороны красивейшие здания с волшебными Gucci и Escada, посередине — канал, а на нем на понтонах — рыбные кафе и рестораны?

А знаете ли вы, что вы обязательно должны попробовать в Гамбурге? Во-первых, это Aalsuppe — суп, в который идет «aal» — всё, что имеется у повара в тот день, и Labskaus, любимое блюдо моряка. Для его приготовления требуются солонина, лук, картошка, солёный огурец, буряк, соус Ворчестер — все это перемешивается до состояния каши и поедается с большим аппетитом. Если вас это не вдохновляет, то у вас есть выбор между, например, камбалой и омаром. К омару вам, естественно, подадут шампанское, ну, а к рыбе вы можете заказать Alsterwasser — напиток из лимонада и пива. Будучи в Гамбурге вы ну просто обязательно должны попробовать Nordseekrabben — маленьких североморских креветок. Их готовят по-разному и, зайдя в один из ресторанчиков сети Nordsee, вы можете отведать разнообразные блюда с ними — супы, салаты, омлет или даже просто булочки с креветками, которые вы можете взять с собой. Конечно, здесь вас удивит и громадный выбор рыбных блюд. Если вас интересует еда интернациональная, то и этого «добра» в Гамбурге полно. Во-первых, есть рестораны всех самых знаменитых мировых кухонь, начиная от итальянской, греческой, китайской и заканчивая тайландской или, например, марокканской. Кстати о последней — вы проведете незабываемый вечер в ресторане марокканской кухни Saliba Alsterarkaden, который находится в самом центре Гамбурга в уже известных вам Альстераркадэн. Здесь вы не только вкусно поедите, но и полюбуетесь вечерним Гамбургом: вас очарует уже утопающая в царстве огней Зеленая ратуша и озеро.

Еще несколько слов о еде и потом снова в путь. Каждый год летом в Гамбурге проводятся несколько фестивалей, один из самых популярных — фестиваль дружбы разных народов. В центре города на одном из каналов устанавливают центральную сцену, где вечерами проходят концерты и театральные представления, а днем вокруг разбиваются палатки, где принимающие участие страны представляют на суд прохожих блюда своих стран. По всему центру города звучит разнообразная музыка, слышны языки разных народов, кругом весело, интересно и вкусно.

Но вы же приехали в Гамбург не только для того, чтобы есть и пить! А кроме того, интересного в этом городе так много, что иногда во время прогулки ты вообще забываешь про еду. Одной из обязательных для посещения достопримечательностью является Michaelikirche — церковь св. Михаила, которую в народе называют Michel и которая является одним из символов Гамбурга. С башни этой церкви,

высота ее 130 м) открывается чудесная и обширная панорама всего города! Только отсюда, с высоты птичьего полета, ты видишь, как огромен этот город! Ты вдруг замечаешь, что пятна зданий занимают, наверное, только треть всей территории, остальное — синева воды и зелень листьев. Красота, от которой захватывает дух! Отсюда и порт предстает во всем своем величии. Наблюдая, как входит в акваторию огромное судно, дорогу которому «прокладывает» маленькое суденышко, на ум приходит одно: все в этой жизни исполнено смысла, все имеет значение, все важно. И как огромный танкер не может обойтись без малюсенького буксирчика, так и каждый из нас зависит от других, хотя в то же время каждый из нас имеет значение. Как бы мал ни был человек перед ликом природы, но каждый оставляет свой след. Правда, желательно, чтобы след этот был хороший и значимый...

Следующим пунктом программы посещения Гамбурга является, конечно же, порт. Он поражает своим размахом, размером, шумом, количеством судов, кранов, чаек и людей. И — запахом моря. Да, не удивляйтесь, здесь действительно пахнет морем. Совершив прогулку по набережной вдоль порта, обязательно воспользуйтесь случаем и пройдитесь по старому туннелю под Эльбой (Elbtunnel). Во-первых, туннель под рекой — это действительно нечто особое, во-вторых с другого берега открывается прекрасный вид на весь центр Гамбурга. Найдите время для экскурсии на катере по Speicherstadt — городу складов. Здесь вы поймете, почему Гамбург был и остается одним из самых важнейших и крупнейших перевалочных пунктов во всем мире. А кроме того, увидите советскую подводную лодку.

Да, в Гамбурге много всего интересного и что поразительно — сколько контрастов скрывает этот город. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно отправиться например в Schanze — альтернативный район Гамбурга. Здесь тусуются неформалы, здесь собираются на свои демонстрации то крайние «правые», то крайние «левые», здесь живут и творят люди искусства, здесь вы можете купить все самое нетрадиционное, здесь своя жизнь и своя культура. Гуляя по улицам Schanze, у меня, например, возникает ощущение, что я нахожусь в кино.

Да, Гамбург — город сюрпризов, город, который никогда не перестанет поражать, удивлять, восхищать. Город, в котором слито воедино все: и промышленность, и торговля, и культура, и природа. Увидеть за один визит туристу всё невозможно, ***но есть вещи, которые нужно сделать в Гамбурге обязательно.***

Это:

- ◆ Побывать в порту, именно здесь вы познакомитесь с Гамбургом — городом-портом.
- ◆ Посетить парк *Planten un Blomen*, красивейший парк в центре Гамбурга, в котором каждую весну проходит японский праздник Цветения Сакуры. Здесь вы познакомитесь с Гамбургом уютным и семейным.
- ◆ Пройтись вечером по *Reeperbahn* — самому «развратному» кварталу Гамбурга. Здесь вы увидите своими глазами, где же моряки раньше, а теперь не только они проводят в развлечениях свободное время.
- ◆ Обязательно совершите прогулку по воде, будь то в акватории порта или же по каналам Гамбурга, или по *Биннэнальстэр*. Все-таки Гамбург — это город на воде.
- ◆ В один из дней сходите на мюзикл. Например, на феерическое представление „*Blue Man Group*“ или же вместе с детьми на «Король-Лев».
- ◆ Совершите шоппинг в центре гамбургского сити, например, пройдясь по улице *Mönckebergstrasse*. Да, здесь дорого, но зато какие бутики и универмаги!!! Если у вас денег немного, совершите так называемый „*Schaufenstershopping*“ — шоппинг витрин, так ваши денежки останутся у вас в кармане, а впечатлений будет масса.
- ◆ Если вы попали в Гамбург в теплое время года, обязательно сходите на один из искусственных пляжей, их здесь море! Правда, вы будете не на море, а на реке, да еще и скорее всего с видом на порт, но зато пальмы, мягкий песок, музыка, экзотические коктейли и чудесная компания вам обеспечены!!!

Да, попадая в Гамбург и проведя там даже всего пару дней, понимаешь, почему именно этот город называют «Воротами в мир!». Откройте для себя Гамбург, откройте для себя мир!

Елена ЗАЙКОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Мой Франкфурт

Я хочу рассказать о моем Франкфурте. Это было мое первое самостоятельное путешествие. Я много читала и слышала об этом городе. Давно и беззаветно люблю Германию и все немецкое. Знаю язык на базовом уровне.

Мой визит в начале октября не совпадал со временем проведения многочисленных франкфуртских фестивалей, выставок, ярмарок и праздников, а потому стоимость перелета у популярного российского авиаперевозчика, совершающего ежедневные рейсы во Франкфурт, меня очень даже порадовала. И отель, и билеты я бронировала за месяц до поездки, что также благоприятно сказалось на цене.

Мой выбор пал на отель сети «V&V», расположенный в удобной части города на Hanauer Landstraße 117 рядом с восточным вокзалом. Отель оказался вполне приличным и не дорогим. Четыре дня проживания в октябре 2011 года обошлись в 196 евро (без завтрака). Здесь мне дали карту города с указанием всех достопримечательностей. Я набросала план на четыре дня, чтобы успеть посмотреть как можно больше. То, что мне предстояло увидеть в этом городе, явно превзошло мои самые смелые ожидания. Не буду говорить здесь о самых известных местах Франкфурта. Остановлюсь лишь на тех, которые не часто описывают путешественники.

Зоопарк Франкфурта. Огромная территория площадью в 13 гектаров находится в центре города. Здесь живут четыре с половиной тысячи животных, более чем 500 видов.

Территория зоопарка достаточно большая — с фонтанами и прудами, экзотариумом, в котором дважды в сутки происходят тропические грозы, большим аквариумом, птичьим лугом, самым большим в Европе павильоном ночных животных, огромной детской площадкой с лабиринтом. Детишки также могут погладить животных в специальном вольере.

Розовые фламинго чинно вышагивают в непосредственной близости от посетителей. На берегу скалистого водоема возлегает семья тюленей. Спустившись в грот, можно наблюдать за их подводной жизнью через стекло и точно также следить за процессами, происходящими в

инкубаторе для птиц, видеть в разрезе нору грызунов. Приятно порадовала и достаточно обширная коллекция экзотических растений. Признаюсь честно, франкфуртский зоопарк мне понравился даже больше знаменитого берлинского.

Со стороны главного входа к зоопарку примыкает знаменитая пешеходная улица Zeil с многочисленными магазинчиками и торговыми центрами вперемешку, населенная музыкантами и небольшим количеством нищих, часто сидящих на ковриках вместе с собственной ухоженной собакой. В октябре Zeil обрамляют золотые кроны платанов. Сочетание осенних листьев и брусчатки под ногами заставляет забыть обо всем на свете. По вечерам здесь повсюду жарят знаменитые франкфуртские колбаски. Это своеобразный кулинарный символ Франкфурта. О них известно еще с конца XIII века. Во всяком случае, в трактате «Metzgerhöfchen» утверждают, что подают их, начиная с 1280 года. Уникальный аромат оригинального «франкфуртера» объясняется особой технологией его производства исключительно из свинины высшего качества с обязательным этапом холодного копчения, что придает готовому продукту еще и характерный желтовато-коричневый оттенок; именно для того, чтобы фарш равномерно прокоптился, «франкфуртер» делают примерно с палец толщиной. Говорят, что истинный вкус этого деликатеса можно уловить только тогда, когда ешь его руками. Жареная франкфуртская колбаска подается в белоснежной хрустящей булочке.

Совершив вылазку в район улицы Zail вечером в субботу, я обнаружила большое количество местных жителей старшего возраста, оживленно беседующих за столами в импровизированных тавернах под открытым небом. Они неторопливо поедали колбаски, запивая их знаменитым франкфуртским яблочным вином.

Сидр, он же Apfelwein, стал гордостью жителей земли Гессен, в которой насчитывается около миллиона яблонь, дающих примерно 65.000 тонн яблок в год. Это яблоки определенных сортов, с высоким содержанием кислоты. Они даруют гессенскому сидру его типичный вкус и аромат. В сидр не кладут сахар, это 100% натуральный продукт. В зависимости от времени брожения выделяют различные сорта этого напитка. Только сидр, произведенный в Гессене, имеет право именоваться «гессенским». Употребление яблочного вина — настоящий ритуал, объединяющий самых разных людей. За ребристым стаканом сидра принято говорить по душам. К нему подают «ручной сыр с музыкой» — свежий крестьянский сыр с большим количеством

лука и специй, который едят руками, а также картофельный салат, ребра с квашеной капустой и еще одну кулинарную достопримечательность этого города — франкфуртский зеленый соус. Зеленым этот соус назван потому, что в его состав входит множество трав. Вы легко можете приготовить его сами, для этого вам понадобится:

4 сваренных вкрутую яйца;

250 г сметаны;

250 г йогурта или простокваши;

3 столовых ложки оливкового масла;

соль, перец, 1-2 чайной ложки винного уксуса;

300 г различных трав (по пучку): щавель, петрушка, шнит-лук, крессе, эстрагон, укроп, мелисса, любисток, купырь, пимпинелла, молодые побеги, черемши.

Травы следует хорошо вымыть, высушить и мелко нарезать. Смешайте их с мелкорубленными белками, йогуртом и сметаной. Добавьте уксус, соль и перец. В оливковом масле разотрите желтки и добавьте их к травяной смеси.

Кулинарная тема — отдельная история моих впечатлений о Франкфурте.

Итак, идем дальше. Один из дней моего путешествия я целиком посвятила велосипедной прогулке по окрестностям Франкфурта. Надо сказать, что этот город обладает замечательной сетью велосипедных дорожек. Советую брать на прокат велосипеда «NextBike»: они находятся практически у каждой станции метро в центре, стоят один евро в час или семь евро в сутки, а самое главное, вы можете оставить их, где пожелаете. Необходимо только заранее зарегистрироваться на сайте, чтобы сэкономить время.

Мой велосипедный маршрут лежал вдоль набережной реки Майн, затем через мост в район Заксенхаузен, и далее — в Оффенбах и Майнталь. Советую всем посетить спальные районы и маленькие города, соседствующие с Франкфуртом. Зрелище незабываемое! Многочисленные домики, словно из сказки, с разноцветьем петуний и гераней, свисающих с уютных балкончиков, очаровательные калитки, невысокие заборы, аккуратные почтовые ящики, с указанием фамилии проживающей в доме семьи... Уверена, после этого вы уже не сможете жить как прежде.

На востоке, между Франкфуртом и Майнталем, я увидела потрясающей красоты лесной массив с зеркальными озерами по периметру.

Надо сказать, что Гессен является лидером Германии по количеству лесов. Немцы очень трепетно относятся к каждому дереву. Отсюда и результат.

Если вы хотите насладиться богатейшей коллекцией самых редких растений со всех континентов, вам прямой путь в Пальмовый сад, расположенный в центре города, к западу от Старой Оперы. Это настоящий рай посредине окруженного небоскребами города. Переходя из павильона в павильон, вы окажетесь в саванне, влажной пустыне, муссонном тропическом лесу... А чего стоят рододендровый и розовый сады! По территории сада курсирует маленький трамвайчик.

Напоследок хочу дать еще один совет. В центре Франкфурта расположен крупнейший вокзал Европы — Hauptbahnhof. Это средоточие нескольких сотен различных маршрутов в самые разные города Европы, как железнодорожных, так и автобусных. Накануне моей поездки в Германию, я купила себе билет из Франкфурта в Париж на сайте компании «Eurolines» с приличной скидкой.

Франкфурт просто создан для того, чтобы принимать миллионы туристов из самых разных стран. Для каждого из них этот город свой. Мой Франкфурт очень часто снится мне. Он, несомненно, стал частичкой меня. Я мечтаю вернуться сюда снова.

Семь обязательных дел, которые надо сделать в этом городе:

- ◆ Подняться на башню Main Tower, чтобы увидеть панораму города.
- ◆ Арендовать велосипед.
- ◆ Попробовать франкфуртскую колбаску и сидр на площади Börgse, присоединившись к местным жителям за большим столом.
- ◆ Купить книги по искусству в районе Рёмерберг. Стоят они дешевле, чем в России. Отличного качества.
- ◆ Посетить зоопарк.
- ◆ Посетить блошинный рынок на улице Schaumainkai (работает по субботам).
- ◆ Бросить монетку в Майн, чтобы вернуться сюда снова.

Лидия ДОВЫДЕНКО

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Записки из Мюнстера

19 января. Раннее утро. В Калининграде 8 часов 5 минут. В Европе — 6 часов 5 минут. Бело-сиреневый самолет с уютным просторным салоном, заполненным пассажирами только на две трети, взлетел над Гданьском и взял курс на Дортмунд, в Германию. Через полтора часа он приземлился под аплодисменты пассажиров. Дочь встречает с букетом белых тюльпанов, и мы едем на вокзал Дортмунда, а потом час на электричке — в Мюнстер.

Другая страна. Другой язык не только в словесном выражении, но и в улыбке, жестах, продуманности бытия. Везде признаки того, что государство может и регулирует жизнь, в которой всем должно быть удобно и комфортно.

Вежливость

В одном путеводителе для немцев, отправляющихся в Россию, написано: «Если кто-то с вами рядом не улыбается, вы не должны чувствовать угрозу. В России улыбаются меньше, чем в Германии, и имеют меньшую дистанцию между людьми». Угрюмое лицо — здесь признак плохого воспитания. Даже незнакомые тебе лично люди: водитель в автобусе, продавец в магазине, официант в кафе встречает тебя улыбкой, обязательно здоровается, а потом благодарит и желает хорошего дня. Когда я была в первый раз в Германии, мне приходила мысль о неискренности, фальшивости улыбок. На этот раз мне вспомнилась цитата: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». Немцы ее исполняют на 100%. Стоит в автобусе зайти человеку более солидного возраста, как молодежь буквально «подрывается» с мест. А, если на остановке окажется человек в инвалидной коляске и затрудняется въехать в широкие двери, и рядом никого из других пассажиров нет, то водитель выскакивает из автобуса и бежит на помощь инвалиду. Что же нам мешает улыбнуться друг другу? Разъединенность? Предположение, что другой не так страдает, как я, что ему легче, чем мне? Пренебрежение к другим? Плохое воспитание? Я думаю, что пусть улыбка будет даже актом волевого усилия, но ты пошли ее другому человеку. Пусть он не сразу, но позже ответит тебе тоже улыбкой.

Общественный транспорт

Что мне нравится в автобусах, так это нежный, ласковый, любезнейший голос, объявляющий остановки. А еще над местом водителя висит электронное табло, на котором высвечивается название ближайших пяти остановок. Самая ближайшая — горит красным светом, а остальные — голубым. Конечно же, нет необходимости кричать, чтобы на следующей остановке автобус остановился, потому что в рабочее время на остановках может не быть людей, и везде по салону автобуса расположены красные кнопки, которые люди нажимают перед той остановкой, где надо выйти. Если пассажир рядом с тобой сидит у окна, а выходит раньше, чем ты, то он попросит выпустить его и обязательно поблагодарит. Билет в автобус ты можешь купить в автомате или в автобусе у водителя. Он стоит два с половиной евро. Но если ты знаешь, что тебе придется несколько раз в течение дня садиться в автобус, то ты покупаешь билет на день. Он называется «Тэгес тикет» и стоит 4.40. И ты можешь сколько хочешь раз выходить и вновь садиться в любой автобус. В метро ты покупаешь билет и обнаруживаешь, что нет никаких турникетов. Все на доверии. Но иногда наличие билета проверяют, и отсутствие маленького билета обернется большой неприятностью. То, что дороги великолепны, со всеми разметками, с массой предупреждающих знаков, со светофорами чуть ли не на каждом углу, это все знают. Но хочется отметить, что автобусы такие чистые, так сверкают безупречными стеклами, будто вчера сошли с конвейера.

В Мюнстере борются за чистый воздух. Вокруг старой части города, на месте крепостной стены выложена безупречная дорожка для велосипедистов, которая обсажена липами. И каждая улица, кроме тротуара для пешеходов, снабжена еще с обеих сторон проезжей части велосипедной широкой, ну очень гладкой! дорожкой. Здания университета, общежития, школы буквально облеплены велосипедами.

Мюнстер

Город основал Карл Великий в 793 году. В нем проживает около 280 тысяч человек. Город часто называют письменным столом Вест-фалии, потому что здесь множество образовательных и управленческих учреждений. Только в университете учится около 40 тысяч студентов. И еще около 10 тысяч студентов в менее крупных учебных заведениях (высшая музыкальная школа, академия искусств). Для них проезд в автобусах бесплатный, более того, в выходные дни по своему студенческому билету студенты могут провезти с собой в автобусе

кого-то из родственников и друзей бесплатно, но все же большинство предпочитает ездить на велосипедах. Город даже получил правительственную награду, как самый удобный город для велосипедистов. И не только эту, но и «Лучший город для проживания», «Самый дружелюбный к детям», есть золотая медаль «Наш город расцветает». За счет того, что много кустарников вечно зеленых, возникает ощущение, что даже в зимний период он утопает в зелени. Университетский ботанический сад с залами тропиков, где в январе созрели мандарины, растет ананас, огромные кактусы в другом павильоне, способствует тому, чтобы в городе было очень много экзотических растений и кустарников. И балконы в зимнее время украшают зеленеющие кустики.

Университет основан в 1780 году и ему принадлежит 280 зданий. В Мюнстерской клинике умерла Раиса Горбачева, а в 1990 году здесь готовили договор 2+4 Геншер и Шеварнадзе. В городе более двадцати церквей. Среди услуг, которые здесь предлагают туристам, а их бывает около пяти миллионов в год, есть экскурсия: «Колокола Мюнстера». В городе часто идут дожди, и поэтому сложилась поговорка: «Если идет дождь и звонят колокола, значит, ты в Мюнстере». Правда, можно услышать и ее перефраз: «Если звонят колокола и идет дождь, значит, сегодня воскресенье». Мюнстер — родной город поэта Зонненберга, певицы Таниты Тикарам, футболиста К. Пандера. Город также известен своим сыром «Мюнстер-Жероме», который создали монахи бенедиктинского монастыря.

В Мюнстере огромное количество скульптур, их около 60. И раз в четыре года здесь проводят конкурс скульпторов, чтобы хотя бы одно произведение оставалось здесь. Символом города является скульптура Кипенкерла. Это вроде нашего русского коробейника, только он носил в город на продажу еду. Он идет с прямоугольной корзиной или деревянным ящичком за плечами, а в нем птичьи яйца, травы, пойманные в лесу в силки зайцы, птицы. У него можно было не только приобрести еду, но и попросить его передать, например, письмо в деревню, в которую он направляется. Встретить такого человека особенно в голодные годы было несказанной удачей, и сегодня считается, что этот Кипенкерл приносит удачу.

Музеи

В Мюнстере, кроме городского театра, свыше полтора десятка сценических площадок и около тридцати музеев: Пикассо, истории города, минералогический, музей лошадей, мельничный двор, планетарий

и другие. Среди них и дом князя Голицына. Кстати, о музее лошадей. Именно в Вестфалии сохранили породу лошадей тракен, которую в Германии называют тракенер, созданную, выращенную, воспитанную в Восточной Пруссии. После 1945 года в Калининградской области, в том числе в поселке Ясная поляна (бывший Тракенен) Нестеровского района, уже не разводили эту породу, и только в 90-годы в замке Георгенбург (Черняховск) вновь ее стали выращивать и теперь уже и продавать.

Богат музей искусства и истории культуры. Здесь даже есть картина Лукаса Кранаха «Адам и Ева». И еще одна встреча с Восточной Пруссией. В музее есть картина неизвестного художника, изображающая свадьбу необыкновенно красивых, в роскошных одеждах маркграфа Карла Вильгельма Фридриха фон Бранденбург-Анбахского и Фридерики Луизы Прусской, очень женственной, волнистые, светлые, пушистые волосы которой распущены по спине и достают едва ли не до колен. Свадьба состоялась в 1726 году.

В зале современного искусства привлекает внимание произведение под названием «Ворота света». Это прямоугольный кусок резного стекла, на которое направлен отраженный свет двух круглых зеркал. Богата коллекция фарфора, стекла и кубков.

В центре старой части города находится Музейный зал, где был подписан знаменитый Вестфальский мир, закончивший 30-летнюю войну, где все дышит историей. Дух захватывает от старины, толщи времени, от мастерства искусных резчиков по дереву: листья, травы, цветы причудливо переплелись с маскаронами, веерами, ракушками. И эту деревянную вязь можно рассматривать бесконечно, выявляя новые и новые нюансы. Огромное количество портретов участников подписания мира. Причудливо оформление камина, который поддерживают русалки, а над ними переплелись якоря, морские чудовища, рыбы и другие обитатели морских глубин, головы людей, ракушки, кораллы. И в это сложное переплетение тоже можно долго всматриваться, и тебе открываются новые и новые подробности. В центре зала огромная книга, в которой посетители пишут свою фамилию, откуда они и дату посещения. Билеты в музеи стоят два евро. И еще — нужно с собой иметь монету в один евро, чтобы закрыть свою сумочку и верхнюю одежду в шкафчике. Ты ключом открываешь его после посещения музея, и твой евро тебе возвращается, со звоном выскакивая из замка в специальное углубление.

Старый город

Здесь находятся не только церкви, соборы, музеи, но и магазины, и кафе, где люди встречаются на обед или за чашечкой кофе. Удивило, что две подружки, встретившись, курили толстые сигареты, а не тонкие, как уже повсеместно у нас, в России, женщины курят тоненькие. Но у них тонкие сигареты намного дороже, чем у нас. В центре города удивило немалое количество нищих. Одни сидят с бумажным стаканчиком на асфальте, другие могут тебя застать врасплох, потому что внешне по одежде не скажешь, что последний кусок доедают, но могут попросить: «Пожертвуйте мне какое-то количество денег!» Одна женщина вдруг явилась передо мной с просьбой о пожертвовании, когда я стояла на остановке. Я молча дала ей какую-то мелочь из кармана в пальто, и, как мне показалось, она была несколько смущена тем крайним изумлением, которое она прочла на моем лице, и просто мгновенно метнулась от меня, исчезла также быстро, как и появилась.

Изумление мое было связано с тем, что одета она была не то, что хорошо, а даже, я бы сказала, стильно. Впрочем, прожиточный минимум в Германии 400 евро. Умножив на 40 рублей, понимаешь, что их бедные богаче наших как минимум в пять раз. Один мой знакомый говорит: «Вот потому и не пускали за границу в советское время, чтобы люди не знали этой разницы». Это плохо, что не пускали, культуре быта нужно учиться и заимствовать, обидно за Россию.

Прислушиваюсь, о чем говорят дети с родителями. Дети везде одинаковые. Один мальчик спрашивал очень пожилую бабушку: «Ты купишь мне «Тик-так»? Она тихо отвечала: «Да-да!». Мальчик лет пяти просил папу купить ему мобильный телефон, а папа прижимал палец к губам, дескать, дома поговорим. Бабушка с дедушкой разговаривали на остановке с девочкой и мальчиком младшего школьного возраста, и видно было, что они души в них не чают. Мальчик включал бабушку и дедушку в игру, говоря, что он ежик. Они ему подыгрывали с условием, что будут разговаривать по-английски, и мальчик с девочкой тут же стали довольно хорошо говорить по-английски.

Магазины

Цены в магазинах те же, что и у нас, за исключением брендовых, как, например, Дольче Габана и другие. Высокие цены и высокое качество. В обычных магазинах за те же деньги, как у нас, товары, и продовольственные, и промышленные, значительно выше качеством. И еще их огромное разнообразие. Например, заходишь в магазин «Карштадт» в отдел курток. Ты выбираешь не из двух-трех фасонов, а из

пятидесяти. Множество людей гуляют по магазинам. Бросается в глаза, что молодые мужчины сами выбирают себе одежду в одиночестве. Мужчины, что постарше, приходят в магазин с женами, садятся на стул или на скамейку, достают газету и терпеливо ждут своих жен. Два раза в неделю на площади перед Домским собором Святого Павла разворачивается ярмарка с огромным разнообразием овощей и мясных продуктов, в том числе и дичи. Висит огромный плакат: «Попробуйте добычу немецких охотников!» Также продают жареные колбаски, горячий гороховый суп в пластиковых тарелках с двумя сосисками в супе, горячие золотистые картофельные оладьи. Напротив собора Святого Павла — древний источник воды. Тот маскарон, изо рта которого текла когда-то вода в каменную чашу, законсервирован, установлен новый кран. Рядом табличка, повествующая о том, что с древних времен путники утоляли здесь жажду, и сейчас из этого крана течет питьевая вода с целительными свойствами. И такой милый знак внимания — предупреждение о том, что не стоит пить холодную воду. Огромное количество магазинов с сувенирами Мюнстера. Магазин «Подарки для жилья» вывесил плакат: «Хороший вкус не должен стоить дорого!»

Городская библиотека

У города огромная библиотека, куда ходят целыми семьями, с детьми, с авоськами книг. В Германии не пользуются практически пластиковыми пакетами, а сплошь холщовыми или из какого-то другого плотного материала торбами. Пользование библиотекой платное. Карточка на год стоит 18 евро. Каждая книга стоит в открытом доступе на полках. Книги, расставленные по тематике, снабжены штрих-кодом. Через автомат считывается на твою карточку то, что взял, и то, что вернул. Никаких библиотекарей. Все на доверии. Есть один человек, который ответит на твой вопрос, если он у тебя возник. Берут книги разные и много: детские, художественные, женщины берут книги и журналы по рукоделию, дизайну жилья, мужчины — диски с фильмами, которых в библиотеке великое множество, тоже по тематике расставленные. Подхожу к разделу, где книги о разных странах. Нахожу стеллаж, где стоят книги о России. Бросается в глаза книга «Вайсрус-ланд», то есть Беларусь. Я ее беру, раскрываю на середине и читаю: «Быхов. Троицкая церковь». Быхов — это мой родной город. Это о чем говорит? Что нужная тебе книга отыскивается легко и быстро.

И удивляет, как при таком большом количестве людей на полках книги стоят ровно, ничего не перемешано, книги чистые и аккурат-

ные. Очень много новых книг, которые изданы ярко и добротно. Нагулявшись по трем этажам библиотеки, люди спускаются к автомату, пропускают через него книги, идут к выходу, где находится кафе, и заходят еще туда на чашечку кофе. Кофе в среднем стоит два евро. В библиотеке все свежее, как будто новое, и полы, и лестницы, и полки — все в едином стиле теплого цвета дерева. Это только городская библиотека, а в университете у каждого факультета своя огромная библиотека.

Устройство на работу

В Германии нет такого понятия, как Санитарные книжки. Если тебя берут на работу, то проводят инструктаж о том, что заботиться о своем здоровье — это твоя собственная прямая обязанность. И, если ты подхватишь инфекцию и кого-то заразишь, тебя могут оштрафовать на 25 тысяч евро. Поэтому мытье рук, тщательная гигиена, аккуратность, а не лживые справки и книжки из поликлиники — вот что заботит работающего. У русских, которые устраиваются на работу, в первые дни болят щеки, потому что это с непривычки от постоянной улыбки. А если ты вдруг задумался, и улыбка сошла с твоего лица, к тебе подойдут, погладят по плечу и спросят: «Что-нибудь случилось? У тебя все в порядке?»

Но ты не должен ни на кого вешать свои заботы. Свои проблемы ты оставляешь за порогом места твоей работы. Но, если что-то случилось, обязательно помогут.

Когда человек говорит, что находится в поиске работы, это не значит, что он ищет ее в том городе, где живет. Он ищет ее по всей Германии и едет туда, где ее находит, легко относясь к переезду, ведь везде одинаковые законы и требования, социальные условия. Молодые люди очень мобильны.

В заключение я хотела бы подчеркнуть, что я знакома с анекдотом, указывающем на разность между туристом и политэмигрантом. Я написала с позиций туриста, может быть, информация кому-то пригодится.

Я рекомендую в Мюнстере отель «Мёвенпик» (Mövenpick): 4 звезды, уютные номера, шампуни и средства по уходу за кожей из натуральных ингредиентов. Очень вкусные и обильные завтраки (шведский стол): швейцарские сыры, мясные нарезки, горячий омлет с любимыми начинками, вкусные десерты собственного производства. И вкуснейший кофе Mövenpick. Удобное расположение отеля рядом с озером Аазее вызывает к прогулкам вокруг озера и хорошему отдыху.

Елена ЯХНЕНКО

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Путешествие «от первой звезды»

Если вы хотите попасть в самый «звездный» город Германии — цельтесь в Штутгарт. И не промахнетесь!

Громадная, вращающаяся трехлучевая звезда, установленная в центре города на башне Главного вокзала, и аналогичные звезды на многих других зданиях, являются настоящей визитной карточкой Штутгарта. Логотип «Мерседесса» сразу дает понять, что вы находитесь в одной из автомобильных столиц мира. Здесь производят две культовые марки машин — Мерседес (в Зиндельфингене) и Порше (в Цуффенхаузене). Но даже если ваши автомобильные пристрастия равны практически нулю, у вас не будет недостатка в развлечениях. Именно узнавая и познавая Штутгарт, вы сможете не раз удивиться, расслабиться и получить массу удовольствий для души и желудка.

Если вы впервые попадаете в город, то лучшее знакомство с ним — пешеходная экскурсия «от первой звезды» Главного вокзала. Как и везде в Европе раздобыть на вокзале бесплатную карту города и ворох разных рекламных проспектов не составит особого труда. Кстати, здание вокзала и станет первой достопримечательностью, которую вы увидите. Оно построено в начале XX века, имеет вид громадного купола с башенкой из красного кирпича и с вращающейся звездой «Мерседес» на макушке. Если подняться лифтом на самый верх башни, то со смотровой площадки можно полюбоваться панорамой Штутгарта и сделать чудесные снимки города.

Сразу возле здания вокзала начинается Королевская улица (Königsstrasse) и пешеходная зона, которая приведет вас в центр города — на Дворцовую площадь (Schillerplatz). Эта площадь по праву считается одной из красивейших в Европе и служит всеобщим местом встреч. Ее также называют площадью замков и историческим центром. Здесь находится Старый Дворец XIV века (ныне музей земли Вюртемберг) и Новый Дворец XVIII века (в нем сейчас разместился Парламент). Кстати, у россиян есть повод внимательней отнестись к исторической части: история города тесно связана с династией дома Романовых. Дочки русских царей, Екатерина Павловна (1788-1819) и Ольга Николаевна (1822-1892) были замужем за здешними королями и основа-

ли в Штутгарте многие ведомства (банк, госпитали, гимназию) и благотворительные учреждения. Имена царевен Романовых здесь можно встретить на многих городских объектах, и даже портреты, что довольно необычно.

Обязательно загляните на крытый рынок Штутгарта — кроме того, что он просто красив и интересен, еще и предлагает огромный выбор экзотических плодов, пряностей и многих других продуктов.

Если хорошо спланировать свой маршрут, то через несколько часов прогулки по городу можно выйти к самому посещаемому музею Штутгарта — автомобильному музею марки Mercedes-Benz. Даже, если вы совсем не интересуетесь техникой, музей стоит того, чтоб его посетить. Он устроен также удобно и по уму, как и сам автомобиль. Сначала едешь во временном лифте и слушаешь немного истории, затем вниз по спирали спускаешься по экспозиции девятиэтажного здания, где представлены 1.500 экспонатов. Среди них автомобили «Мерседес» разных лет — от самой первой модели, произведенной в далеком 1886-ом году, до современных, напичканных электроникой, роскошных и буржуазных. Также автомобили, которые принадлежали в разное время известным личностям, например, «Мерседесы» папы римского Иоанна Павла II и принцессы Дианы.

Не проходите мимо сувенирного магазина музея. Здесь есть на что посмотреть и чему удивиться, но цены достаточно высокие. Правда, приобрести милые сердцу безделушки для себя или для друзей — вполне доступно. Нагуляв аппетит во время экскурсии, на выходе можно посетить кафе или ресторан. Кормят очень вкусно, не дорого и на любой вкус. Впрочем, в Штутгарте всегда можно очень вкусно поесть, причем везде. Выбор ресторанов и кабаков огромный. Но стоит знать одну верную примету, которой следуют знающие туристы: если в заведении много немецких старичков — можно смело в нем оставаться. Немецкие пенсионеры — люди не бедные, но швабы — очень прижимисты, поэтому в дорогой ресторан они не пойдут, равно как и в тот, где невкусно кормят.

Обязательно загляните в Grand Café Planie (Charlottenplatz 17). Здесь самый потрясающий выбор традиционной немецкой выпечки. Особенно вкусны пироги типа Kuchen. К пирогу можно заказать чудесный кофе (из зерен разных сортов) или чай. Тут подают и незатейливую еду вроде яичницы, пасты, лазаньи... Приятное дополнение к трапезе — прекрасные виды на Старую крепость и Верхние замковые сады.

Традиционную немецкую кухню можно отведать в ресторанчике Weinstube Trollinger — винный погребок (Rotebühlstraße 50). Очень уютная обстановка и сверхгостеприимство хозяев. Кормят вкусно. Попробуйте Maultaschen — швабские пельмени с начинкой из мелко нарубленного мяса, сосисок, шпината, яиц, лука, петрушки и пряностей в бульоне или поджаренные с яйцом. Или закажите шпэтцле (Spätzle), что-то вроде клецок или макарон из яичного теста. Обычно их подают на гарнир. Все можно запить вином из излюбленного сорта винограда жителей Штутгарта — это рубиново красный «Троллингер» (Trollinger). Но и пиво в погребок подают в изобилии — разных сортов и на любой вкус. Хорошая еда, запитая отличным пивом или изысканным вином, несомненно, дополнит ваши прекрасные впечатления от пребывания в Штутгарте.

И еще, для любителей клубов и кафе обязательно надо посетить известную клубную улицу — Theodor-Heuss-Straße. За последние годы здесь открылось масса баров, клубов и кафе, так что это самое популярное место, где можно отлично провести вечер.

Для тех, кто решил задержаться в Штутгарте:

- ◆ Посетите зоопарк Вильгельма и Ботанический сад, инициатором создания которых был король Вильгельм I. Сад считается одним из наилучших в Европе, поскольку на его территории находятся уникальные виды флоры и фауны.
- ◆ Посмотрите на Штутгарт с высоты первой в мире телебашни (была построена в 1954 году). Туристу она привлекательна, прежде всего, своим рестораном, находящимся на уровне 150 метров, откуда открывается великолепный вид на город.
- ◆ Загляните в Государственную галерею Штутгарта. Она располагает одной из лучших в мире коллекцией картин Пикассо.
- ◆ Обязательно окунитесь в «Швабские источники» знаменитого штутгартского СПА-комплекса. Здесь, на основе натуральных минеральных источников создан уникальный природный оздоровительный комплекс с громадным бассейном в центре. Для гостей представлены разные виды массажа, джакузи, грязевые обертывания. Есть специальная зона для нудистов.
- ◆ Расслабьтесь по полной программе в центр развлечений SI — единственному по масштабу и размаху комплексу в Европе. На его территории располагаются два мюзикл-холла, шестнадцать ресторанов, представляющих кухню разных стран, два отеля с

высоким уровнем сервиса, казино, дискотеки, бары и кинозалы, оборудованные по последнему слову техники.

- ◆ Откройте для себя Штутгарт, как лучшее место для шопинга. Скидки здесь практически круглый год, а магазины известных марок предлагают товар в среднем на 50 % дешевле, чем в других местах Германии.

Сезонные бонусы к вашей поездке:

- ◆ Весенний праздник. Самый крупный праздник весны в Европе, каждый год проводится в середине апреля на Каннштат Вазен.
- ◆ Летний праздник. Признан в среде знатоков одним из самых прекрасных городских праздников Германии. Проводится в середине августа.
- ◆ Штутгартская винная деревня. Один из самых больших и самых прекрасных винных праздников Германии. Приезжает свыше миллиона посетителей, любителей вина и друзей швабской кухни со всего света. Проводится в конце августа — начале сентября.
- ◆ Каннштаттский праздник. Штутгарт ежегодно проводит осенний пивной праздник (конец сентября — начало октября), который называется «Каннштаттер Вазен». По размаху он не уступает знаменитому Мюнхенскому «Октоберфесту».
- ◆ Рождественская ярмарка. Всегда необычная, яркая, многолюдная и очень вкусная. Проводится, начиная с последних дней ноября и до 23 декабря.
- ◆ Штутгарт очень разный, но каждый в нем найдет свой интерес.

Мы в Германии

Литературный клуб «Связующая нить»

Каждый месяц авторов и поклонников литературного творчества ждет в гости Московский литературный клуб «Связующая нить», учрежденный Международной гильдией писателей (Германия) и Торговым Домом «Библио-Глобус» (Россия). Заседания клуба ведет поэт Андрей Корольков. Информация о заседаниях и предстоящих мероприятиях вывешивается в группе МГП на странице в Facebook.

Поющие сердца

Русский Stil — праздник сердец

Автор: Ирина Шульгина

Из года в год, стирая грани:
Пространства, времени, границ.
Встречают нас на фестивале,
На празднике сердец.
Здесь и поэзия, и проза,
Здесь юмор, даже — креатив.
Литературных виртуозов
Форум объединил.

Припев:

«Русский Стиль» — любовь и признание,
Фестиваль талантливых людей.
От России и до Германии
Собирает «Русский Стиль» друзей.

Ждём интересных встреч, общения,
Ждём новых творческих идей.
Наш фестиваль — Души творенье,
Свет в тысячу свечей.
Страна Бетховена и Гёте
Нас снова будет вдохновлять.
И с нетерпением год от года
Мы будем встречи ждать!

Припев: 2 раза.

«Русский Стиль» — любовь и признание,
Фестиваль талантливых людей.
От России и до Германии
Собирает «Русский Стиль» друзей.

Стиль зовёт!

Автор: Юрий Чигров

Жизнь не сразу везёт к закату,
 Но она предлагает плату за проезд.
 Кто не хочет платить по счёту,
 От неё он услышит ноту:
 Нет вам мест!
 В жизни творчества есть законы,
 И они раздают погоны по делам.
 Мы — участники фестиваля
 «Русский Стиль», значит, знаем Даля,
 Плохо ль нам!!!

Припев:

Нас творческий конкурс собрал на планете Земля,
 Здесь может родиться Ахматова, Бунин, Золя.
 Ведём мы сраженья за рифмы, за смысл и стиль;
 Да здравствует конкурс и наш фестиваль «Русский Стиль»!

Здесь хозяйева, судьи, гости:
 От волнения ноют кости — не курорт!
 Наши судьи — народ бывалый,
 Разгребают стихов завалы —
 Стиль зовёт!
 Мы у конкурса плешь проели,
 Мы стремимся к заветной цели — не беда!!!
 Здесь таланты свои представим,
 Здесь сердца мы свои оставим,
 Навсегда!

Припев:

Нас творческий конкурс собрал на планете Земля,
 Здесь может родиться Ахматова, Бунин, Золя.
 Ведём мы сраженья за рифмы, за смысл и стиль;
 Да здравствует конкурс, и наш фестиваль «Русский Стиль»!

Фестивальная

Автор: Константин Эрберт

С Москвы и Петербурга
Нью-Йорка, Люксембурга —
Нас с разных стран в дорогу
Наш Фестиваль позвал.
Поэты, музыканты,
Писатели-talанты —
Он вместе всех в сплочённый круг
Наш дружеский собрал.

Припев:

И пускай с волнением сейчас
Открываем первую страницу.
Пусть летят те строчки в звёздный час
В небеса на волю вольной птицей.
Мы сейчас с тобой пришли сюда
Показать, что нам всего дороже.
Пусть у нас летят мечты с пера,
Вместе повернуть мы горы сможем.

Сердечное начало,
И это уж не мало.
Здесь мы хотим лишь только
Все хлопоты забыть.
Судите нас не строго,
Нам нужно лишь немного —
На фестивале «Русский Стиль»
Вновь душу зарядить.

Припев:

И пускай с волнением сейчас
 Мы откроем новую страницу.
 Пусть летят те строчки в звёздный час
 В небеса на волю вольной птицей.
 Мы сейчас с тобой пришли сюда
 Показать, что нам всего дороже.
 Пусть у нас летят мечты с пера,
 Вместе повернуть мы горы сможем.

А будут нам награды,
 Мы будем только рады.
 Ведь мы хотим с мечтою
 До осени дожить.
 Собраться вместе снова,
 В том дать друг другу слово.
 И между странами мосты
 Вновь снова проложить.

Припев:

Мы с тобою вновь придём сюда
 Показать, что нам всего дороже.
 Пусть у нас летят мечты с пера,
 Вместе повернуть мы горы сможем.
 И пускай всем нам безумно жаль,
 Повернуть последнюю страницу,
 Фестиваль с названием «Русский Стиль»
 Нам с тобою дома будет сниться.

Победители

Подноминация «Полный автор»

Александр ДАВИДОВИЧ

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Ирина ШУЛЬГИНА

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Инна ЗАЕЦ

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Подноминация «Исполнитель»

Роман ПОЛИЩУК

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Виктория ПОЛИНСКАЯ

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Ирина ПАВЛОВА

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Наталья ЭЙКИНА

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Константин ЭРБЕРТ

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Алисе КЕТНЕРЕ

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Виктор НИКОЛАЕВ

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Екатерина ОЛЬШИНА

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Светлана РАГУЛИНА

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Павел РУДЕНКО

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

Владимир ВОЛОДИН

Дипломант музыкального конкурса «Русский Stil-2012».

**Информационный партнер фестиваля
Телевизионная программа
«Разговор с Александром Мягченковым»
(телеканал «Москва. Доверие»)**

Ведущий: Александр Мягченков

Шеф-редактор: Марина Меркулова

Авторская программа «Разговор с Александром Мягченковым» существует в телевизионном эфире с 4 сентября 2006 г. За это время её героями стали более 1000 человек — известных людей нашего времени. Личностей, совершающих поступки. Мы гордимся, что среди героев программы — Иосиф Кобзон, Андрей Кончаловский, Армен Джигарханян, Василий Лановой, Людмила Швецова, Роман Виктюк, Александр Михайлов, Дина Рубина, Владимир Познер, Анатолий Лысенко, Элина Быстрицкая, Наталья Солженицына, Владимир Коренев, Николай Гнатюк, Александра Пахмутова, Элеонора Митрофанова, Александр Розенбаум и многие другие. Каждый вечер по будням мы размышляем о взлетах и падениях, о трансформациях личности, о главных поступках в жизни. Девиз канала «Москва. Доверие» — «телеканал вечных ценностей», «телеканал, формирующий систему ценностей».

С 2009 года «Разговор с Александром Мягченковым» информационно поддерживает фестиваль «Русский STIL» и приглашает лауреатов фестиваля стать героями программы.

Александр МЯГЧЕНКОВ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Слушать и слышать

У программы «Разговор» нет жанра. Когда её выдвигали на телевизионную премию «Тэффи», то никак не могли подобрать подходящую номинацию. В 2007 году меня записали как ведущего развлекательной программы. В 2009-ом и в 2011-ом поставили в номинацию «интервьюер». Да, «Разговор» выглядит как интервью. Сидят два человека и разговаривают. Но я не задаю вопросы, чтобы получить ответы. Я принципиальный противник слов «у нас в гостях», «мы обсуждали», «мой собеседник». У нас обмен опытом. Мыслями. Этот проект мне интересен тем, что в него приходят знаменитые интересные люди. Состоявшиеся. У Дмитрия Быкова есть программа «Разговоры с умными людьми». Мне бы хотелось говорить не с умными, а с мудрыми людьми. С теми, у кого есть опыт. С кем можно анализировать. Говорить об ошибках и провалах. О том, что беспокоит. О том, как решиться на поступок. О том, что с нами всеми будет после этой жизни. Вести такие философско-фантастические полезные разговоры. Нужные на уровне здоровья. Например, есть у человека камни в почках. Это причиняет боль. Он ищет лекарства. Ищет людей, которых беспокоит такая же проблема. А как у вас? А чем вы лечитесь? То же самое — боль душевная. Кто мы? Зачем пришли в этот мир? Кто-то скажет, чушь это всё. Делом надо в жизни заниматься. Работа — деньги — семья — дети. А мне кажется, что без таких размышлений нельзя. Человек часто живет легко, всё получается, ни о чем не задумывается. И в трудную минуту — ломается. Спивается. Не справляется. А кто-то начинает анализировать, размышлять, искать пути выхода. Их опыт важен для других. Главное — чтобы без пафоса. Чтобы были конкретные истории конкретных людей. И когда люди тебе рассказывают истории из своей жизни, ты удивляешься: ну надо же, и у тебя так было. Или не так.

Мы мало откровенны в жизни. Я и сам по сути закрытый человек. В свой сад-огород никого не пускаю. Не делюсь проблемами. Такой характер. Когда мне говорят — откройтесь, я отвечаю: «нет!» Это моя тайна. И пусть она будет со мной. Но парадокс: как ведущий я хочу,

чтобы мой герой открылся. Рассказал мне что-то по секрету. Эксклюзивно. Чтобы взволновался. Родилась эмоция. Чтобы он меня поразил. Чтобы я открыл для себя этого человека по-новому. Как это делать? Никаких рецептов нет. Только доверяться интуиции. Когда мне после эфира говорят, хорошая программа была, мне приятно, спасибо. Но гораздо полезнее, когда ругают. Да, неприятно, но ценнее. Я начинаю анализировать. Почему сегодня «произошло», а вчера нет? Как-то Валера Гаркалин сказал: «Приходишь на интервью, зададут тебе вопрос, ты отвечаешь, а ведущий уже или о другом вопросе думает, или о чем-то своем». Это он мне комплимент хотел сказать, мол, я умею слушать. Впрочем, можно слушать, но не слышать. Когда ты человека слышишь — он начинает тебе доверять. А когда начинает доверять — начинает тебе открываться. Бывает, я сам рассказываю какие-то истории из своей жизни. Доверяюсь собеседнику. Он мне. Схемы здесь нет. Главное, чтобы нам двоим вместе было интересно. Я такой человек, если неинтересно — буду очень стараться, делать вид — а ничего не получится. Я в этом смысле непрофессионал.

Еще когда я учился в ГИТИСе, нам говорили первую заповедь актера: «Ну, чем сегодня удивлять будем?» Мне это привили. Для меня главное в жизни: удивление. Если я не удивляюсь день-два-три, мне неинтересно становится жить. И я в своей программе хочу удивлять. Чем? Тем, что телевидение — это не монстр. Человек на экране — живой и естественный, как все люди. Но человеку на экране трудно оставаться самим собой. Он боится быть органичным, боится показаться дурачком, косноязычным, не очень умным. Поэтому мы придумали такой обманный ход: выходим в эфир всегда неожиданно для героя. Я начинаю разговаривать. Как чувствую, что пошло, шеф-редактор дает мне по радиомикрофону в ухо отмашку: «Мотор пошел, работаем». И часто герой даже не знает, что он уже в эфирном пространстве. Потом спохватывается: «А мы что, уже снимаем?» И сразу меняется в лице — становится на котурны, делает пафосное выражение. И тогда я уже думаю дальше, как заставить его забыть, что вокруг камеры. Слава Богу, у нас не шоу со зрителями. Маленькая студия, два оператора, которых мы не замечаем. Чай, конфеты...

Вся сложность этой программы в том, что она никак не запланирована. Конечно, мы готовимся к эфиру. Мы — это я, шеф-редактор и два редактора. Собираем информацию о герое, готовим вопросы, пи-

шем целую выстроенную драматургическую систему разговора! А приходит человек со своим настроением, со своими сегодняшними проблемами и в миг всё ломается. Я иду за ним. За тем, что его волнует, о чем у него душа болит. И пусть мы не поднимем какие-то запланированные проблемы — мне важно, что встретились два живых человека, и между ними произошел обмен энергетикой, обмен эмоциями, телепатический обмен, если хотите. Вот пришел Александр Розенбаум, хотели о песнях говорить — а проговорили об уличных придорожных туалетах. Потому что его это волнует, он всю жизнь на колесах по гастролям. Или пришла Клара Новикова, чуть не попавшая в аварию на подъезде к нашей студии. Как не говорить об этом? Или Ирина Понаровская увидела в гримерной косметичку с изображением божьих коровок и расплакалась. Оказывается, для неё божья коровка — воспоминание об ушедшей бабушке. Как это запланируешь? Конечно, не все передачи получаются. Это как в театре. Пьесу играют каждый день и играют правильно. Но бывает — не произошло. А бывает — в конце вдруг опьянение, гипноз. Что-то случилось. Отчего? Почему? Я верю в параллельное пространство. В параллельные вещи. Мы боимся этого, а жизни надо доверять. Второму чувству. Иррациональному.

Марина МЕРКУЛОВА

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Разговор (Александр Мягченков и Армен Джигарханян)

Марина Меркулова

К встрече с Арменом Джигарханяном мы готовились три недели. Звонили каждый день. Он обещал приехать, но в последний момент отказывал. Утром перед очередной съемкой я снова набрала номер.

— Армен Борисович, мы вас ждем.

— Деточка моя, даже не знаю. Какой-то я сегодня небритый...

— Небритый?

Я взмолилась: — Армен Борисович, дорогой, приезжайте любой!..

Джигарханян действительно приехал сильно небритый, в каком-то плюшевом пиджаке. Улыбался. Дедушка. По коридору в телецентре Останкино всё время останавливался и здоровался с каждым. Мы приготовили для начала разговора фразу Джигарханяна, сказанную несколько лет назад: «С годами в человеке многое меняется. И не в лучшую сторону».

Александр Мягченков

— Армен Борисович, это Ваши слова?

Армен Джигарханян

— Да, но я вчера прочитал другого мудреца. Почти такого же, как я. «Мы не умираем. Мы меняемся». В этом проблема. Меняемся, когда угасают желания. Энергия. Воля к жизни. Мне 72 года. Я постарел. Не в смысле каких-то комплексов. В смысле желаний. Желания — они погасли. Ушли вовнутрь. У меня нет потребности выходить на сцену. Я лучше что-то почитаю. Уйду в себя. Пошмыгаю себе под нос. Поверь, то, что я сейчас говорю — для меня это драма. Я 50 лет играл на сцене. Это не так просто — уйти. Пусть не думают, что я кокетничаю. Мне театр всегда нравился. В театре есть какая-то исповедальность. Там можно поплакать. В моей жизни было серьезное горе. Погибла моя дочь. А как раз выпускался спектакль, и я был весь разломанный. И тогда один мой хороший друг, психиатр, сказал: «Иди, играй». Я не понял: «Как? Я поломаюсь, упаду». «Нет, иди, играй». И

я тогда впервые понял, какая это великая профессия — актер. Потому что идет выхлест нервный. Ты на сцене выплакал, выкричал всё, что с тобой происходит в жизни. Актер — это очень странная и страшная профессия. И сейчас я не имею права работать на сэкономленном топливе. Я должен выложиться. А я уже не могу выкладываться.

Марина Меркулова

Джигарханян замолчал, заёрзал в нашем неудобном кресле. Неужели, вправду не кокетничает? И вправду ничего не хочет? Или не может? Мне всегда казалось, что старость — это не когда угасают желания. Старость — это когда глаза и мысли еще хотят, а тело уже не может. Дух и плоть.

Александр Мягченков

— Армен Борисович, что для вас было всегда самым трудным в актерской профессии?

Армен Джигарханян

— Я когда-то в Югославии имел встречу с великим режиссером Бертолуччи. Он привез на кинофестиваль свою картину «XX век». Мы жили в одной гостинице. Однажды окружили его и прямо в лицо спросили: «А что вы думаете, какое самое главное событие XX века?» Знаешь, что он ответил? «Сексуальная революция». Сексуальная революция была попыткой решить вечный конфликт души и тела. В человеке ведь всегда борются плоть и дух. Вот для актера, что самое трудное? Преодолеть страх обнажиться. Раздеться. Перейти черту дозволенного. Выйти за себя привычного. Это тоже сексуальная революция. Актерская профессия — чистой воды физиология. Я должен почувствовать. Понюхать. Чтобы взыграло ретивое. Система Станиславского — великая школа, но только для тех, кто может вызвать в себе этот нюх. Армяне говорят: дырки носа. Актер — это дырконос. Я очень люблю людей, которые театр чувствуют. Носом. Глазами. Руками. У меня в спектакле «Трамвай Желание» был момент переодевания. Тяжелая сцена. Мигом выскочить за кулисы и сменить одежду. И у нас работала замечательная переодевальщица. Она накидывала на меня одежду и так сзади куда-то руками направляла. Секунда. Раз — и руками провожала меня на сцену. Я никогда этих рук не забуду. Не знаю, жива ли она еще.

Александр Мягченков

— Я прочитал где-то, что вы не ходите на похороны...

Армен Джигарханян

— Я объясню. Как у всякого человека, у меня были близкие дорогие люди. Первая — мама. Я не видел мою маму мертвой. Я уезжал — «Нормально? — Да, всё нормально». Вернулся — уже похоронили. И я до сих пор с ней разговариваю. До сих пор помню, как она смеется. Живая для меня. Если человек мне дорог, я хочу с ним говорить. Нет, жизни после смерти нет. Это всё касается только меня. Но не ушедших. Я привык со своими проблемами справляться без чьей-то помощи. Забуду, выброшу, буду глотать слезы, плакать, но это моё дело — горе.

Марина Меркулова

Во время разговора Армен Борисович часто повторял: «Йес!». Александр смеялся: «Что я должен вам отвечать? — Оф кос?». Уже много лет Джигарханян живет на два дома — в России и в Америке, полгода там, полгода здесь. В Москве руководит театром и снимается, в Америке отдыхает, так сказать, живет жизнью пенсионера. Джигарханян вспомнил случай в магазине в первый год в Техасе. Он покупал курицу — и продавица сделала скидку. Сама, ничего не объясняя. Просто потому что перед ней стоял пожилой человек.

Армен Джигарханян

— Александр, можешь себе представить, чтобы у нас так? Но в России только сами старики жалеют стариков. Однажды я пришел в один казенный дом. И там дедушка раздевал меня. Потом выяснилось, что он на год моложе меня.

— Джигарханян?

— Да.

— Постарел ты... А устаешь?

— Устаю.

— Я тоже. Вот бывало за пять минут триста человек одевал. А сейчас? Два пальто повешу и отдыхаю.

В общем, пожалел он меня и мою старость. Вот потому и не играю больше. Не хочу, чтобы кто-то посмеялся: «Чего ж он играет? Ему надо грядки копать». Нельзя. Мы любовью на сцене должны заниматься, а не имитацией. Однажды молодая девочка мне сказала: «Я вышла

замуж после того, как увидела ваш спектакль «Трамвай Желание». Какое счастье. Вот так надо.

Марина Меркулова

После съемки мы втроем вышли на улицу. У ворот Останкино стоял серебристый джип. Водителя в нем не было. Армен Борисович сел за руль.

— Вы сами, без шофера?!

— Сам, — гордо сказал Джигарханян. — Люблю я это дело.

Любит... Хорошее слово.

P.S. Этот разговор мы снимали в 2007 году. А спустя 5 лет, в 2012, Армен Борисович Джигарханян неожиданно вышел на сцену в роли мудреца Сенеки в спектакле «Театр времен Нерона и Сенеки» (театр под руководством Армена Джигарханяна).

Юрий БЕРДАН

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Запах «Красной Москвы», бретельки
 Под ладонью сквозь красный шелк...
 В сельском клубе на дискотеке
 Был не медленный танец — шок.

На глаза скользнувшая прядка
 Десять жизней тому назад...
 В мире юности и упадка
 Облетает колхозный сад.

Хоть сто раз застрелись, хоть спейся —
 Наваждение, кабала:
 Как осколок у кромки сердца,
 Она в каждой потом была.

Вспыхнут в памяти — нож по жести:
 Над обрывом речным — костры,
 Стон под утро, слова и жесты
 Смуглой женщины из Нью-Джерси,
 Пальцы бруклинской медсестры,

Снег над городом, электричка,
 Плющ по стенке в ее дворе —
 То ль танцовщица, то ль певичка,
 Начинающая алкоголичка
 Из подвальчика-кабаре,

Лунный всполох над кромкой леса
 И букетик на три цветка —
 Рыжий ангел с глазами беса,
 Авангардная поэтесса
 Из приморского городка...

Осень та все никак не кончится —
 Среди рощ поредевших корчится

В закоулке глухом Земли...
 Окна — наглухо, стихли песни.
 Знать не знаю: с кем, где... И есть ли —
 Все под Богом мы. Мало ли...

По кому же грустится-бредится?..
 Все крошится — гранит и сталь.
 Ты не дай мне, Господь, с ней встретиться,
 Или душу мою состарь.

* * *

Осень шумела кленами...
 Все завершилось так:
 В гостиничном тесном номере
 Мы пили горький коньяк.

Гудел разбуженным ульем
 Вечерний людской поток.
 Закусывали поцелуем
 Каждый второй глоток.

Услышалось-прозвучало,
 Как будто бы невзначай:
 «Лучше тебя не встречала...»,
 Что означало — прощай!

Финал — чему-то начало.
 Поправила прядь рукой:
 «Помни...», что означало —
 Больше не беспокой!

Что грустен и недоласкан —
 Ее ли в этом вина?
 Как на токсидо лацкан,
 Блестела в окне луна.

Утренний гул вокзала,
 Кофе и бутерброд...
 «Я позвоню», — сказала.
 Сама понимала: врет.

Вячеслав ЛОПУШНОЙ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Музыкальная память

53-й, март. Мне — восемь скоро.
Плач. Красно-чёрный цвет на рукавах.
Красивую мелодию в миноре
Сменяют речи — в радио-устах.

И я — малец, не помнящий тревог, —
Нашёл словечко. Звонко и невинно,
И что творя, не ведая, изрёк:
Да выключите эту говорильню...

Вся наша коммуналка поперхнулась!
И стал седым отец мой — на глазах!
Мне в спину, будто холодом пальнуло!
А музыка вослед струила страх...

Мне нет причин на прошлое пенять.
Я на судьбу не жалуясь и нынче.
Но включают «Итальянское каприччо»,
И... ноги отнимаются опять.

Александр Зениткину

Вот и грянули струны, летящие
Под могучею дланью твоей:
Эй, ребята, по полной налей!..
И на выдохе — наше, щемящее:

«Колыма», «Офицеры», «Рябина» ли... —
Полухрип, полустон, полукрик!
Шибче спирта хватая глубинное,
Ввысь летит забубенный твой клик!

Мигом взгляд застилает роса:
То ли нервы мои поизношены?
Но такую же влагой непрошеной
Забирает соседей глаза.

А в груди и светло, и мучительно:
Пр-р-ропаду без тебя, моя Русь!
О российская жгучая грусть!
Что больнее тебя? Что — спасительней?..

Романс

Я перечёл твоё письмо,
Какому четверть века скоро.
И вот опять, как обожгло!
Вновь подступило что-то к горлу.

Прости, что нежен не был я,
А был, скорее, просто грубым,
Когда расплескивал до дна
Губами — губы.

Не одолел бы ни строки —
Их у меня не слишком много.
Но знай: они — мои стихи
Все родом из того ожога!

Вновь перечёл твоё письмо...
И вот опять, как опалило!
Оно болит, кричит само:
О Бог мой, как же ты любила!

Виктор КИРЮШИН

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

* * *

Тропа с холма сбегает вниз полого,
А дальше степь без края и конца.
Сухой и жесткий куст чертополоха
Качнется вдруг у самого лица.

Бери копьё иль уповай на милость
Врагов, что в прах стирают города...
Здесь ничего почти не изменилось
За сотни лет —
Все так же, как тогда.

Так да не так:
Враг обернулся бесом,
Перехитрил Ивана-удальца.
Живое поле зарастает лесом,
Мелеют реки, души и сердца.

Там, далеко, шумит-гремит столица,
Она щедра для слуг, а не служак.
Куда идти?
Каким богам молиться?
Где в этой смуте войско и вожак?

Все верится: вот-вот блеснут кольчуги,
Тугие стрелы воздух разорвут...
Но тишина давно уже в округе
Та самая, что мертвою зовут.

По всей степи кусты чертополоха,
Сойдешь с коня — утонешь с головой.
Густеет тьма.
Кончается эпоха,
И колокол расколот вечевой.

* * *

Словно солнца веселые слитки,
Накануне осенней поры —
Золотые шары у калитки,
У крыльца Золотые шары.

За горами еще, за долами
Снеговой, сметающий след.
Я люблю это желтое пламя,
Угасающий трепетный свет.

Межсезонья штрихи и детали,
Остывающий полог небес.
Все яснее заречные дали,
Все безмолвнее поле и лес.

Буду слушать — такая удача!
Отходя безмятежно ко сну,
На вчера еще суетных дачах
Неземную почти тишину.

Всюду радости этой приметы,
Как грядущего чуда ростки.
... У крыльца лепестки золотые,
У калитки твоей лепестки.

* * *

Легко бежал, а все-таки запнулся.
Шил на века, да распоролся шов.
По глупости однажды оглянулся:
И жить не жил,
А поле перешел.

Ирина ГОРЮНОВА

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Сюрприз

Постоянно забывать какие-то мелочи, смешно и неправильно строить предложения, спускать зубную щетку в унитаз после чистки зубов — это все органично вписывалось в ее поведение, словно она существовала на телеэкране как женский вариант Чарли Чаплина, за одним только исключением: вместо нелепой фигуры всемирно известного комика Алла щеголяла грациозностью фарфоровой статуэтки. Ее наигранная беспомощность и рассеянность привлекали мужчин сильнее, чем любые другие уловки, потому что практически каждый из них начинал чувствовать себя умнее, сильнее, и даже выше — миниатюрный рост Аллы так же являлся большим плюсом, ведь рядом с двухметровой манекенщицей далеко не всякий сможет ощутить себя «Тарзаном».

Мы собирались тогда в Софию. Я — из Москвы, она — из Нью-Йорка. Разница во времени прилета всего час. Мне нужно было только подождать ее в кафе вместе с одним из ее поклонников, который любезно согласился нас встретить в аэропорту. Еще за месяц до отлета Алла говорила мне, что у нее такое ощущение, будто впереди нас ждет какой-то совершенно потрясающий сюрприз. «Случится что-то очень хорошее, поверь мне, — говорила она. — Я чувствую». Я относилась к ее словам скептически, не доверяя подобным прозрениям. Случится — и хорошо. Увидим. Поскольку Алла планировала лететь через Лондон, она предлагала мне на обратном пути задержаться там на пару дней, но я не успевала — мне надо было на работу, да и по финансам тогда тоже получалось не слишком удобно. Поэтому идея завяла на корню.

Уже пару лет как я стала бояться летать на самолетах — следствие открытости информации и сообщений в новостях о многочисленных авиакатастрофах. А тут я, впервые за долгое время, летела одна. Но все оказалось не так страшно. Аутотренинг, оказывается, очень хорошо работает, и можно даже обойтись без энного количества спиртных напитков. Потрясывает внутри немного, но вполне терпимо. Удастся даже не впиваться в руку сидящего рядом пассажира, ограничиваясь «терзанием» подлокотников кресла. Так что уже прогресс. Един-

ственная проблема — очень хочется курить. Вдох — выдох, снятие напряжения и все такое... А в Софийском аэропорту курительных комнат нет вообще — только на улице.

Зацепив взглядом листок со своей фамилией, я подошла к знакомому Аллы.

— Лучезар? — спросила я.

— Да. Я рад, что ты прилетела, Катя. Давай пройдем в кафе. Я возьму чемоданы.

— Одну минутку. Я бы хотела выйти покурить. После длинного перелета...

— Конечно. Я подожду здесь.

Я радостно устремилась наружу, лихорадочно доставая пачку сигарет и зажигалку.

Возвращаясь через пару минут обратно, заметила, как Лучезар прячет в карман сотовый телефон.

— Тут... эээ... проблемы. Алла сегодня не прилетит, — смущенно сказал он. — Что-то там произошло, и она опоздала на посадку в самолет. В Лондоне, где у нее пересадка, в Хитроу, такие сложные переходы...

— Гм... почему-то меня это не удивляет, — ответила я.

— Поедем. Я отвезу тебя в отель, а потом погуляем по городу, если есть желание...

— Спасибо. С удовольствием.

Забросив чемоданы в гостиницу, мы пообедали и прошлись по старому центру Софии. Теплое весеннее солнце дарило радостное настроение. Лучезар сказал, что мне совершенно незачем завтра ехать в аэропорт, он встретит Аллу сам. Я тактично согласилась, подумав, что этим двоим явно хочется побыть наедине. К тому же, я люблю гулять по улицам незнакомого города в одиночестве. Побыть наедине с миром удается нечасто: муж, ребенок, работа, вечная суета... А тут... никогда не знаешь, что ждет тебя за поворотом, это словно картинка из кинофильма: маленькое уютное кафе, через дорогу — старинная церковь XVI века, в подземном переходе лавка сувениров с розовым маслом, прячущимся в расписных деревянных флакончиках... Всего только и нужно, что купить карту в ближайшем киоске, чтобы потом найти дорогу к отелю, к тому же я приобрела болгарскую сим-ку для телефона и в любой момент могла позвонить Лучезару. Эта одиночная прогулка как настоящий сюрприз судьбы, неожиданный, негаданный и прекрасный. Он дает возможность говорить с городом, знакомиться с ним, открывать его маленькие милые тайны.

Вдоволь побродив по городу, я отправилась в отель, чтобы встретить Аллу и пойти всем вместе в какой-нибудь близлежащий ресторанчик перекусить.

Алла, как обычно, «чудила», т. е. была в своем репертуаре. Богемная рассеянность, кокетливость и изящество. Она немногословно пошутила по поводу своего опоздания на самолет, но подробно распространяться на эту тему не стала. Историю ее приключения я узнала только вечером, когда мы сидели в номере и пили чай.

— Ты знаешь, там, в Хитроу, такие странные переходы... Я думала, что у меня много времени и зашла в «Дьюти Фри» посмотреть косметику. Потом заблудилась, потому что зашла еще в пару магазинов. Наконец, нашла выход на посадку. Смотрю — никого нет. Подхожу к какой-то даме в униформе и спрашиваю, скоро ли посадка. Она мне отвечает: «Через пять минут». Я сажусь спокойно в уголок на кресло и жду. Ничего не происходит. И народу никого. Проходит минут пятьдесят. Потом она подходит ко мне и спрашивает: «А вы куда летите?». Я отвечаю: «В Софию». Так, представляешь, она смотрит на меня, будто на идиотку, улыбается и говорит: «А ваш самолет улетел пять минут назад». Я думаю, что это глупая шутка, и говорю: «Но позвольте, вы же сказали мне, что посадка начнется через пять минут!». — «Нет, — отвечает, — я сказала вам, что через пять минут самолет взлетит». И тут, — Алла пристально смотрит на меня и краснеет, — тут я иду, рассеянно сажусь на первый попавшийся стул, поднимаю глаза и вижу перед собой огромное табло, на котором написано только одно слово SURPRISE. Я смотрю на него в диком шоке и внезапно ощущаю, что меня накрывает совершенно чудовищной силы оргазм. Из глаз текут слезы, я хохочу и с трудом прихожу в себя, когда служащий аэропорта пытается выяснить, чем он может мне помочь. — Алла замолкает.

— Зная тебя, я не удивляюсь, — отвечаю, давась от смеха.

— Я же говорила тебе, что будет сюрприз.

— Но такого ты не ожидала...

— Да уж... Зато посмотрела Лондон. Это сочли за ошибку служащих аэропорта, извинились и отвезли меня в гостиницу. Поселили там совершенно бесплатно, да еще поменяли билет на другой рейс.

— Главное, вовремя запланировать сюрприз и послать мирозданию просьбу — исполнить желание. Тебе удалось.

Алла дурашливо улыбается.

— Я надеюсь, это все сюрпризы в этой поездке? — интересуюсь я.

— Посмотрим, — загадочно отвечает она и прищуривается.

Татьяна КАЙЗЕР

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Карнавал

В одном замечательном уголке Матушки Европы в долине между грядями гор с заснеженными вершинами расположился небольшой старинный средневековый город. Все его улицы стекались к торговой площади, украшением которой была часовая башня на здании ратуши. Она поражала воображение искусными фигурами королей, волшебников, рыцарей и прекрасных дам, оживавшими в хороводе, как только начинал звонить колокол.

Очень милые и радушные жители этого города — чувства и эмоции — были хорошо знакомы между собой, дружны и доброжелательны. Они уважали достоинства друг друга и не обсуждали слабости. Просто принимали всех такими, какие они были.

Мягкий климат способствовал тому, что все дома почти круглый год утопали в зелени, делая город просто огромным ботаническим садом. Однако строения заметно различались между собой, как и характеры тех, кто в них обитал.

В самом ближайшем к ратуше доме жили Смех и Радость. У них было всегда солнечно: то ли от обилия подсолнухов, вперемежку с заморским оранжевым кореопсисом, заселивших все лоджии, то ли от красно-белых пушистых головок маргариток, озорно усыпавших подоконники дома. А веселый нрав хозяев, казалось, расцвечивал улыбками заодно и всю торговую площадь города.

Соседний особняк занимали Азарт и Страсть. Запах растущих здесь роскошных орхидей, гибискуса и пионов будоражил и волновал всю округу. А от пурпурной гвоздики и ноготков исчезало спокойствие и накатывало на прохожих головокружение.

Рядом расположилась огромная вилла Восторга и Эйфории. Балконы и террасы, заставленные кадками с красно-желтыми розами, соперничали с партерами вокруг дома, усыпанными огромными маками.

По другую сторону площади изумляло великолепием строение, которое в огромном изобилии украшали самовлюбленные нарциссы и гордые гладиолусы. Там царили Эгоизм и Гордыня.

Поодаль обращал на себя внимание и дом, которым владели Обман и Ложь. Все его стены были обвиты плющом. А окна были заставлены ящиками с дурманящими гиацинтами и подозрительными бегониями.

Самыми близкими соседями их были Интерес и Симпатия, уютно расположившиеся в коттедже, где повсюду цвели георгины.

На одной из улиц, спускавшейся к рынку от городских ворот, заметно выделялся дом, в окружении разнообразных необыкновенной величины заморских кактусов. У Его обитателей Гнева и Обиды постоянно вспыхивали споры по пустякам. Они щедро осыпали друг друга колкостями, которые словно бы заряжали все пространство. И дорога к дому становилась все уже и уже от напорающих безудержно кактусов, почти поглотивших редкие семейства петуний.

И совсем контрастом смотрелись напротив скучные стены какого-то странного малоприветливого жилища, с вечно прикрытыми ставнями и огромной скрипучей дверью, открывающейся прямо на тротуар. Весь город знал живущих здесь сестер Жадность и Скупость. Чтобы как-то скрасить совершенно голые балконы фасада, насмешник-ветер не упускал случая навеять туда семена каких-нибудь сорняков или пустоцветов.

А на другой улице, исчезающей в просеке подступающего соснового леса, виднелся коттедж, словно плывущий в зарослях жасмина и сирени. Все было наполнено таинством, напоено негой и обожанием. Здесь уединились Шепот и Меланхолия. Счастливых молодоженов почти не было слышно. Им также не докучали и хозяева небольшого дома напротив Стыд и Робость. Там раскидистые пышные ветви мимозы укрывали клумбы с фиалками.

Совсем близко от других городских крепостных ворот, у подножия горы в большой усадьбе обосновались Успех и Благодарность. Террасы виллы были украшены пшеничными снопами — символами богатства и процветания. Ухоженные оранжереи, бесчисленные парники и цветники занимали все пространство. Всюду царил трудолюбие, а аромат благополучия был разлит далеко по окрестностям.

Через несколько кварталов от них был расположен большой особняк, принадлежащий Скуке и Пессимизму. У них часто и подолгу гостили родственники Сон и Лень. Казалось, повсюду была разлита зеленая тоска. А колышущейся высокой сонной траве с задорными головками лаванды в неравной борьбе проигрывали флоксы и гортензии.

Еще через пару кварталов, напротив окруженного постоянно панически дрожащими осинами, особняка, владельцами которого были

Тревога и Страх, поселились Плач и Слеза. Ни у кого в городе не росло столько ландышей, как здесь у них, отгороженных от всего непредсказуемого мира плакучими ивами.

Ручей разделял их владения с соседкой-вдовой Ностальгией, чей берег с ранней весны ковром покрывали подснежники, о чем потом весь год мечтательно вспоминалось.

Неподалеку от монастырского подворья расположилась вилла Интуиции и Трепета, где вечно шелестящие березы склонялись над клумбами с герберами. С террас открывался завораживающий вид на пруд, весь усыпанный огромными широкими листьями с изумительными лотосами.

По соседству находился и диковинный для этих мест дом Энтузиазма и Надежды. Плоская крыша, ниши и лоджии, газоны вокруг были устланы белым вереском и анемонами.

Самым прекрасным местом города был парк прямо за ратушей, все аллеи которого заканчивались у живописного озера. Слева виднелся коттедж сестер Нежности и Доброты, опушки перед которым были усыпаны васильками и ромашками. А во всех окнах красовались горшки с фрезией. Эти любимые цветы отовсюду привозила с собой навещавшая их кузина Привязанность.

На другом берегу озера в кустах изумительных роз утопала вилла, где обитали Долг и Верность и их юная воспитанница Любовь. Чудесные цветы украшали все балконы и террасы, газоны и аллеи. Очарование и благоухание благодати наполняли все окрестности.

Другие дома, особняки и виллы города, их балконы, лоджии, подоконники, террасы, партеры, палисадники также украшали цветы, среди которых более всего первенство было за геранью, хорошо защищающей пространство от любого негатива. Может, потому атмосфера в городе всегда оставалась располагающей и доброжелательной.

Жизнь горожан размеренная, спокойная, вдали от торговых магистралей и исторических потрясений текла из столетия в столетие.

Но случилось так, что в городе появилось новое лицо.

Странствующая много по миру Зависть все никак не могла найти себе удобного места для жизни. Она приходилась дальней родственницей Унынию. И поначалу, захватившая в этот город из любопытства, она потом нашла его достаточно милым и симпатичным. Зависть купила огромную виллу. Самые красивые цветы, какие она у кого-нибудь видела, заполняли все пространство и внутри дома, и снаружи.

Великолепию убранства просто не было с чем соперничать. Роскошные покои заполнили бесчисленные предметы искусства, драгоценности и ... одиночество.

Хмурая Зависть ничему не могла радоваться, так как это было не в ее природе. А ведь когда кому-то завидуют, то того не любят. Потому не любила Зависть жителей города. Лад и теплые отношения в их семьях были для нее горше отчаяния. Ведь ей неведомы были ни великодушные, ни благожелательство. Она не упускала случая позлословить в их адрес, с удовольствием приумножала замеченные недостатки — ведь язык ее был исполнен преувеличения и желчи. Зависть стала порождать раздор среди жителей, плести интриги. Она просто не могла быть счастлива, потому что ее мучил вид большего счастья других.

Время шло, а настроение Зависти не менялось, не улучшалось.

Вот и зима очередная близится к концу. На улице вовсе не так уж сыро и промозгло, как ощущения у Зависти. Но ей очень неуютно. Как неприкаянная бродит она по своему роскошному жилищу или часами сидит у камина. Давно известна магия огня: если подолгу смотреть на него, то это способствует внутреннему очищению от беспокойства, суетности, душевных сумерек. Но, если внутри страсти полыхают, то глядя на огонь, они еще сильнее разгораются.

Вот и задумала Зависть коварный план. Почему бы не взорвать такое вековое спокойствие, благоденствие? Тем самым отомстить за горечь досады на жизнь.

Долго размышляла она: перед чем бывает очень трудно устоять? Перед искушением. И уже фантазия трудится над созданием этих искушений. Пусть это будут нега и праздность, отмена запретов. Как бы придумать новый особый тип общения, невозможный в обычной жизни, не признающий никаких дистанций и свободный от обычных норм этикета и пристойности?

Решила Зависть устроить большую игру — карнавал-маскарад — этакую пограничную зону реального мира и фантазии, где можно было бы чувствовать себя иначе, чем в обыденной жизни. В таком иллюзорном мире кто мог бы отказать себе в удовольствии немного расслабиться, обрядиться в непривычные одежды и закружиться в бешеном ритме карнавальная вседозволенности, почувствовать себя немного сумасшедшим.

Почему не подменить строгие нравы веселым распутством, безответственно флиртовать, игнорируя правила приличия? Ведь все воз-

можно, если лицо прикрыто маской! А кому не хотелось бы повеселиться так, чтобы не краснеть за какие-то свои эмоции, поступки, мысли и слова? Придуманный карнавал и давал возможность пожить в мире тайн, интриг и авантюры!

Зависть была неплохим психологом, рассудив, что нет страсти более лютой, как дерзость, потому что она — родительница всех страстей.

Почти весь город собрался на празднике у Зависти. Мир карнавала порождал, провоцировал безумное легкомыслие, все глубоко скрываемое выплескивалось наружу.

Все чувства и эмоции с удовольствием примеряли маски. И вот уже у кого-то исчезла нерешительность, напряжённость, скованность, пропала неловкость из-за неуверенности в себе. Смех в головокружительном танце с Ложью стал рассыпать насмешки. У Страсти завязался умопомрачительный роман с Эгоизмом.

Упоительно закружились в вальсе Стыд и Слеза, Робость и Страх. А Скука в объятиях Азарта познала неизведанные ранее наслаждения. Лень и Шепот постоянно уединялись в беседках, в самых укромных уголках, временами неожиданно тревожа опередивших их Меланхолию и Сон.

Гнев и Жадность, безответственно флиртуя, возомнили себя едва ли не самыми популярными на карнавале. Гордыня же и Обман вообще надумали прибрать к рукам власть в городе, упразднив былое самоуправление.

Были и такие, кто просто позволили себе проявить прежде стыдливо скрываемые ненависть и мстительность. Многие охотно забылись в этой пьянящей фантазмагории и иллюзорности.

И тут Зависть обратила внимание на одиноко лежавшую маску.

Это Любовь не захотела маски и вообще поспешила исчезнуть с этого карнавала.

Тогда хитрая коварная Зависть постаралась сделать так, чтобы другие стали надевать маски, похожие на любовь. Это были маски безумной, несчастной, неразделенной, братской, однополой, по расчету, продажной, эгоистичной любви, маски себялюбия и сребролюбия. И со временем стерлись границы между желаемым, изображаемым и действительным. Среди множества масок Любовь просто исчезла. Кто знает, может, она вообще покинула этот город, страну, часть света.

С той поры сменилось много поколений. Давно перемешались чувства и эмоции.

Теперь даже и не скрываются за масками, чтобы произвести впечатление...

Нет нужды прятать свою суть. Вседозволенность, равнодушие, нравственный нигилизм — некое представление о том, что ничто не является моральным или аморальным.

Слова «любовь», «любить» стали просто расхожим и удобным эквивалентом каких-то чувств, эмоций, привязанностей. «Я люблю тебя» стало равносильно «ты мне нравишься». А нравиться может все что угодно... карнавалы «Парады любви», например. Давно уже Морали привиты свободные вкусы и нравы.

Карнавалы же расплескались по всему свету.

Это забава и удовольствие. Стоит надеть костюм и маску — и уже можно позволить глубоко скрываемым чувствам выплескиваться наружу. Можно радостно избавляться от накопленных отрицательных эмоций, от груза проблем, серости трудовых будней.

Это разрядка чувств и демократичность — все равны, все неузнаваемы и раскованны.

Легко шагнуть за рамки приличий. Высмеиваются авторитеты.

Этакое временно утопическое царство свободы, равенства и изобилия. Яркая иллюстрация — грандиозное карнавальное шествие в Кельне, когда в толпы зевак летят едва ли не тонны сладостей и сувениров.

Любой карнавал — это праздник. Знать бы, кто заказывает музыку, и осознавать, что проявляется. Карнавал ли это культур, или карнавал цветов, или карнавал утверждающихся меньшинств.

К примеру, трудно переоценить вклад в толерантность карнавалов культур, проявляющих уважение к разнообразию различных мировых культур, народов.

Карнавалы в задумке своей связаны с проводами зимы и встречей весны, моментом как бы обновления природы.

И так ли уж утопически предполагать, что карнавал может стать и обновлением духовной жизни человека?

Ведь поговаривают же о нем, как о чудодейственной процедуре излечения праздником — нечто вроде сеанса психоанализа.

...Самым распространенным растением, которое по сию пору украшает и защищает жилища, остается герань — пожалуй, единственный цветок, примиряющий чувства и эмоции.

Владимир КРАСНОВ

Член жюри литературного конкурса «Русский Stil-2012».

Букет сирени

Гроза заходила с «гнилого угла», клубясь лиловой наволочью туч. Полыхая и погромыхивая, она мало-помалу заполняла собой синий окоём неба.

Не замечая глухой канонады грома, мы ловим в Рамшаге пескарей. Погода стоит жаркая, сухая — редкий день обходится без грозы. По пути в Рамшаг, мы искупались у Рейки, и теперь сидим на солнцепёке в мокрых трусах, рассеянно следя за поплавками.

Клюёт плохо. Хитрые пескари забились под камни, поди, выуди их оттуда. Отставив удочки, вооружаемся вилками, взятыми из дому, по щиколотку заходим в быструю, щекочущую донной травой воду, осторожно переворачиваем сизые, осклизлые валуны, собираясь вилками добывать укрывшихся под ними пескарей, но всякий раз успеваем заметить лишь рыжее облачко взбаламученного ила и узкую тень пескаря метнувшегося прочь...

Есть хочется. Чтобы унять голод, делим по-братски хлеб, взятый для привады, жуём зеленую смородину, в зарослях которой прячем удочки со спутанными лесками и оборванными крючками.

Раскаты грома все громче, все настойчивей, все сильнее; тень нависшей над рекой тучи чернильным пятном расплывается по воде. Река морщится рябью, обдаёт стыlostью дождевой.

— Гроза будет, — говорит Гена. — Пойдем домой.

Засунув в тошную котомку мокрые сандалии, шествуем вдоль берега налегке, взбираемся в гору и, помедлив, лезем через дырку в заборе на кладбище — так к дому ближе и верней. Уклоняясь от жалящей со всех сторон крапивы, поднимаемся по тропке, пропадающей между могил, стараясь не глядеть на памятники и кресты, окутанные пахучими туманами сирени.

— Я маме сирени обещал нарвать...

— Какая сирень? Ты что, спятил? Гроза ведь...

— Я обещал...

— Ну, и рви, раз тебе здесь остаться охота... — И Гена, демонстративно насивистывая, уходит, оставив меня одного.

Звенит в ушах кладбищенская тишина. Иль это кузнечики звенят в траве? Я рву сирень, стараясь держаться спокойнее. Все в порядке — бояться нечего. Живых надо бояться, а не мертвых — так говорит бабушка. Верно она говорит. А здесь... Здесь никого нет, даже Гены. Ушел Гена. А еще друг называется...

И тут вдруг полыхнуло ослепительно и страшно... В глазах померкло; с трескучим грохотом разверзлись небеса, ударившись о землю; я невольно сжался и присел, ударившись о перекладину чугунного креста, сокрытого сиренью. «Капитань Эктовъ» — машинально прочёл я надпись на изъеденной ржавчиной табличке.

— Ну, как ты там, живой? — доносится до меня встревоженный голос Гены. — Здорово бабахнуло, да?! Давай я тебе помогу...

Обжигаясь крапивой, мы торопливо обламываем куст, оставив капитану самые крупные и красивые ветки наверху. Мой букет гораздо пышнее и гуще, чем у Гены.

— А мне и так сойдет, — говорит он. — Мама не любит сирень. Особенно с кладбища.

Гроза догоняет нас, грохоча, хохоча и сверкая, и мы уже не бежим — летим, как настёганные, не чуя под собой дороги. Сирень колыхается, роняя лепестки, и её томительный, завораживающий дух туманит мне голову.

— Слушай, друг, продай букет... — слышу я и не сразу понимаю, что слова эти обращены ко мне. Я замираю в недоумении, чувствуя, как колотится под рубахой сердце...

Замирает гроза, клубясь черными, как сажа, облаками. И только зарницы, хищные, как змеи, ветвятся по горизонту, отражаясь в окнах продмага, закрытого на переучет.

— Продай. Я тебе полтинник дам. Целый полтинник! В кино сходишь, конфет купишь... — Смуглый кудлатый парень в широком пиджаке извлекает из кармана лоснящийся крокодиловой кожей бумажник, достает из него деньги, много денег, целый пучок, вытряхивает из специального отделения мелочь... — Вот, тут даже больше, бери, пока дают. Ну?! — Парень (я вспомнил, что его зовут Копчём), обнимая за талию волоокую девицу, предлагает это не моему всё на свете знающему другу, — мне...

Я отступаю назад, прижимая сирень к груди, и молчу, испуганно глядя на него, ухмыляющегося фиксатой, воровской улыбкой, на улы-

бающуюся девицу, на Гену, стоящего в отдалении. Гена тоже молчит и, как замороженный, смотрит на меня.

— Ну, хочешь, я тебе три рубля дам?! Пять рублей!..

— Нет, — чуть не плача, говорю я, вспоминая пустынное кладбище, таинственное колыхание сирени на ветру, и весь этот томительно долгий день, успевший ещё до грозы вместить в себя так много: купание у Рейки, оскомину невызревшей смородины во рту, пескарей в Рамшаге, ржавую подкову, найденную на дороге... — Нет! — повторяю я с отчаянием и угрозой. — Нет! Я ни за что не отдам сирень... — И прижимаю букет к груди, чувствуя живой его холодок, остужающий сердце.

— Ну и дурак, — спокойно говорит Копчёный, пряча деньги в кошелёк. — Дурак ты, парень, не нужен мне твой букет. Пойдем, Тома...

Русский Stil 2013

Озерная страна – Химгау

В сентябре 2013 года фестиваль приглашает друзей в чудесную озерную страну. В этот раз мы совершим остановку на границе Германии и Австрии. В самом популярном курортном регионе, на берегу Химзее (Chiemsee). Это пресноводное озеро в Баварии, расположенное примерно в 70 километрах от Мюнхена, между городами Розенхайм и Зальцбург. Местные жители называют его «Баварским морем». На юге озеро ограничено горными альпийскими вершинами, а на его зеркальной глади расположились живописные острова в обрамлении дворцовой архитектуры и садового ландшафта. Сочетание света и цвета, покорявшее художников и поэтов, королей и святых, порою кажется слишком совершенным. Очарованные этой красотой монахини-бенедиктинки еще в IX веке основали здесь монастырь. Здесь жили баварский король Людвиг II, писатели Людвиг Гангхофер и Людвиг Тома, целая плеяда художников и отцы германской конституции.

Едва ли вы найдете другой регион, где столько интересного собрано на такой малой площади. Здесь есть все — богатая история и культура, великолепные туристические тропы, замки, канатные дороги, бассейны, термы и многое-многое другое.

Искусство и культура в Зальцбурге

Зальцбург, который мы непременно с вами посетим, расположен в северо-восточной части одноименной провинции, на границе с Германией, в состав которой он входил на протяжении более тысячелетия. Город расположен в Альпах на высоте 425 метров над уровнем моря. Зальцбург — один из самых красивых городов Европы, известный своей многовековой историей. Родина Моцарта и летняя резиденция австрийских императоров.

Атмосфера Зальцбурга проникнута красотой, игрой и искусством. Музыка в операх, в серии концертов, фестивалей и мюзиклов находится в непосредственной связи с театром, литературой, танцем, выставками и местными народными обычаями. Весь город представляет собой сцену, и вы сможете сами убедиться: тот, кто любит искусство и культуру, найдет в Зальцбурге свое счастье.

Содержание

Финалисты конкурсов 2012 года

Номинация «Поэзия»

Лауреаты и дипломанты:

Наталья Бельченко, Украина	6
Ольга Козэль, Россия	8
Надежда Егорова, Россия	10
Елена Пестерева, Россия	12
Валентин Алексеев, Россия	14
Евгений Иваницкий, Россия	16
Наталья Новохатняя, Молдова	18

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Сергей Минин, Россия
Леонид Медведев, Россия
Юлия Скородумова, Россия
Елена Морозова, Украина
Ольга Спасская, Россия

Номинация «Молодые дарования»

Лауреаты и дипломанты:

Аксана Халвицкая, Россия	22
Калерия Соколова, Россия	24
Лейла Агаева, Азербайджан	26
Владимир Коркунов, Россия	28
Виталий Помазан, Украина	30
Максим Приходский, Россия	32

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Анна Андрусенко, Украина
Вадим Егоров, Россия
Юлия Машкович, Беларусь
Алексей Михайлов, Россия
Валерия Демидова, Россия
Виктор Щетников, Россия
Екатерина Астафьева, Россия
Анна Грувер, Украина
Елизавета Дземьяшкевич, Россия
Александра Сычева, Республика Коми
Наталья Хмелева, Германия
Анастасия Сбоева, Россия
Татьяна Агнес, Украина

Номинация «Внимание: КРЕАТИВ!» 34

Лауреаты и дипломанты:

Виталий Бондарь, Беларусь
Михаил Полищук, Россия
Алиса Орлова-Вязовская, Россия

Номинация «Проза»

Лауреаты и дипломанты:

Сергей Угренинов, Казахстан	36
Алиса Орлова-Вязовская, Россия	40
Дмитрий Трипутин, Россия	46
Мария Розенбит, Эстония	49

Николай Фоменко, Украина	53
Владимир Корнилов, Россия	57
Александр Амусин, Россия	59
Олег Чистобаев, Россия	63
Вера Платонова, Россия	68
Виктор Щетников, Россия	74
Наталия Твердохлеб, Украина	79
Светлана Громова, Россия	83
Ирина Мерненко, Россия	89
Ксения Заюльева, Россия	94

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Дмитрий Воронин, Россия
Александр Пономарев, Россия
Леонид Блох, Россия
Илья Криштул, Россия
Сергей Митрофанов, Канада
Николай Зайцев, Казахстан

Номинация «Юмор, Ирония, Сатира»

Лауреаты и дипломанты:

Александр Габриэль, США	98
Наталя Резник, США	100
Катя Чековска, Россия	102
Илья Рубинштейн, Россия	106
Лилия Скляр, Канада	108
Игорь Шкляр, США	110
Мария Рубина, США	112

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Анастасия Бабичева, Россия
Леонид Медведев, Россия
Евгения Степурина, Россия
Елена Морозова, Украина
Марина Мизиковская, Канада
Татьяна Щеголева, США

Номинация «За талант и женственность в поэзии» 114

Лауреаты:

Анна Андрусенко, Украина
Наталя Хмелева, Германия
Надежда Егорова, Россия

Номинация «Нашим детям»

(стихи)

Лауреаты и дипломанты:

Елена Игнатовская, Казахстан	116
Дмитрий Виноградов, Беларусь	118
Юрий Чигров, Россия	120
Олег Бундур, Россия	122
Дмитрий Петроченков, Россия	124
Елена Харламова, Карелия	126
Дмитрий Трипутин, Россия	128
Ильдар Зинатулин, Узбекистан	130

Марина Ламбертц-Симонова, Германия (проза)	132
Лауреаты и дипломанты:	
Елена Морозова, Украина	134
Борис Кунин, Германия	137
Ольга Кошкина, Россия	140
Екатерина Жданова, Россия	145
Елена Потехина, Россия	149
Любовь Шубная, Россия	154
Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:	
Анастасия Бабичева, Россия	
Евгения Храмова, Россия	
Марина Зарубина, Россия	
Светлана Сватковская, Россия	
Марина Жойа, Украина	
Номинация «Публицистика»	
Лауреаты и дипломанты:	
Вера Платонова, Россия	158
Николай Фоменко, Украина	161
Илья Криштул, Россия	165
Валерий Ганский, Россия	168
Андрей Рыжов, Россия	170
Виктор Гришин, Кипр	174
Наталья Крофтс, Австралия	179
Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:	
Виктор Гусев-Роцинец, Россия	
Надежда Кутьева, Россия	
Геннадий Муриков, Россия	
Эльвира Сапрыкина, Россия	
Татьяна Бурдакова, Россия	
Яна Горохова Германия	
Ксения Сухаренко, Россия	
Номинация «Луч надежды»	
Лауреаты и дипломанты:	
Ирина Бурцева, Украина	186
Лев Казарновский, Германия	189
Марина Ламбертц-Симонова, Германия	191
Екатерина Селюк, Германия	192
Елизавета Субаши, Германия	193
Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:	
Иван Антони, Германия	
Екатерина Бернацкая, Россия	
Ирина Кузнецова, Россия	
Татьяна Омельченко, Украина	
Татьяна Отто, Германия	
Ангелика Ренц, Германия	
Кристина Садовски, Россия	
Номинация «Поэзия в фотографии»	
Лауреаты и дипломанты:	
Виктор Новокрещенов, Россия	198
Татьяна Мартынова, Украина	199
Алексей Нарейко, Белоруссия	200

Валерий Зубов, Казахстан	201
Александр Матанцев, Россия	201
Яна Горохова, Германия	202
Наталья Кошкина, Россия	202

Звания «Мастер!» удостоены:

Елена Куприянова, Германия	
Раиса Шиллимаат, Германия	
Татьяна Каскевич, Россия	

Номинация «Германия из моего окна»

Лауреаты и дипломанты:

Ольга Димакова, Германия	204
Веселов Хитрый, Украина	208
Алиса Куликова, Россия	212
Татьяна Мартынова, Украина	215
Елена Зайкова, Россия	220
Лидия Довыденко, Россия	224
Елена Яхненко, Бельгия	231

Звания «Автор — стильное перо!» удостоены:

Наталья Савенкова, Россия	
Альбина Гарбунова, Германия	
Татьяна Десятниченко, Россия	
Виктория Нестерова, Германия	
Яна Горохова, Германия	
Игорь Летунов, Россия	

Мы в Германии 235

Номинация «Поющие сердца»

Лучшие песни о «Русском Stil-e»	244
--	-----

Лауреаты и дипломанты

Роман Полищук, Россия	248
Александр Давидович, Эстония	
Ирина Шульгина, Россия	
Виктория Полинская, Россия	
Ирина Павлова, Россия	
Инна Заец, Россия	
Наталья Эйкина, Россия	
Константин Эрберт, Германия	
Алисе Кетнере, Латвия	
Виктор Николаев, Россия	
Екатерина Ольшина, Республика Карелия	
Светлана Рагулина, Россия	
Павел Руденко, Украина	
Владимир Володин, Россия	

V.I.P.

Александр Мягченков	251
Марина Меркулова	254
Юрий Бердан	258
Вячеслав Лопушной	260
Виктор Кирюшин	262
Ирина Горюнова	264
Татьяна Кайзер	267
Владимир Краснов	273

© Русский Stil-2012
Литературный альманах современных русских авторов
Все права защищены

Verlag „STELLA“
Max-Liebermann-Weg 14
71065 Sindelfingen
Deutschland
<http://stella-verlag.com>
Tel. +49/07031 4282498
E-mail: lnbg@ya.ru

ISBN 978-3-944121-08-6

